

Александр Иванченко

Избач

ПОВЕСТЬ, СТИХИ, ЭССЕ

Издательские решения

По лицензии Ridero

2024

УДК 82-3
ББК 84-4
И23

Шрифты предоставлены компанией «ПараТайп»

Иванченко Александр

И23 Избач : ПОВЕСТЬ, СТИХИ, ЭССЕ / Александр
Иванченко. — [б. м.] : Издательские решения, 2024. — 322 с.
ISBN 978-5-0064-3234-5

УДК 82-3
ББК 84-4

18+ В соответствии с ФЗ от 29.12.2010 №436-ФЗ

ISBN 978-5-0064-3234-5

© Александр Иванченко, 2024
© Александр Иванович Иванченко,
фотографии, 2024

Александр Иванченко

От автора

В этом году я отмечаю юбилей своего творчества, 20 лет отдано поэзии, вклад в которую отмечен десятью авторскими сборниками стихов — тоже юбилейный. В прозе я «засвечен» поменьше, серьёзно ею начал заниматься только пять лет назад — скромный результат, но за это время успел написать и издать два романа-двухтомника. Как ни странно, но дольше всего я отметился в публицистике, первые мои заметки, очерки и эссе появились в местной печати 30 лет назад. И получается, куда не кинь — не клин, а юбилей.

Вот и решил я себе в юбилейный год сделать скромный подарок, выпустить тринадцатую книгу своих сочинений и это будет ни сборник стихов или рассказов, ни роман тем более — я «стахановец», но не до такой же степени. Пусть это будет книга по содержанию — «суржик», в которой я буду, пусть даже «белой вороной», хотя я часто таковым бываю, объединив воедино не два, что приемлемо, а сразу три жанра — прозу, поэзию и публицистику.

Что касается публицистики, то почти все эссе, которые были мной написаны и отправлены в редакцию районной газеты были напечатаны, но не все мои читатели могли с ними познакомиться. Конечно, они размещены все на моей странице сайта Проза.ру, совместно с главами романов, миниатюрами и очерками. И я их все здесь размещать не буду, только избранные. Можно было их собрать в один объёмный сборник, но многие темы, поднятые в эссе, давно не актуальны, как, собственно, почти вся публицистика, она дорога, когда подаётся «горячей», когда актуальна. Вот поэтому хочу опубликовать более-менее подходящие, не сильно «стареющие» темы эссе. А, насколько они актуальны, осудите вы, дорогие читатели.

Мысль написать прозаическое произведение бюелее, чем среднего формата, такое, как повесть зрела во мне давно. И полгода назад произошло событие, которое и подтолкнуло меня, вдохновило и я рад представить результат этого труда в повести «Избач». Возможно, что работа над повестью отвлекала меня от поэзии, а может быть случился творческий застой или

это результат загруженности на работе, так как я, хоть и пенсионер, но пока ещё работающий. У вас будет возможность проследить, как изменилась тематика стихов за время, после выхода в свет крайнего сборника стихов, да и обстановка в стране и в мире, также не могла не оставить отпечатка. Оптимизма как-то прибавилось, хотя духом падать никогда не стоит. И мало того, мы, творческие люди должны, наоборот, заряжать читателей оптимизмом и верой в светлое будущее.

Часто желания и возможности, а порой и обстоятельства не могут попасть в единый ритм амплитуды, чтобы раскачать в первую очередь автора до взлёта, и затем уже затронуть глубоко душевные струны читателей, чтобы они заиграли в унисон. Но это уже философия.

Всем мира, добра, здоровья, Божьей благодати, позитива, побольше радостных событий! Будьте счастливы, друзья!

С уважением к Вам, мой дорогой читатель, член Российского союза писателей, Александр Иванченко.

Избач

Повесть

Предисловие

Если спросить сегодня кого-то из молодых людей, «кто такой избач?», то они, применив всю свою эрудицию, если не привлекут на помощь сети интернета, то

будут предлагать вам самые неожиданные варианты ответов. Хотя сейчас интернет, который, как они считают, знает всё, только кликни «Алису», призови на помощь «нейросети» и все дела.

Ну, конечно, в значении этого слова по википедии — культурно-просветительный работник в деревне, заведующий избой-читальней. Эта профессия просуществовала в сельских глубинках примерно 30 лет. Она подразумевала, в отличие от «кликбеза» — ликвидации безграмотности, несколько иные цели. Одной из основных целей была пропаганда социалистического образа жизни, коллективного хозяйствования, ликвидация политической безграмотности, агитация и доведение правдивой информации до населения во время коллективизации, к сельским жителям в глубинках нашей необъятной страны во время Великой отечественной войны и после неё, при возрождении народного хозяйства, ликвидации голода и подъёма у крестьянства, в основной массе, идеологической стойкости, веры в поставленные планы и задачи партией и подъём духа коммунистического соревнования, направленных на повышение производительности труда и трудового героизма.

Возможно, я немного больше знаю о тех трудностях, которые испытывали в работе избачи, а ими были не обязательно и зачастую даже, не люди, окончившие институты или какие-либо курсы, а вчерашние школьники, комсомольцы-активисты. И знаю я это потому, что мой отец был избачом, начиная с четырнадцатилетнего возраста. Почему при-

влекали к этой трудной работе подростков? Потому, что люди старшего поколения, наоборот, были менее образованы, чем их дети, они имели, в лучшем случае, как моя бабушка — два класса ещё на рубеже двух веков, а другая, которая помоложе лет на пятнадцать, уже окончила начальные четыре класса школы. Как первая говорила: «Читать умею, писать умею — можно замуж выходить».

Почему я решил написать именно сейчас? Ведь моего отца уже нет давно рядом целых тридцать лет. Что меня подтолкнуло к этому? Один случай, который поднял мой эмоциональный уровень на такую высоту, с которой я отчётливо увидел и понял, кому я в первую очередь обязан своими успехами в творчестве. А обязан я не только своему отцу, обоим родителям. Но отцу в первую очередь, конечно.

Не так давно у меня состоялась первая презентации авторской книги несмотря на то, что она у меня по счёту уже двенадцатая. Это был роман «Вишни». И это всё только благодаря работникам М-Курганской Межпоселковой Центральной библиотеки. Без них бы не было ни того импульса, давшего толчок к началу того, что нужно было сделать давно. И ещё один немаловажный факт, который хочу отметить — это создание, после капитального ремонта модельной библиотеки: с многофункциональным залом, где проводятся теперь очень часто самые разные мероприятия, как и моя презентации книги; с библиотечно-информационным центром; с отделами обслуживания и с зонами отдыха, творчества и развлечений.

Сейчас — это сказочный теремок, по сравнению с теми избами-читальнями, с которых начиналась культурно-просветительская работа на селе. Думаю, что отец, доживи до наших дней, был бы очень рад и приятно удивлён, как от керосиновой лампы в приспособленной под избу-читальню деревянную хату, выкупленную сельсоветов для собственных нужд, произошли такие серьёзные преобразования и, как «по щучьему велению» или, как в сказке «О рыбаке и рыбке» изба превращается в современный храм знаний и всесторонней информации, включая электронные книги и услуги интернета.

Но духовная связь же существует?! Она не прерывается даже тогда, когда душа умершего родного человека покидает этот грешный мир. Я так думаю.

1

Март 1943 года. Из печной трубы, обычной с виду избы, но расположенной в самом центре села, свежим морозным и безветренным утром, тянется сизый дым и, ощутив простор, поколебавшись в раздумьях, «куда бы податься», всё же он решается совершить вертикальный взлёт сплошным потоком, через невидимый дымоход. Резко распахнулась входная дверь избы и из неё, увлекая за собой турбулентным завихрением такого же цвета едкий дым, во двор выбежал, угнувшись, дабы не расшибить лоб косяком, долговязый парень и надрывно кашляя, от изрядно «пощекотавшего» бронхи дыма.

Это был нынешний хозяин этой избы, как ни странно, молодой, а уже хозяин. Да и изба эта необычная, деревенская — это изба-читальня. Да и хозяином он стал, если так можно сказать, с использованием «хоромов», не для личного пользования, а в качестве помещения, для выполнения должностных обязанностей, своего рода — служебный кабинет, «офис».

Ровно месяц назад село было освобождено от немецко-фашистских оккупантов, дерзким ночным прорывом механизированной бригады со стороны слободы Большекрепинской и слободы Советки. И эта героическая и одновременно трагическая ночь сильно запала в душу пареньку. Как внезапно не организовать ночную атаку, но рев советских «тридцатьчетвёрок», да ещё и ночью, слышно далеко. И справедливости ради, сказать, что фашисты побросали оружие, как иногда показывали в послевоенных фильмах, где враг валился штабелями, как стебли суданской травы, под напором, остро отклёпанной косы-литовки, изготавливаем методом литья, под натиском советских бойцов, которых и пуля не брала.

Если бы так. К сожалению, брала, брала и пуля, а броню брали бронебойные снаряды немецких самоходных орудий, тем более, если из засады, прямой наводкой, да в упор в боковую, менее прочную броню Т-34. И так уж случилось, что геройский экипаж, первым ворвавшийся в село, погиб. Погибли все танкисты. При освобождении села погибли десятки бойцов, но их, убиенных, парень не видел, мог только по тому, какой ожесточённой была стрельба орудий и автомати-

ческого оружия, «шмайсеров» и ППШ, которые он чётко научился различать. Но запах горящего танка, горючего, взрывы боезапаса и, самое страшное — запах горячей человеческой плоти, он ощутил впервые и это не давало покоя много дней.

Запах же тротила, соломенных или камышовых крыш горящих хат и другое он уже хорошо мог, даже не видя, а сидя в укрытии, добротном подвале, сложенном из камня-песчаника, знал хорошо.

Вспомнил бои осенью 1941 года. Тогда, отступающие части Красной армии, оставили артиллерийскую батарею, которая размещалась в полукилометре на запад, на возвышенности, удобной для встречи неприятеля артиллерийским огнём.

Батареей командовал молодой лейтенант. Он был весельчаком. Квартировал лейтенант в хате избача, а вернее его отца, Фёдора Филипповича, высокого, худощавого, но крепкого, привычного к тяжёлому крестьянскому труду мужчине, возраст которого перевалил за 51 год. Хозяйка, тётя Настя, как её озорно величал весельчак лейтенант, хлопотала у печи в хате.

А Ванюшка-неваляшка, как полушутя называл самого меньшего сына Фёдора офицер, которому в ту пору уже шёл 15-й годок, крутился возле военного и клянчил: «Дядь Гриш, ну дай пистоль пострелять! Я недалече, на балке по жабакам... хоть пару разков, а?!»

«Казак растёт, тётя Настя! Геройский парень...», — обратился с улыбкой лейтенант к хозяйке.

Та, только рукой отмахнулась, не отрываясь от стряпни.

Лейтенант серьёзно посмотрел парню в глаза и спросил:

«А коли фриц пойдёт, ты чего будешь делать? Руки в гору?»

«Не-е! — обиженно ответил парень и опустив голову, остановив взгляд на запыхлённых хромовых сапогах офицера, оживился и бодро добавил, улыбнувшись, — а я вам сапоги почищу!»

Все дружно засмеялись. Лейтенант достал из кобуры воронённый пистолет Стечкина, покрутил его в руках, а потом серьёзно спросил:

«Пользоваться умеешь? — не дождавшись ответа, продолжил, — смотри, как нужно... снял с предохранителя... взвёл, вот так, на себя оттягиваешь, отпускаешь... когда стрелять будешь, держи крепко, вот так...».

Балка располагалась в 50 метрах от второй с края хаты, где, выйдя во двор и закурив, лейтенант присел на бревно и слушал, сколько выстрелов произвёл пацан.

Иван вернулся счастливый. Отдал пистолет и стоял в ожидании сапог. «Долг платежом красен» — читалось в его глазах.

Офицер засмеялся, похлопал парня по плечу и сказал:

«Не нужно, брат! Скоро такое начнётся, что — Боже упаси! Ты, как начнётся стрельба, в погреб ныряй... Жарко будет... жарко. А я не успел жениться и детей нет. Вот так-то, брат!» — ещё раз похлопал покраснев-

шего парнишку по плечу, дал команду бойцам, отдыхающей смены и ушёл на батарею.

Больше Иван лейтенанта не видел, но двое суток слышал работу орудий батареи и разрывы танковых и артиллерийских снарядов, наступающих фашистов со стороны Матвеева Кургана. Слышал парень звонкий голос командира, отдувающего команды вперемешку с матом и присказками, между разрывами и рёвом канонады и приближающихся, бравших в кольцо батарею советских артиллеристов. С горы за речкой Каменкой, где располагалась батарея не вернулся никто. Погибли все.

За более, чем полтора года войны вспомнить можно было много. Но вот этой бой за освобождение села, который произошёл в ночь с 15 на 16 февраля, он забыть не мог. Вспомнил, как хоронили погибших танкистов и погибших в том бою солдат в 100 метрах от дома, на пустыре, который стал последним пристанищем героям.

Больше война в село не вернётся, хотя в это верили, но быть абсолютно уверенными было нельзя, дабы не разгневать Господа. Фронт остановился на Миусе. Матвеев Курган был освобождён. Жизнь в прифронтовой полосе потихоньку нормализовалась.

Когда Ивану предложили почётную и ответственную работу, возглавить, а вернее организовать, возобновить работу избы-читальни, он долго отнекивался. Ведь он даже комсомольцем не успел стать, а тут такая

ответственность, но уговоры были убедительны — сдался.

Батю шутил над сыном, говорю: «Видишь, Федорович, какой тебе почёт. Старший, Алексей, коммунист, он на фронт добровольцем пошёл. Средний, Григорий, институт перед самой войной окончил, инженер, в Казахстане доверили работать главным инженером завода. А ты, без „бамаги“, а доверия поболее, чем другим. Мать! Бабочку к фраку Ване нужно прикупить, та штаны заштопать... али с лампасами, шоб булы. Слышишь, мать?»

Отец шутил — сын злился, но перечить отцу не в семейных традициях, да и мал ещё, чтобы голос иметь. И решил Иван Федорович, как не странно такое слышать о себе, доказывать, что в нём не ошиблись и он сможет работать не хуже иных.

Работы было много. Нужно было восстановить то небольшое, что смогло сохраниться за всё это время, когда менялась местная власть или, были даже времена безвластия. Но, а сейчас, нужно думать, что советская власть вновь вступает в свои права и если не навечно, то надолго, на года и десятилетия. Часть библиотечного фонда была утрачена безвозвратно, растаскана или банально сожжена.

Если бы по-хорошему, то нужно было организовать субботник и за день выполнить комплекс работ. Но гордость и желание доказать, что «я сам с усам...», делали своё дело. Самое трудное — начать.

Первой в избу-читальню потянулась молодёжь и детвора. А куда ещё можно было пойти в селе, когда

в 25 километрах западнее ежедневно слышна канонада артобстрелов и авианалётов на линии Миус-фронта. Люди жили войной, жаждали слышать об успехах на фронтах, тем более что он не так уж и далеко. И новости приходили, приходили самыми невероятными способами. Их просто нужно было собирать, «архивировать», чаще всего в своей памяти или редкими печатными изданиями, которые рассказывали о событиях на всех фронтах.

Обещали провести и установить радиоточку. Но одними из важных информационных носителей были демобилизованные по ранениям или инвалидности земляки. От них приходила самая правдивая информация, порой с «бородой» прикрас, если касалось личных подвигов. Фронтовые байки и песни, которые распространялись очень быстро и передавались из уст в уста, с множеством вариантов.

Молодая память работала безукоризненно, но что-то важное приходилось записывать. Что такое бумага, хотя бы для написания письма на фронт, знают не только фронтовики.

Заведующий избой-читальней, пользуясь этой привилегией, мог курить табак наравне со взрослыми. Да и разговоры, которые вели здесь мужики, зачастую, должны были иметь возрастное ограничение для прослушивания. Но не выгонишь же «начальника» из его же «кабинета» или «рабочего места».

Приходили женщины и бабушки, с просьбой написать письмо сыновьям или мужьям на фронт, кому-то нужно было грамотно составить заявление или другой

документ в органы исполнительной власти сельского совета или более высокую инстанцию.

Детвора крутилась весь день, если не были заняты сбором боевых трофеев, чтобы потом прихвастнуть перед ватагой пацанов. Чего греха таить, Ванюша тоже был любителем оружия, да и кто из пацанов им не был?! Отыскал как-то исправный ППШ и тайком прикопал в саду, недалеко от того места, где, при отступлении советских войск на Ростов, артиллеристы оставили приличное количество снарядов, закопав их в ящиках там же в саду.

Особый интерес у него был к найденному арсеналу, где к гранатам был комплект взрывателей. Граната — это дело шkodное, если найдут, то по шапке, как минимум надают. Потому, гранаты, на всякий случай, он спрятал в потайном месте, а эти маленькие штучки, что карандаши, оставил у себя. И с нетерпением отправился за речку Каменку, где у криницы решил испытать работу запалов.

Вот удачно сработал один запал, метрах в пятнадцати с характерным хлопком, подняв пыль, подсыхающей, от ночных заморозков и дневного скудного ещё, на пригорке ошутимого теплом, солнца. Восторг заставил подкрепить успех. Сработал второй. А вот следующий, выдернув кольцо и ослабив скобу запала, думал, куда бы бросить с большим эффектом — может быть в криницу? Спусковой механизм запустил процесс замедленного срабатывания взрывателя.

И когда парень сделал замах для броска, произошёл взрыв.

Ваня со страхов смотрел на то, как указательный палец правой руки свис не сторону ладони, а наружу и ещё через секунду хлынула кровь. Крик, наверное, услышали и дома, и у мамы ёкнуло сердце, ведь оно такое чувствительное, особенно к болям своих кровинок. А Ваня был шестой, самый меньший из тех, кому судьба была дожить до этих дней. Хотя уже на старшего пришло извещение — «пропал без вести».

Обхватив правую кисть дрожащей левой рукой и прижав её к груди, не видя из-за слёз, заставших глаза, тропинку от криницы к селу, по которой и мать, и он сам многократно за день ходили с коромыслом по воду, бежал с криком домой. Что его там ждало, сочувствие родителей или нагоняй в первую очередь, об этом он сейчас не думал. А в кармане штанин металлическим звоном, что колокольчики на донках рыбака, в такт движения бегущих ног, отзывались неиспользованные запала, как бы «нагнетая» и без того полу стрессовое состояние парня.

Фельдшер покачал головой и произнёс: «С боевым крещением, вояка! Или служить не хочешь, членовредительством решил заняться?» — толи с усмешкой, толи серьёзно сказал пожилой человек, видевший многое, а теперь уже, по возрасту, определённый в сельский медпункт, для оказания медпомощи местным жителям и возвращающимся с войны, списанным под чистую бойцам, из-за ранений или инвалидности.

Увидев заплаканные, но злые, что у загнанного волчонка глаза, добавил: «Не серчай! И без одного пальца жить можно. Главное глаза не выбило и с головой всё в порядке. Урок на всю жизнь будет. А пальчик придётся удалить. Иначе... Я же не Бог и не хирург. Благодарю, брат Бога, что всё так, а не иначе».

Сустав большого пальца не был повреждён и потому маленькая культя всё же осталась, как напоминание о том, что лезть делать, а чего ни-зя.

По привычке брал в руку «химический» карандаш или перьевую ручку, которые выпадали. С ручкой, которой он пользовался редко, было больше проблем, так как чистой бумаги был дефицит, а делать на ней кляксы — было верхом расточительства.

В избе часто пахло варёной картошкой. Посетители, зайдя с улицы и уловив знакомый запах, начинали дергать ноздрями и глотать непроизвольно слюни. «Избач», наблюдая за реакцией гостей, улыбался и молча накладывал клейстер на обложку очередной, выдавшей вида книги, чтобы склеить листы или переплёт обложки, дав её вторую жизнь.

Проводя политинформации, основной и главной темой которой было положение на фронтах, а для того он использовал самые разные источники, даже те, которые и проверить было невозможно или очень сложно. Но главная задача была — не допускать панического настроения и неверия в силы Красной армии и скорейшую победу. И это было не так уж и легко,

так как фронт задержался вновь на Миусе и на этот раз противостояние было длительное. Не за горами были праздник 1 Мая. Выбить у сельсовета агиттекстиля, ситца кумачового цвета, было самым лёгким. А вот сделать надписи, когда и раньше к такого рода писанине не было таланта, а теперь и подавно, когда рука стала четырёхпалой и недоставало очень важного пальца.

«Ваня, ты же культработник и несёт свет в жизнь села не только двумя лампами-керосинками, но и свет в души людей, зачастую с двумя классами, как мои родители или четырьмя. Ты для них — интеллигенция, целых шесть классов, после начальных у себя в селе и двух в Петровке, где и школа семилетка и сельсовет размещались. Ну, что ты, не можешь убедить тех, кто умеет делать лозунги и растяжки, «нажав» на комсомольскую или гражданскую совесть и важность личного вклада в общее дело, ради победы над врагом...», — сам себя настраивал Иван и это давало определённую уверенность, и он действовал, и добивался требуемого, учился быть убедительным, что часто получалось.

И снова вспомнилась зима, Морозы крепчали и немцы, те, кто не в наряде, что тараканы понабились в хату. Мать хлопотала у печки. Худенькая и шустрая, она, извиваясь и проворно находя небольшой свободный пяточок между холёных тел, распластавшихся сидя и полулёжа вокруг печки, чтобы донести казаны и утварь к плите или снять кипящее варево и отставить для томления.

И, как на грех, снимая с печи тяжелый казан с варевом, цепляется ногой за одного, из близко подлезших солдат вермахта, и, естественно, теряя равновесие, плеснула кипятком на голову фашиста. Возможно, потому что Анастасия была глубоко верующей женщиной, её Господь спас от неминуемой смерти дважды.

Во-первых, она удержалась и сумела опустить казан на поставку на кухонном столе, а не вывернув все пять литров варева на эту этого грузного немца. Во-вторых, её от неминуемой смерти спасло то, что разъярённого и покрасневшего и от злобы, и от того же кипятка, вылитого на холёную шею и короткостриженую голову, сдержали его же товарищи.

Немец орал: «Матка — партизан!»

Немцы смеялись, удерживая распалившегося и разъярённого вояка, отняв у него автомат со взведённым затвором, приговаривая: «Партизан капут! läuse sind kaputt! (вшам капут!).»

Где тогда была душа у матери Вани, только Господь и знает. Видимо, она успела мысленно обратиться к Богу. Что тогда прочувствовал сын, ставший свидетелем этого инцидента.

Но не прошло и двух дней, как после довольно сытного обеда, один из немцев, оставивший дома, в Германии семью и потому у него был явный интерес к русоволосому парнишке. Он закурил и предложил Ване. Тот не стал брать сигарету, хоть втихомолку давно уже покуривал, но при отце и матери никогда. Немец настойчиво расспрашивал о чём-то парня.

Когда Ваня понял простые слова, ведь в школе два года изучал немецкий, решил ответить, насколько позволяли его способности и познания. Немец заулыбался, потряс парня за плечи и похвалил:

«Gut gemacht, kleiner Junge! Gut! (Молодец парнишка! Хорошо!).»

Ваня осмелел, после похвалы, ему стало интересно и, казалось, что он больше хотел родителям показать, что он «не даром ложкой щи хлебал» и что порою его напрасно журили по поводу слабых успехов по некоторым школьным предметам. Другое дело — сестры. Те учились практически без троек.

Ушла куда-то зажатость, Ваня забыл на время даже то, что с ним разговаривает, не знакомый дядя, а чужой и не просто чужой человек, а тот, кто пришёл, хоть и не по своей воле не в гости, а убивать, перед ним враг.

Немец смеялся, тряс парня за плечи, нахваливал и говорил-говорил. Когда Иван понимал, хотя бы половину слов и узнавался смысл всего предложения или вопроса, он старался ответить одним или двумя словами, так как словарный запас был довольно скуден. Всё шло ладно, но недолго.

После очередного ответа паренька, немец резко сменил улыбку на гнев. Крепко впился в плечи и казалось, что он вот-вот оторвёт руки вместе с лопатками от ключиц. Ване было больно, но попытки вырваться были бесполезными. Сердце заколотилось в предчувствии чего-то неминуемого и страшного.

Не отпуская рук, немец прошёлся ими по плечам и, остановившись на худой шее, стал душить, сжимаю её,

что в тиски. При этом, недавний «собеседник» Вани разразился таким криком, со злым, колючим и ставшим моментально холодным, стальным взглядом, острым, как лезвие немецкого штыка, что второго исхода инцидента уже никто не ожидал. Видимо то последнее слово, которое сказал Ваня немцу было страшнее пули и снаряда, раз немец «взорвался», от его «детонации» и сам.

Мать, услышав возню, кинулась на обидный, из-за беспомощности, в желании вырваться из цепких рук жирного фашиста, призывающий, толи к Богу, Божьей Матери или той, что была за перегородкой и мало чем могла помочь. Крынка с молоком выскользнула из рук, опрокинулась, не разбившись на старом половичке, покрывающем земляные полы-мазанку и в хате, в трагизм ситуации, приятным запахом парного молока, просочилась надежда на то, что трагизм конфликта удастся предотвратить по велению Всевышнего, к которому были обращены мысли и она шептала дрожащими губами молитву.

Со скрипом, резко отворилась входная дверь и в прихожую быстро вошёл хозяин подворья, отец Вани, Фёдор Филиппович, увлекая за собой белым, завихряющимся турбулентно потоком, облако морозного воздуха и, увидев картину, которая открылась в двух-трёх шагах от него, замер на миг. Его глаза выразили ничем не скрываемую ярость, правый ус, совместно с худошавой щекой поддёргивался, крепко сжатые кулаки, жилистый и покрасневших на морозе рук, побелели в суставах фаланг пальцев.

Немец медленно повернул, раскрасневшуюся от злости холёную физиономию, с гладко выбритыми, лоснящимися ланитами и его глазах ярость резко сменилась на ужас и пришло осознание того, что сейчас он может оказаться в качестве повергнутого противника, и отпуская «мёртвую хватку» пальцев, отпустил шею хрипящего парня, не поднимаясь во весь рост, медленно попятился от вошедшего хозяина. За полтора года войны фашист успел узнать, на что способны русские, даже без оружия, в данных ситуациях, бормоча при этом себе под нос:

— Er nannte mich ein Schwein. Er nannte mich ein Schwein... (Он меня обозвал свиньёй...).

Разве могло этому верзиле прийти в голову, что парнишка деревенской школы, где сам учитель, хоть и из немцев-колонистов, но и сам никогда в Германии от рождения не был и, при разговоре на своем родном языке с соотечественниками, даже у них возникают непонимания, из-за разницы диалекта тех мест, откуда давным-давно приехали в эти края по приглашению русских императоров немцы. И то, что эта оплошность в одну букву, которую он «проглотил» в слове «Schein» — блеск, говоря о снеге и солнце на дворе, могла стоять парню жизни, он и сейчас видимо не понял. Он в момент ярости видел перед собой врага, хоть ещё и малолетнего.

Отец, припав на колени, начал трясти парня за плечи, пытаясь заставить его дышать. Мать подскочила в ковшик воды и, набрав полный рот, с глубоким выдохом обильно оросила лицо сына и супругу доста-

лось, естественно. Ваня вздрогнул, сделал глубокий звучный вдох и открыл глаза. Он смотрел недоумённо и сначала, попытался сопротивляться отцу, думая, что кошмар удушения продолжается.

В редкие минуты одиночества, когда избач находился в лёгкой прострации, перебирая в голове, что нужно сделать в первую очередь, смотря на огонь через треснувшую плиту печки и слушая потрескивание дров, вспоминал те минуты из своей короткой жизни, которые забыть невозможно. Но обязательность и должностные обязанности, к которым он относился с явным рвением, заставляли забыть тягостное в мыслях.

Село привыкло жить мирной жизнью. Пацаны 14—16 лет, приходили в избу, так как зимой круг интересных занятий сужался. А начавшая весна пока не радовала теплом. Самое интересное начиналось тогда, когда в тесные помещения избы-читальни принимали долгожданных гостей — это вчерашние фронтовики, которых можно было слушать и слушать.

Их рассказы о войне чередовались с популярными песнями на военные темы, «гулявшие» на передовой и поднимающие бойцам настроение и боевой дух и быстро распространились в самые дальние уголки необъятной родины. Затем они сменялись откровенно блатными песнями.

Добродушные селяне, видя скудность сохранённых и отремонтированных книг, старание избача вести своё, вверенное ему «хозяйство» в порядке, приносили из дома сохранившиеся книги.

Когда Иван отнекивался, от скромности, дарители говорили:

— Это же не тебе лично, а для благого дела. Пусть пользуются. Я же не Плюшкин, да и не Кошей Бессмертный — мы все смертные, а литература, книги, они бессмертны, они на года и на века...

С какой радостью селяне встретили новость об освобождении района от немецко-фашистских оккупантов, с прорывом Миус-фронта. Всем хотелось поделиться радостной новостью, порадоваться коллективно, что всегда было заложено в русской душе — это щедрость душевная. Радостью спешили поделиться всему миру, а с горем часто оставались наедине до тех пор, когда оно не удерживалось внутри и прорывалось, толи потоком слёз, толи видом, когда смурнее тучи, толи неадекватным поступком, коих ранее не наблюдалось. Вот тогда и узнавали все о том, что и выносить на обсуждение не хотелось.

Но были и часто в эти годы, родные, жены и матери получали похоронки. Тогда голосило, как правило полсела, а вторая половина, лишь всхлипывала, так как уже все слёзы по своим выплакала сполна, и они становились душевно очищенны и в первое время даже не реагировали на внешние раздражители, не говоря уже на оклики или обращение соседей и односельчан.

Странно было видеть, когда не старики уговаривали, успокаивали плачущего мальчугана, паренька-подростка, даже не юношу, а наоборот. Случалось так, что и те, кто ему даже не в матери, а в бабушки годились, слушая уговоры юнца, стыдливо отворачивали или опускали глаза, кивая, как нашкодившие школьники,

а потом приподняв замутнённый слезами взгляд, признавались:

— Ты прав, Иван... — замявшись, добавляли, — ... Фёдорович.

А Фёдоровичу накануне, всего неделю назад исполнилось шестнадцать лет.

Избач сидел в гордом одиночестве напротив коптившей керосинки. Она коптила из-за того, что была запровлена тем содержимым «палевом», содержащую смесь топлив и воды. Его собирали всей деревней после артобстрелов и авианалётов в то время, когда стоял, хоть и не продолжительно фронт и были боевые действия в районе села, в балке, в котлованах и взрывных воронках. А туда горячее попадало из множества разрывов нефтепроводов, две «жилы» которых отчётливо виднелись, пролегая на узкой речушкой Каменка и метров по пятнадцать в одну и другую сторону, пока не «вгрызались» в толстый слой почвы возвышенностей по направлению нефтепровода «Грозный — Лисичанск». По ним перекачивались различные продукты переработки нефти.

Люди, живущие в прифронтовой полосе, были в какой-то степени даже рады таким вот зияющим дырам в толстостенных трубах, из которых в большом количестве вылились столь важные, для жизнедеятельности жидкости. Их хранили в больших количествах в самых разных ёмкостях так, как хранят дождевую воду для стирки или припрятавали в сараи. Кто-то рисковал даже в подвалах, если там уже и не пахло

снедью или... Тогда снедь можно было выбрасывать. Да и откуда она возьмётся после оккупации немцами.

Фитиль коптил, а парень смотрел, как огонь потрескивал от капелек воды, которые вместе с топливом попадали в зону горения и думал о своём, о том, что произошло за последние два года и даже чуть больше. Посетители давно разошлись по домам. А окно в избе читальне мерцало тусклым огнём керосинки.

Иван вспоминал, как в домашнем «полку» семьи Федора Филипповича, после убития взрослых детей, прибыли другие люди, и прибыли детей его же детей, а вернее сказать, детей избранников и избранниц его детей. Как это может быть? Не только в сказках может быть, но и в реальной жизни случается. Но лучше по порядку.

Ещё в августе 1941 года ушёл добровольцем на фронт старший сын Фёдора, Алексей. Ему шёл уже 39-й год, он не так давно женился, проще сказать взял женщину с «довеском», как говорили в селе. И им, этим «довеском» оказался забавный карапуз лет пяти. Алексей любил Арину, да и быстро привык к её сыночку, чертами лица похожему на мамку.

Алексея в селе и в колхозе уважали. Он был примерный работник, выучившись на водителя, работал сначала в родном колхозе на одном из двух, так называемых «полуторок», грузовиков марки ГАЗ-АА. Работа ему очень нравилась, да и в те, довоенные годы, профессия шофёра, была почётней, чем через необозримое будущее быть космонавтом.

— Ванюха, — говорил с самым меньшим старший брат Алексей, — что это мне на тебя мамаша жалуется, что ты стал к учёбе негоже относиться и табаком от тебя уже, как от забулдыги прёт за версту. Ты, что? Наш Гриша скоро институт заканчивает, инженером будет. Таких у нас в селе ещё не было, учёный у нас брат, я — шофёр, в партию приняли, в почёте даже в районе на доске почёта. А ты? Из тебя же и поганого тракториста не выйдет. Эх, Ванюха-Ванюха?!

— Да чё ты, Алёшка? Может я артистом хочу стать, каким-нибудь Чарли Чаплиным. Ещё не решил... Меня мазута не привлекает, и партия... Меня ещё может быть и в комсомол не примут. Сказали, что... Да, сам же знаешь, за шо... За всё хорошее.

— Так ты исправляйся, бросай курить, учиться старайся, в школе не шали... И глядишь, на октябрьские примут в комсомол. Не позорь меня, брат! Договорились?

— Ну... ну, ладно, договорились, если дашь поручить немного, а? А-то меня пацаны всё пытаются, мол давал брат руля или не...

— Вот, как справишься, так и сразу. Обещаю! Прямо по Закауровской и по Петинской улицам дам проехать.

— Вот це по-пацански! — Ваня подпрыгнул от радости с сияющим лицом.

Незадолго до войны, на отчётном партийном собрании коммунистов, был заслушан отчёт секретаря партийной организации колхоза «Труд». В результате прений, был выявлен ряд серьёзных недоработок и упущений секретаря партийной организации, в следствии чего встал вопрос о переизбрании секретаря. Наряду с кандидатом, «привезённым» из района секретарём райкома партии, колхозники предложили кандидатуру Алексея.

— Ваш кандидат, товарищ первый секретарь, быть может и хорош, но мы его не знаем, ни как человека, ни как коммуниста, ни как работника, — взяв слова, начал старый коммунист Савелий Лысенко, — а у нас есть своя кандидатура. Могём мы или не могём, своего, местного, всем знакомого коммуниста и знатного работника предложить?!

— Кого же товарищ Лысенко желает предложить в качестве кандидата в председатели колхоза? — с еле заметным ехидством спросил секретарь райкома и, исподлобья, насупив брови, заложив руки за спины и смешно прогнувшись вперёд, посмотрел на секретаря парткома Раскошного Тимофея.

Тот нервно заёрзал на стуле, так как такого поворота дела на общем собрании колхозников он не ожидал. Ведь он привык исполнять все, доводимые сверху указания, без разногласий и раздумий.

«Там, наверху, у начальства головы побольше и им виднее с высоты-то» — думал всегда парторг и не имел привычки идти наперекор волеизъявлению райкома партии.

— Алексея Прасола! — после короткой, но успешной затяготить всех неизвестностью, паузы, громко огласил Савелий.

— Хорошо! — не без стали в голосе, пробежав своим «колючим» и «холодным» взглядом по присутствующим, как бы пытаясь внушить всем то, что этот кандидат, которого он представляет, проверенный и перепроверенный и в революционной борьбе, и на «фронте» коллективизации, и достойней оною ни в жизнь не сыскать.

— Хорошо, — уже более спокойно продолжил секретарь райкома, — я тоже лично знаю Алексея Фёдоровича. Мне первый секретарь Анастасиевского района, будучи начальником политотдела, при Милость-Куракинской МТС, Цегоев, как-то уши прожужжал о молодом коммунисте, работающем в МТС водителем. И, если за эти годы, уже не такой и молодой, а зрелый коммунист не растерял в себе пролетарского порыва и преданности делу партии, и тем более, имеет рекомендации товарищей по партийной ячейке, то милости просим. Я не имею лично ничего против. Так, товарищи?!

Все присутствующие одобрительно загудели.

— А теперь позвольте вам представить, хоть и мало кому из присутствующих известного, но не менее заслуживающего своими успехами на предыдущем месте работы, кандидаты в руководители партийной организации.

Первый секретарь райкома ВКП (б) рассказал о Протасове, который успел даже немного поработать

в одном из отделов райкома и, по словам рекомендуемого, сможет наладить работу в колхозе, повести актив организации за собой, а стало быть, и поднять показатели хозяйственной деятельности колхоза, сделав его передовым, среди других в Милость-Куракинской МТС.

Речь была «пламенной, иначе не скажешь. Оставалось только объявить о вручении товарищу Протасову Б. А. Ордена Ленина.

— Если больше кандидатур нет, то переходим к голосованию.

Товарищи, кто за кандидата, Протасова Бориса Алексеевича, прошу поднять руки... — закончив речь, первый секретарь райкома, традиционно, по привычке поднял руку первым, задавая присутствующим «вектор движения» рук.

Так как коммунисты начали голосовать нерешительно, поддаваясь больше желанию угодить начальству, представитель партийной власти тянул свою руку всё выше и вперёд, в направлении собравшихся в зале избы-читальни колхозников. А так как в руке зажимал в крепкой, «мёртвой» хватке картуз, то напомнил, для тех, кто хоть раз видел репродукцию картины Василия Хвостенко «В. И. Ленин на броневике в 1917 году».

Люди переглядывались, желая увидеть одобрение среди своих односельчан данному товарищу и, нерешительно или поднимали руку, или вертели на лавках, не находя «kozyрного» аргумента. Председатель собрания не спешил с подсчётом голосов, поглядывая на районную власть и надеясь, что она вот прямо сей-

час достанет из кармана кожаной куртки тот самый небьющийся козырь. И заметив, что нерешительно поднятые руки стали, то там, то здесь стыдливо прятаться за спинами впереди сидящих, быстро сосчитав голоса и попросил опустить руки.

Объявили голосование за второго кандидата. Даже без подсчёта был виден результат волеизъявления коммунистов колхоза.

Подсчитали голоса. Большинство голосов был избран коммунист Прасол. Партийный вожак района поблагодарил присутствующих и выразил надежду, что их выбор явится началом расцвета колхоза, как и во времена политотделов, когда Милость-Куракинская МТС была известна на всю страну, и жалеть о выборе не придётся.

Первый секретарь жал крепко Алексею руку, не отпуская руку вновь избранного коллеги по партийной работе, делал амплитудные подъёмы и опускания, как будто пытался что-то вытряхнуть или, наоборот, вбить. При этом всё что-то приговаривал в плане напутствий. Конечно, Алексей, из всего того ничего вразумительного для себя не смог запомнить и единственное желание было — когда же он его отпустит.

Потом, встрепенувшись, вспомнил и сделав растерянные глаза, спросил:

— А, как же автомашина? Ведь у нас-то в «Труде» всего две «полторки» и запасных водителей пока нет. Нет! Я не могу!

— Не переживай, Алексей Фёдорович! На сколько я знаю, списочный состав коммунистов в вашем кол-

хозе пока ещё позволяет быть парторгом, как говорится, полуосвобождённым. А, если подготовишь человек 10—15 кандидатов в члены партии, вот тогда и «под завязку» будешь «при портфеле». А пока личным примером показывай на уборке, перевозке зерна и грузов хозяйственного назначения, что коммунисты — передовой авангард не только рабочего класса, но и трудового крестьянства. Я знаю, у тебя, Алексей, получится.

И только после этого отпустил руку Алексея с онемевшими пальцами. Силён партиец, однако! Как только первый секретарь отошёл, сразу откуда-то, как из подполья, вырос товарищ Алексея, Василий Пужалин.

— Фёдорыч! Ты же того... коли будешь передавать свою машину, не забудь, мы же с тобой с самого начала. Только моя уже «леченная», а твоей ещё двух годков нет. А то дадут какому-нибудь молодому недоумку, сам знаешь...

— Не переживай, Вася, я не передаю машину, пока не передаю.

— Ну, если что, имей ввиду, — Василий неспешно отошёл, опустив голову и казалось, что он был ответом Прасола огорчён.

Алексея встретил дома отец, смачно затягивающийся табаком-самосадам, щурясь от едкого дыма, струившегося, как из печной трубы дым, в морозную безветренную погоду, вертикально вверх и кряхтел, толи от удовольствия, толи от того, что никотин раздирал бронхи, что шаловливый котёнок шторы в богатых

панских домах. Он смотрел на сына, неспеша шествующего вдоль сложенных, вместо ограды, двух рядов буттового камня песчаника по, местами выезженного колёсами бричек, спорыша, как по ковровой дорожке к пьедесталу. Алексей прихрамывал на одну ногу и слегка её волочил. В свои 38 лет больше был похож на ветераны боевых действий на Халкин-Голе, чем на партийного вожака колхоза.

— Алёшка! Вот дивлюся на тебе и не зрозумію, шо лучшей кандидатуры в парторги во всём колхозе на знайшлошь? — придав ухмылкой, в сочетании с прищуром высокоироничное выражение лица, что кто другой мог и обидеться.

Алексей слишком хорошо знал своего отца и потому поддержал его иронию, ответив:

— Стало быть не нашлось, коли меня, недотёпу выбрали. А вам, папаша, хiba сорока на хвосте новость принесла?

— Ну, да, она самая.

«Вот, народ, ничего в селе утаить нельзя. Ты только подумаешь что-то сделать, а всё село о твоих планах знает...» — привычно, словно оббивает снег с сапог, ударил каблуками о доски помоста у входной двери, нагнулся и вошёл в избу.

Мать встретила старшего сына с уважением и похвалой:

— Гриша, средненький, через год инженером будет. А тебе, уже сколько лет, а всё баранку крутишь. Пора и тебе в начальстве походить. Кушать будешь, насыпать или...

— Или, мамаша, все будем семейно ужинать, как скотина в стойла станет. А я должен в себя прийти, обмозговать, что произошло и смогу ли?

— А як же, конечно, сможешь! «Коня железного» смог «зануздать» и объездить, а люди у нас понятливые, тебя уважают... справишься!

— Спасибо, мама!

С гулек прибежал меньший брат Ванюшка. Долговязый парень, а просторной рубахе, залатанных на коленях штанах домашнего пошива и стоптанных башмаках, донашиваемых от старших братьев, ехидно улыбнулся Алексею и спросил:

— Вас теперь как величать? Алексей Фёдорович или товарищ парторг?

— Ванюха! Вот задам я тебе, не по партийной линии, раз ты ещё даже не комсомолец, а по-братски, в целях профилактики и понимания, как нужно обращаться к старшим.

— Так это будет негуманно?! Лучше на партбюро вызови, да пропесочь, как следует.

— Ванька, не доводи до греха. Хоть я и противник физических мер воздействия, но для тебя могу сделать исключение, проявив диктатуру и строгость, на правах старшего брата, а также с одобрения папаши, — при этом Алексей бросил взгляд на отца, который потешался над сыновьями, у которых разница в возрасте была в четырнадцать годков.

Отец Фёдор опустил голову над сбруей, которую взялся починить и медленно его улыбка стала угасать и сменяться на серьёзность, даже строгость. Он отло-

жил в сторону незаконченную работу, привычно, большим и указательным пальцами разгладил прокуренные усы и устремил свой взгляд в сторону сыновей. При этом, если проследить траекторию пронзительного взгляда, то он пролёт меж спорящими братьями, куда-то дальше, пронзая время и расстояние. Фёдор вспомнил, как без малого четырнадцать лет тому назад, в самый разгар жатвы, когда вся семья гнула спину, умело орудуя серпами и увязывая ловкими движениями снопы, мать Анастасия, медленно расправляя спину, отягощённую тем, кто был в утробе, застонала и начала крениться, опускаясь на колкое жнивье.

Первым заметил это старший сын Алексей и зычно кликнул отца. К опустившейся на горячую июльскую землю матери, со слезами на глазах подбежала шустрая восьмилетняя старшая дочь Нюрочка, присела рядом на корточки и не знала, чем она может помочь матери.

«Мама! Мамочка!» — только и могла, сквозь слёзы, произнести она.

Подошедший Фёдор отправил Алёшку на соседнюю делянку:

«Алёша, беги быстренько, позови тётю Федору, и скажу, пусть захватит... ну, что там у неё есть. Скажи, что мать рожает...».

В этот жаркий июльский день, под копной появился самый меньший из сыновей у Фёдора Прасола, которого и назвали Иваном. Назвали так видимо потому, что из самых значимых праздников в июле был прошедший день Рождества Иоанна Крестителя.

И вот теперь уже тот, кто был свидетелем рождения меньшего брата, теперь выслушивает «нравоучения» этого самого недоросля.

«Жизнь идёт, не заметил, как дети выросли и самому уже „полтинник стукнул“, как же годы летят?!» — подумал Фёдор и снова принялся за починку сбруи.

Вечерами, когда в избе-читальне наступали редкие минуты одиночества, Ваня, оставшись в ситуации «сам-на-сам», предавался раздумьям. И часто, они были невесёлыми. Да и откуда было взяться весёлым воспоминаниям, когда уже третий год отрочества парня, как и его сверстников, было связано с войной. Она была везде и во всем. В ежедневных разговорах, которым, избач, был реже невольным свидетелем, а чаще в их эпицентре. И мало того, сам был их инициатором. Это требовали и должностные обязанности — доводить до населения правдивую информацию о событиях на фронте. Да и сам фронт не один месяц находился в непосредственной близости, и слышимости. Фронт полгода стоял вдоль реки Миус, а через село на запад проходили колонны войск на фронт и на восток санитарный обоз доставлял в лазареты и полевые госпитали раненых бойцов. Ближайший из них находился в с. Камышовка.

Ваня часто вспоминал своего старшего брата Алексея. И не только потому, что четыре довоенных года средний брат учился в институте и он его видел

редко, а Алексей всегда был рядом. Была другая причина.

Он раньше часто язвил старшему брату, чего, конечно, не мог позволить по отношению к родителям. Слова отца или матери в семье — закон для детей. Так было в большинстве семей в то довоенное время. Война внесла свои коррективы, но только в то, что дети раньше становились взрослыми и менялось их мировоззрение. Даже шалости были не по годам взрослые, да и не шалости это, а поступки, которые подростки совершали вопреки предостережениям старшим, наперекор некоторым запретам.

Иван часто вспоминал Алексея. И, если бы он мог теперь что-то изменить в своём отношении к брату, поступкам по отношению к нему, изменить его судьбу, предостеречь от чего-то, посоветовать своему старшему брату, но очень честному и потому наивному. К сожалению, не мог он ничем помочь и не мог повлиять на его судьбу. Разве, что нужно было молить Бога об этом, так он же неверующий. А теперь к тому же и активист, пропагандист, человек, которого в селе уважают, прислушиваются — нет, религия — это не его. Книги — это его, в книгах можно многое узнать, лучше познать философию жизни, хоть и само слово «философия» парню представлялось в виде лекции где-то в университете заслуженным профессором умным студентам или аспирантам, будущим учёным, которые в свою очередь будут писать книги, а по ним уже будут обучаться дети в школах и студенты в «храмах науки».

У Вани была своя собственная философия, которую он слагал в лабиринтах коры головного мозга, даже не записывая на бумаге, да и где её в то время можно было взять — дефицит, как и мыло, даже похлеще того. Он старался выводы и умозаключения раскладывать «по полочкам», чтобы в нужный момент можно было воспользоваться. Что-то забывалось, конечно. А, чтобы не забывалось, нужно было устраивать тренинг, иначе говоря, как стихи повторять. А ещё лучше, если эти высказывания будут озвучены в публичном социуме, для людей. Вот тогда будет видна реакция: будут смеяться с него люди; будут перебивать, забывая контраргументами или слушать, как слушают докладчика, лектора, выступающего с интересной темой и, важно, чтобы сам рассказ был не занудным, а интересным.

После того, как брат Алесей ушёл добровольцем на фронт, произошло много событий, над которыми Иван часто думал, пытаясь понять, что же произошло с братом и как бы он сам поступил на его месте. И дело не в том, чтобы пойти добровольцем на фронт. Мало кто из местной детворы не высказывали на «сходках» мнения, как бы сбежать на фронт, конечно же, без ведома родителей. Фантазировали, как они будут беспощадно бить врага, сжимая до хруста сухонькие кулачки и демонстрируя всем свою «мощь».

Дело было в другом. С фронта Алексей не написал ни одного письма. А через четыре месяца явился домой весь изорванный, истощённый, заросший и со-

всем незнаваем. Он был больше похож на 70-летнего старика, с той лишь разницей, что борода его была не седая, а рыжая.

Трудно передать, как родители пережили то душевное потрясение, при виде сына. И первая мысль, конечно, была такой, что их сын, в прошлом парторг — дезертир. Все селяне, знавшие давно и очень хорошо Алексея, не могли тому поверить, что он, сначала ушёл добровольцем, хотя его долго уговаривали и, вдруг, предатель.

Ваня после этого потерял дар речи. Он не реагировал ни на чьи слова, замкнулся намертво в себе. Его мозг закипал в попытке осознать то, что произошло, но не мог. В нём боролись два чувства. Он не хотел, не мог даже подумать, что такой, предельно-честный, положительный во всём человек, мог стать дезертиром.

«Нет! Нет-нет, не может быть, чтоб Алёшка...» — гнал Ваня из головы постоянно атакующие разум сомнения.

Вечером за столом, Алексей, рассказал свою невероятную историю, которую не всегда даже встретишь в приключенческих, фантастических повестях и романах. Алексей, покушав, поблагодарил мать, отложил ложку с миской в сторону, положил на стол руки, скрепив пальцы замком, как на исповеди, обвёл взглядом всех, пребывавших в полном молчании членов семьи: родителей, старшую и меньшую сестру, а затем повернулся и к Ванюшке, который отсел на лавку у стены, сидел с опущенной головой. Как-то измученно попы-

тался улыбнуться, но это плохо получилось и, глядя прямо в глаза папаше, начал свой длинный рассказ.

И чем дальше уводило повествование Алексея родных, тем напряжённей становились их лица, выражения лиц сменились на сочувственные к пережитым моментам, дням и месяцам, проведённых сначала в аду, а потом в поиске дороги из того ада.

Из рассказа следовало, что Алексею повоевать пришлось менее трёх месяцев и большую часть этих дней приходилось пытаться прорваться из окружения. Изначально, Алексей, служил водителем на такой же «полуторке», как и на гражданке, с той лишь разницей, что подвозить приходилось снаряды на передовые позиции. В одном из боёв вражеским снарядом автомашину разнесло взрывом. Бог миловал, и Алексей отделался лёгкими ранениями и контузией.

Фронт продвигался на восток так стремительно, что «угнаться» за ним, да ещё и скрытно, украдкой, чаще ночами, было невозможно. В одном из селений изнемождённого бойца приютила женщина, накормила, дала одежду мужа, который также находился где-то на фронте. Книжку красноармейца и партбилет Алексей прикопал на усадьбе хуторянки.

Больше месяца Алёша догонял фронт, чтобы попытаться его перейти. И догнал в аккурат на родной земле, когда фронт ненадолго остановился на рубеже Миус-фронта. В одну из тёмных октябрьских ночей, под постоянным обстрелом рубежей фронта с обеих сторон ему удалось форсировать Миус.

На левом берегу, когда он добирался домой, при встрече с красноармейцами, даже его возраста, его называли дедушкой. Он был настолько неузнаваем, что даже родители, крестясь, отталкивали его, как прокажённого.

Сколько лишений, боли и испытаний отражалось в его, после бриться и отмывания лица, глазах, что все сомнения, хоть и не сразу, ушли прочь. Все эти изменения хорошо отслеживались на поведении меньшего брата. Он сначала искоса поглядывал на брата, потом всё уверенней и уверенней, и вскоре он смотрел на брата, и слушал его с таким интересом и сопереживанием, что казалось, если в его полуоткрытый рот влетит воробей — он бы и глазом не повёл.

Действительно, всё сказанное было нереально и, казалось невозможным вымыслом, но до тех пор, пока слушателей не убедила та прямота взгляда, с которой Алексей смотрел, без утайки им в глаза и душевная прямота с искренностью, что сомнений не осталось. Родители поняли, что сын говорит истинную правду. А сестры были готовы своей душевной теплотой обнять брата и защитить от дальнейших невзгод, которые ему ещё предстояло пройти. И ещё неизвестно, что было труднее, пройти сотни километров по территории, оккупированной захватчиками или тот путь и все испытания, которые только предстояло ещё пройти.

Закончив рассказ, после того, когда в доме наступила испытывающая терпение тишина, Алексей первым её прервал, попросил отца:

— Батя, дай табачку!

— Алёшка! Ты же... Да, конечно, держи! — протянул сыну кисет с самосадом и, доставая бумагу, добавил, — сам или свернуть?

— Сам, батя, сам!

Ваня смотрел на брата совсем другими глазами. Он пытался его сравнить сначала с Пашкой Корчагиным, потом с русскими богатырями из былин и после недолгих поисков прототипа, решил: «Алёшка — ни на кого не похож и ни с кем не сравним. Алёшка — он Прасол! Он не книжный, не былинный, а настоящий, он — Алексей Прасол!»

Отец спросил старшего сына:

— Что думаешь делать? Ведь о тебе, как я понял, командование ничего не знает?!

— Да, батя, завтра пойду в военную комендатуру или что тут вас есть, пусть временная власть прифронтальной зоны. Всё расскажу и попрошу связаться с командованием моей части, если б знать...

— Что, Алёша, если б знать?

— Если б знать, что и кто от неё, этой части осталось. Там такое было, что не расскажешь всего, просто жутко вспоминать, когда земля горит, металл горит...

— На том и порешили. Утро вечера мудреней.

В ту ночь, наверное, никто не мог уснуть. А Ваня уж точно. Он прокручивал рассказ брата, как киноленту фильма, возвращаясь тем или другим событиям дважды-трижды, чтобы прочувствовать всё так, если бы вместо Алёши там был он сам и продумать, как бы сам поступил в той или иной ситуации.

Утром, когда Ваня проснулся, Алексея уже в хате не было, не было его и во дворе. Ванюшка позаглядывал во все места, где мог только уединиться брат, но его нигде не было.

«Опоздал! Он ушёл, а я ему хотел что-то важное сказать... Ну ничего страшного. Придёт и скажу. А, если... Да никаких „если“, придёт, а как иначе?» — не находя себе места, думал Ваня.

Алексей пришёл ближе к обеду. Он был серьёзен и задумчив. Рассказал, что встречался с командиром временно размещённого, для пополнения батальона, направляемой на Миус-фронт дивизии. Тот, узнав его историю и то, что Алексей водитель, предложил пополнить ряды его подразделения. На просьбу Алексея он ответил, что связаться с его бывшим командованием он не сможет, так как это не только другая дивизия, армия, но и фронт не Юго-Западный, а Южный. После отказа Алексеем продолжить службу в его подразделении, комбат предложил дожидаться особого отдела, который, разобравшись в ситуации, решить его судьбу.

Догадывался ли Алексей о том, какая судьба его ждёт? Скорее да, чем нет. Но это будет уже завтра или послезавтра.

А послезавтра Ваня видел своего старшего брата последний раз. Алексею «повезло», если так можно в этом случае выразиться, что он сам пришёл с явкой и многие факты, после проверки по каналам особого отдела, подтвердились. И потому, одним из самых страшных преступлений, по словам капитана государ-

ственной безопасности было то, что Алексей «избавился» от партбилета.

Приговор был, что гром, среди ясного неба — «восемь лет лишения свободы, без права переписки».

Второй год Иван Прасол заведовал избой-читальней. Если изначально было кое у кого опасение, что не справится, ребёнок-то ещё. А теперь уже скоро исполнится 17 лет. И работа ладится и зиму пережили. И в результате Белорусской наступательной операции лета 1944 года, Красная армия вышла на рубежи довоенной границы СССР.

Семья получила весточку, что Алексей Фёдорович пропал без вести, без подробных объяснений, где, когда и при каких обстоятельствах. Осталось только догадываться, что скорее всего, он участвовал в боевых подразделениях штрафбата, где и потерялась, только что появившаяся ниточка его судьбы.

Иван, рождённый в конце июля, ожидал призыва в армию, так как призывали теперь с 17 лет. И, хоть у него были ограничения, но на военное время это ограничение по состоянию здоровья не действовало.

Возвращались фронтовики, списанные по ранению и инвалидности, безрукие, безногие и по другим показаниям. Продолжали приходить и похоронки, а кому-то и такие же извещения, с формулировкой «пропал без вести». Редко какую хату миновала беда, у кого-то не стало хозяина семейства, у кого-то сына

и не одного. Но, несмотря ни на что, общий настрой был более-менее позитивный. Красная армия гнала врага и итог войны был давно известен, оставались считанные месяцы. Но они стоили десятков и сотен солдат, освобождавших восточную Европу от «коричневой чумы».

Те селяне, которые знали, хотя бы в общих чертах, о той трагической случайности, которая приключилась со старшим братом избача, старались не затрагивать эту большую тему. Да и в каждой семье были свои трагедии, с которыми нужно было просто смириться и жить дальше. Село жило одной болью, которую им в один момент преподнесла война и лишь в дополнении к общей боли, в разные моменты пронзала сердца тех или иных ещё и личной болью, которая сливалась так или иначе в общий котёл и переносилась людьми от поколения к поколению. Одним из «обменных пунктов» и была изба-читальня — информационный, культурный и духовный центр жизни села. Церкви-то в селе не было. Ближайшая находилась более, чем в 15 км и не каждый мог посетить и отстоять службу, поставить свечи за родных и близких, чтобы Господь их хранил, за воинов-освободителей русской земли от фашистской нечисти, и поставить свечи за упокой душ убиенных.

Конечно, юноша, к которому вечерами стекался люд, чтобы ощутить единство мыслей и чаяний, поделиться радостью за родных и близких, бьющих врага на фронте, не мог им заменить духовника, но в какой-то степени приходилось принимать исповеди людей,

особенно, когда это происходило в доверительных беседах, в спокойной обстановке, когда эмоциям каким-либо событием был дан толчок и вот уже льётся поток откровений. Остаётся только внимательно слушать, не перебивать и, упаси. Господи, не осуждать. А ведь порой «открывались» и те, кто совершил когда-то преступление по отношению к другому человеку, и оно не было связано с убийством врага на фронте... Не позавидуешь молодому «духовнику».

Чтобы поставить точку на теме мучавшей парня, по поводу того, каким был его старший брат, Алексей Прасол, нужно перескочить на десять лет вперёд, в то время, когда, после смерти вождя всех народов И. В. Сталина десятки тысяч осуждённых были выпущены по амнистии и в село вернулись те, кто вёл отсчёт не дней в окопах, а в застенках тюрем и лагерях.

Как-то зашёл в сельский клуб, с первого взгляда незнакомый человек, но по чертам худощавого, морщинистого лица, напоминающий одну из фамильных династий местных жителей. Он был беспечно-самоуверен, сделал несколько шагов, окинув всех присутствующих равнодушным взглядом и произнёс:

— Вечер в хату!

Подошёл в библиотеке к столу, где лежали книги, принесённые читателями, но ещё не распределённые на полки по алфавиту и тематике, машинально перелистал несколько страниц верхней книги и продолжил, обращаясь к Ивану:

— Ты, что ли тут писаниной заведешь? А ты чей?
Не припоминаю, чьих будешь...

— Завклуб, Прасол Иван...

— Думаю, кого это ты мне напоминаешь. Так это кем тебе Алексей доводится, дядей или братом?

— Алёша — брат мой.

— Знавал я твоего брата, знавал. А, что он, вернулся из мест не столь отдалённых?

— Нет. Он пропал без вести...

— Во, как! Ладно, если побег... Хотя за ним и двери не нужно было закрывать, а просто скажи: «Отсюда ни шагу!» — никогда не уйдёт. Редким был твой брат, как не от мира сего.

— Он коммунистом был.

— Повидал я и бывших коммунистов там много. Но этот... Этот, нет чтоб кусок хлеба на шконке втихачья заточить, со всеми поделится. Я же говорю, что он не от мира сего. Там так нельзя, не выжить. Он — мужик, честный чересчур. И это могло его погубить. Хотя, если «пропал без вести», то возможно ещё раз пороха нюхнул разве, если «подписался»... А там, где мы с ним хату делили, он точно весь срок бы не вытянул. Я тебе точно говорю, парнишка. Он не как все был, а может...

Бывший зек замолчал, достал пачку папирос, предложил Ивану и сам закурил и предложил:

— Помянем молчанием, если Бог его забрал к себе... Я в Бога не особенно верую, но говорят, что Он лучших к себе в первую очередь забирает. Не знаю, парень, утешит ли тебя это, но твой брат был правиль-

ным, и не важно, что он коммунист, он был человеком. Поверь мне, я за дюжину лет всякого брата там посмотрелся и знаю, что говорю...

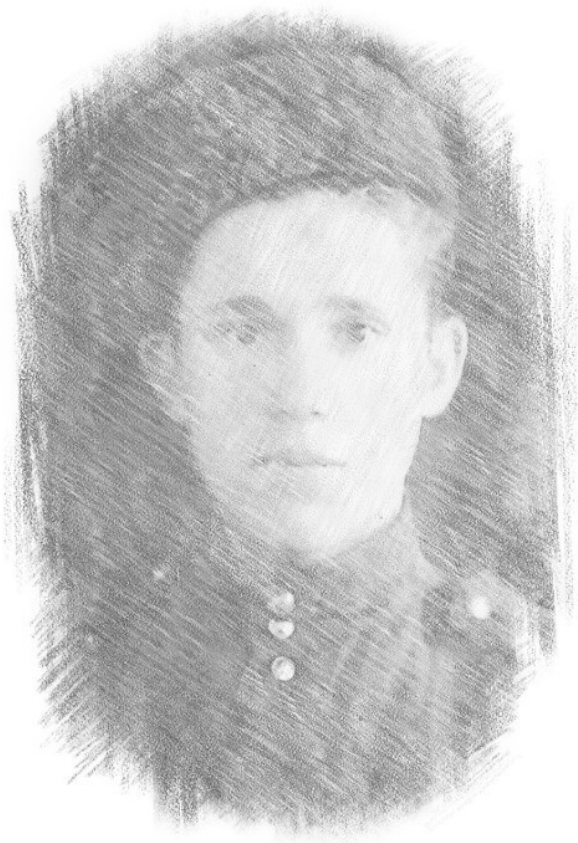
Сначала у избача было желание побольше расспросить у незнакомца о своём брате. Но, немного подумав, решил, что он узнал главное, что мучило его долгие двенадцать лет. И то, что рассказал этот человек, который уходя повернулся к Ивану и улыбнувшись произнёс:

— Будь здоров, тёзка! И пойми честным и правильным — не всегда есть хорошо. Заключают, затопчут. Это в библиях говорится «ударили по одной щеке — подставь другую...». А на нашей грешной земле, не будешь держать удар — забьют, уничтожат. Вот видишь, я здесь. А где твой брат?

3

В ноябре месяце Ивана Прасола вызвали на военно-врачебную комиссию. Он был признан годный в воинской службе в военное время и через два дня необходимо явиться в военкомат для отправки на областной сборочный пункт.

Сразу после прохождения комиссии, Ваня отправился в районо, чтобы поставить руководство о необходимости расчёта и передачи дел. Заведующий районо высказал сожаление и в тоже время пожелание: «Отслужишь, Иван Фёдорович, будем рады видеть снова в числе наших работников. Счастливой службы!»

Вечером, за ужином, не столько на правах «виновника», а по случаю обратился к родителям:

— Папаша! Мамаша! Пришло время и мне послужить. Сейчас на фронт нас, «молокососов» не бросают. Сначала в тылу погоняют, всем премудростям обучат. А потом..., а там глядишь, и война закончится. Вот только мужиков в семье, окромя бати и не остаётся.

Но, не ровен час, Нюрочкин вояка-танкист возвратится с победой. Да и Алёша... найдётся, даст Бог. Тогда и Наталье с Полиной женихи найдутся. Папаше чуток ещё поясок затянуть придётся и поднатужиться.

— Хватит тебе, новобранец. Это тебя «изба» рассказывала. Всё шутки да прибаутки на уме.

— Жаль, что невестку в дом не успел привести. Была бы помощница, пока я служить буду.

— Ага! Нахлебница! Мужиков сейчас война проредела основательно, бабы падки на косых, хромых и безруких, да и недорослями не погребуют, — сердито ответил сыну-юмористу глава семьи.

— А кого же заместо тебя туточки поставят избачом? — поинтересовалась, обычно молчаливая Полина.

— Да, кроме тебя я лучшей кандидатуры не вижу. Девица на выданье, 20 лет, косой белява, щекой румяна — кофе с молоком! — Ваня закатывался смехом, видя, как старшая сестра уже выходила из себя.

— Ванька, шас врежу! — громко и резко Поля оборвала братца и вскочила из-за стола.

— Ну ладно тебе. Я же шучу. Вот уйду года на четыре, будешь ещё за мной плакать.

— Буду! Но это не повод, чтобы издеваться. Вот и хорошо, что тебя на свадьбе не будет. Не переживай, тебя ждать не буду — найду кавалера, обзавидуешься.

Отец хлопнул ладонью по столу:

— Цыц! Раскудахтались.

Поезд уносил Ивана и таких же, как он новобранцев из Батайска на восток. Парни впервые увидели не из сообщений Совинформбюро, газет и рассказов очевидцев, а воочию, во что был превращён город Сталинград, ставший для фашистов отправной точкой в обратный путь, по земле, выезженной ими же, по селам и городам, разрушенных ими же, бомбёжками и артобстрелами. Юноши увидели Волгу-матушку, ставшей для немецких захватчиков неприступной Китайской стеной, как бы это странно не прозвучало.

Поезд двигался на северо-восток, где люди, хоть и жили в то же военное время, но куда не ступал кованый сапог фашистского оккупанта. Климат здесь был всё суровее. По утрам были уже заморозки и то там, то здесь в небольшие окна вагонов-«тепушек» залетали пушистые «белые мухи».

Сопровождающие пытались из этих безусых новобранцев делать дисциплинированных воинов, но это не всегда и не со всеми получалось. И как наказать тех, кто не принял ещё присяги и наказать по Уставу не получается?! Только уговорами. А за рукоприкладство, если чё, можно было под трибунал залететь.

Во время войны везде и всюду были видны плакаты и призывы, такие как «Всё для фронта! Всё для победы!» И промышленность, заводы, фабрики, сельхозартели — все трудились для фронта, ради победы, которая уже была не за горами. Военная промышленность за три года войны стало прочно и уверенно на производство самолётов, танков, артиллерийских орудий и стрелкового вооружение, внеся тем самым коренной

перелом в войне. Лёгкая промышленность в свою очередь обеспечивала солдат обмундированием и обувью. Солдаты получали достойное питание и сухие пайки. Ведь голодный и холодный солдат на одном энтузиазме и идеях долго не будет воевать.

И всё вроде бы хорошо, но было одно «но». Новобранцем, призванных осенью одели в одежду и обувь, которая завалилась на складах ещё с довоенного периода. А кое-что ещё с Первой Мировой ожидало своих хозяев. Ну, хотя бы взять ботинки и обмотки. Хоть они и имели ряд преимуществ, по отношению к сапогам, но одновременно и не меньше минусов. Ботинки в жару — плюс, а в распутицу — минус и т. д. Шинели, из-за длительного хранения могли просто-напросто быть изрядно «побиты» молью. Вот в такое обмундирование были одеты новобранцы. И смех, и грех и плакать хотелось, при виде таких вояк. За то, что подгонки по размерам не было. Обычно интенданты говорят: «Бери, что дают. Там на месте обменяетесь.»

Конечным пунктом назначения была станция Татищево, Саратовской области. Здесь и пришлось начинать службу Ивану с товарищами. Обживали казармы, привыкали и голодали.

Когда Иван Фёдорович отслужил и его спрашивали, что запомнилось из службы в Татищево. При этом он непременно вспоминал обязательно две вещи.

Первое, как в свободное от занятий строевой и политической подготовкой ходили к деревянному строению, где располагалась столовая, но заходили с задней стороны. Там было место, куда выбрасывали очистки

картофеля. Они были мёрзлые, хрустели на зубах, но набивали желудки, которые до этого так урчали, что рёв танка был, как представлялось, по сравнению с этим, что писк котёнка.

Сорок четвёртый год, всё для фронта и это, бесспорно, правильно. И юноши голодали потому, что нужно было в первую очередь заботиться о тех, кто приближал победу, проливал кровь, отдавал за Родину жизни. Потому, какие обиды?! Разве, что чуть-чуть.

Но хлебушек, в отличие от блокадного Ленинграда, выдавался по существующей, для данной категории военнослужащих, норме и каши, какие-никакие, а для «поддержания штанов» годились. Конечно, вспоминался хдебушек тот, домашний, спечённый из муки, которую мололи на Ряженской мельнице из зерна, собранного на семейных наделах. Да ещё испечённый в русской печи, да и с румяной корочкой, горячий и дышащий жизненной энергией и счастьем мирного довоенного детства.

По этому поводу, Ивану, часто вспоминался рассказ матушки о случае, который произошёл задолго до его рождения. Это было в 1914 году, до рождения второго сына Григория. Как говорится, Анастасия ходила «на сносях». Мужа Фёдора призвали в армию, и он служил чуть посевернее, чем сейчас его сын Иван, в той же Саратовской области. Вот решила молодая жена проведать мужа. Собралась, а свекровь говорит: «Настя, а что мы с мальчуганом будем делать, ему-то два года всего, будет без родителей ныть и нам ни покоя, ни работы никакой не будет. А хозяйство, без Фё-

дора и тебя всё на нас легло. Забирай Алёшку с собой. И отцу будет радость, сына повидать.»

На том и порешили. Едут в поезде. Карапуз Алёшка, «обживающий» плацкартный вагон, прыгающий через узлы и чемоданы, не мог не привлечь внимание пассажиров. Кто-то заговорит с ним, а кто-то, растрогавшись и леденец даст.

Сердобольная женщина, подозвала карапуза, отломала ломоть ржаного хлеба и с улыбкой протянула ему, в надежде, что он отблагодарит её за это, как минимум своей детской наивной улыбкой. Но реакция была непредсказуема. Малец надул губы, втянул в плечи шею, опустил голову и произнёс слова, которые заставили закатиться со смеху, как минимум, половину вагона, тех, кто слышал это:

«Ны буду! У мене буде животик болить...».

Но не все даже поняли, почему он так сказал. Ведь тот хлеб, который пекла мать из муки южных сортов пшеницы и этот, были, что небо и земля.

Снился, конечно, дом, родные, то, что было когда-то и то, что грезилось, непонятно к чему. Но чаще всего, после напряжённого дня, уставший новобранец, спал, как младенец.

И ещё один случай запомнился Ивану. Когда уже немного пообвыклись на месте: к порядку выполнения приказов и несения караульной службы, знали порядок обращения с командирами и товарищами, научились более согласованно и в ритм маршировать строевым шагом на плацу, заправлять койку и наматывать обмотки, произошло вот что.

Привезли пополнение. И это пополнение выгодно отличалось от тех, которые здесь уже находились полмесяца. Не выправкой и бравадой, а формой одежды. На них не было вшивых, молью побитых, заваленных шинелей и заскорузлых ботинок с обмотками. На них были новые, как бы только с фабрики шинели, сияющие на солнце сапоги, красивые, не затасканные шапки. Да и лица вновь прибывших, не только угрюмостью, но и пока непонятно чем, отличались от тех, кого можно было назвать аборигенами.

Когда капитану Сыромятину подвели пополнение, доложив откуда прибыли новобранцы, то бывшего командира стрелковой роты Юго-Западного фронта перекосило гримасой, с выражением гнева, как будто он опять перед собой видит не тех, кого придётся обучать, а тех врагов, с которыми, капитан со своими сослуживцами, вёл непримиримые кровопролитные бои ещё этим летом и в тех же районах, откуда прибыло пополнение.

Осмотрев прибывших и пообеда взглядом тех, с кем уже провёл не один час учебных и строевых занятий, объявил общее построение учебного отряда, при этом приказал новеньких построить в две шеренги, ровно напротив уже «притёршихся» к новому образу жизни, который принято называть службой.

Толи от мороза, толи от злости, которая ударила кровью в лицо, от чего оно стало багровым, кроме отчётливо выделяющегося через всё щёку белой «рванной» полосы — шрама, от осколка, сделавшего лицо

боевого командира более воинственным и мужественным, а сам командир был отчётливее виден среди заснеженного плаца.

Парни, прибывшие в учебный отряд из недавно освобождённых юго-западных районов, перед войной вошедшие в состав Союза, выгодно отличались не только одеждой и своей холёностью, как минимум истощённых голодом не наблюдалось точно. Что увидел командир учебной роты, глядя на небрежный строй вновь прибывших, можно только догадываться. Но, а первым его приказом, был следующим.

— Равняйся! Смирно! Первая шеренга... два шага вперёд... шагом... марш! Вновь прибывшим, раздеться до нижнего белья и портянок! — увидев нерешительность действий, повторил, — приказываю — раздеться! Даю три минуты. Время пошло!

Недоумевающие новобранцы, переглядывались, не понимая, зачем их заставляют раздеваться и, потому неуверенно, медлительно раздевались, ежась на морозе. Заметив, что «процесс» сдвинулся с «мёртвой точки», капитан повернулся к «аборигенам» учебного отряда и дал им точно такой же приказ. Эти, привыкшие уже к выполнению приказов и знающие, что может быть за неповиновение, выполняли приказ пожизненно первых.

— Сейчас будет «ледовое побоище», — высказал предположение Иван, повернувшись в полуоборот к своему соседу по шеренге и видя недоразумение того, добавил, — ну, как на Чудском озере, слышал?

Видя, что сосед видимо плохо в школе учился или

прокурил урок истории, попробовал зайти к теме с другой стороны:

— Сейчас человек с недублёной кожей, т. е. Сыромятин, даст команду: «К бою товсь! Вам необходимо сейчас в кулачном бою доказать «кто есть кто» и кому дальше быть, а кому...», — Иван резко замолчал и, как бы замер.

— Что-что, а кому? — дергая за рукав нательной рубашки, допытывался совсем растерявшийся парень, — что?

— Знамо, что — «в расход»! — Иван не выдержал, чтобы не закатиться смехом, заканчивая сматывать обмотки в рулоны.

— Отставить смех! — громогласно приказал капитан, повернувшись в сторону Ивана, — закончили раздевание.

Подождав несколько секунд, тем самым дав возможность медлительным «справиться с последней пуговицей», продолжил:

— А теперь занимаем позиции «условного противника» и овладеваем его имуществом. Вперёд, обеим группам, шагом... марш!

Курсанты сталкивались «на линии пересечения интересов» в прямом смысле, сбивая друг друга с ног, неумышленно, из-за неразберихи или, наоборот, сознательно. Когда всем стал ясен смысл процесса «переодевания», появились в кучие, и недовольные, и те, кому идея боевого офицера пришла по нраву. Как бы то ни было, жалоб вышестоящему командованию не поступило. Вскоре разговоры о несправедливости

или самоуправстве командира учебной роты улеглись, а справедливость принципа «каждому по заслугам» восторжествовала.

После укомплектации учебного отряда, «утряски» по взводам, с учётом воинской специальности, ВУС, Иван попал во взвод пулемётчиков. И не просто пулемётчиков, а был назначен в пулемётном расчёте «номером один», т.е. главный, стрелок. И была небольшая привилегия. В расчёте пулемёта «максим» первый номер вёл стрельбу и при передвижении, на марше обязан был нести на плечах ствол пулемёта, который весил 20 кг, а второй номер должен был нести пулемётный станок весом 40 кг. И ещё для охлаждения ствола полагался бочонок с 5-тью литрами вода. Скорее всего такой выбор продиктован тем, что у бойца «номер один» отсутствовал указательный, т.е. стрелковый палец. «Не было бы счастья, да несчастье помогло» — здесь поговорка в самый раз подходит.

Стрелял рядовой Прасол отменно. После учебных стрельб, редко когда кто-то перекрывал его результат меткости. Да и в других дисциплинах Иван преуспевал, особенно в политической подготовке. Начитаннее, чем он, во всём взводе уж точно не было, да и в роте тоже.

Окончилась война и после победы над Японией вышел Указ об демобилизации военнослужащих, в установленной очерёдности, в зависимости от годов рождения и призыва. А таких военнослужащих, как Иван, с ограничениями в службе или списывали, или переводили на более лёгкие специальности.

Иван Прасол был списан по ВУС, как «стрелок» и переведён для дальнейшей службы в военную пожарную часть, которая размещалась на Военводе г. Ростова-на-Дону. Можно сказать, что через год службы солдат возвратился домой, хоть и не совсем, но дослуживать пришлось в 65 км от дома. Здесь служба была полегче и основное занятия, по словам самого служивого было «бараки охранять», т.е. исполнение воинской обязанности в соответствии с Уставом гарнизонной и караульной службы. Кроме того, тренировки и отработка профессиональных навыков, а применять их на практике, т.е. тушить пожары, приходилось, но, к счастью, очень редко.

Среди сослуживцев, Иван не отличался ни физической силой или какими-то особыми дарованиями, как игра на баяне, гитаре или же высокие художественные способности в живописи и прочем. Но обладал хорошим чувством юмора, мог поддержать разговор на любую поднятую тему, хорошо пел и при передвижениях подразделения строевой колонной, часто был запевалым.

Многие сослуживцы считали, что Иван, как минимум, выходец из интеллектуальной семьи, там, где кроме школьной программы, родители дают большие объёмы дополнительного образования, интереса к познаниям и всестороннему саморазвития, как личности. И потом, когда узнавали, что родители — обыкновенные крестьяне и деды, и прадеды, кроме того, чтобы гнуть спины, сначала на панских полях, а затем и собственных наделах. А когда узнавали, что дед

с отцом, при «раскулачивании», без малого не попал под выселение и всё лишь потому, что все члены большой семьи не были лодырями, и умели трудиться, не спустя рукава, а до срыва кровавых мозолей на ладонях, то были даже удовлетворены этим «зародышем» в душе сослуживца «народной интеллигентности». Хотя, какая в этом есть связь, никто объяснить не мог. Главное — не такой, как все.

Да и намертво прилипло прозвище «избач» и в нём было не столько обидного, унижительного, сколько уважительного и заслуженного. Конечно, большинство сослуживцев Ивана не сидели «спустя рукава», каждый на своем месте вносил посильный вклад в ускорение победы над врагом, кто на полях в колхозе, кто за станком на заводе, а «лежебоки», если и были, но в этом не признавались.

А вот работников отдела культуры, хоть и в рамках глухой глубинки в подразделении, в учебной роте, уж точно не было, кроме Ивана. Конечно, командование этого не заметить не могли и максимально использовали этот факт, там, где нужны были навыки организатора художественной самодеятельности к празднику, под началом замполита, конечно. Умел Иван уговорить своих товарищей не «замыкаться» в себе, открыть зачатки способностей в декламации стихов, пении и неповторимых, часто юмористических сенок. В большинстве сенок, конечно, высмеивались те, которых Красная армия уже добивала в их «берлоге», а после победы сценки ситуаций, помеченных в повседневной жизни военнослужащих, с «перчинкой» критики и сатиры.

Ну и армию в свою очередь сделала из сельского «избача», из нескладного долговязого юноши, стройного, подтянутого, красивого молодого человека, с твёрдыми убеждениями и политическими позициями, с высоким интеллектуальным потенциалом и возможностью роста. Замполит в частных беседах высказывал Ивану рекомендации по необходимости закончить седьмой класс школы, как минимум, а лучше бы в вечерней школе получить среднее образование и поступить в то учебное заведение, что мог раскрыться весь большой потенциал способностей молодого человека.

Иван улыбался и говорил:

— В мои-то годы и за школьную парту? Нет! Сейчас, когда после войны разруха, руки без мозолей не заскучают. А может быть, продолжу свою трудовую карьеру «избачом». Мне эта работа нравилась. Если возьмут, конечно.

— А, чтобы обязательно взяли, Ваня, нужно учиться, — продолжал убеждать замполит.

— Поживём — побачим!

— Это ты умышленно безграмотностью хочешь свою начитанность подчеркнуть? — улыбнулся замполит.

— Никак нет, товарищ старший лейтенант! Это у нас все так говорят там, где я живу. Это же рядом с Украиной и у нас говорят на «суржике» — смеси двух сильно схожих языков, русского и украинского. При чём этот говор не =лзя назвать ни одним, ни другим, язык-«метис», если можно так выразиться. А вообще,

у нас край интересный, в каждом селе свой говор и живут люди, чаще всего переселенцы и из Екатеринославской губернии, из Запорожья, немцы-колонисты, поляки, пермяки и откель только нету.

— Вот видишь, ты этим сам себе доказываешь, что тебе нужно искать себя в сфере культуры. Я вижу, что из тебя культработник примерный получится. Ты — вовсе не технарь.

— Ну кое-чѐ и технике могѐм! Например, болт с гайкой скрутить.

— Юморист!

За время службы в Ростове, Иван побывал дома и у него пару раз побывали родители. В увольнении разыскал и познакомился с родными зятя Анатолия и его старшей дочерью Вале́й, которой шѐл уже 14-й год и она с 1945 года, как только отец ушѐл на фронт, стала жить у бабушки в Ростове-на-Дону. А меньшая Алла, которой в тот момент было всего пять лет, оставалась в селе, на удивлении сожительницы Анатолии и старшей сестры Ивана в одном лице, у Анны Фѐдоровны.

Отец девочек, оставшись вдовцом, был очень благодарен и своим родным, и, тем более девушке, которая не посмотрела на то, что мужчина на 13 лет был старше да ещѐ и с двумя детьми, приняла и его, пустила в сердце и детей. Анатолий воевал танкистом. Брал в мае 1945 года Берлин. И теперь дослуживал, в соответствии с графиком демобилизации, его черѐд ещѐ на пришел.

Полтора года после Дня победы служил ещё и сам Иван. В итоге, прослужив два года и 10 дней, был демобилизован 20 декабря 1946 года.

4

В послевоенное время рабочие руки были в дефиците везде. Нужно было не только города и заводы поднимать, но и сельское хозяйство. Тем более голод 1946—1947 годов дал одно из важнейших направлений работы и властных структур, общественных организаций и активистов. И за каждого работника шла нешуточная борьба. Чтобы удержать людей в колхозах, колхозники не имели паспортов. Несправедливо, но факт. Нужно было быть служащим или, когда колхоз нуждался в специалисте, посылал кого-то на учёбу. Тогда молодой человек или девушка получала паспорт и могла уехать в город для получения образования. Колхозник мог поехать в город, скажем на рынок, продать там что-либо и взамен купить, но для этого ему в колхозе выдавали справку с печатью, точно, как «мандат» на заре советской власти.

С нового года Иван вышел на работы в колхоз, так как уже пару раз приходи «ходоки» и «сватали» на работы. Особых «kozyрей» у них не было, кроме того, что и так все знали: работай на «трудодни» и потом, по итогам года получишь натуральную оплату зерном и другой продукцией сельского хозяйства.

Хоть изначально Прасолу меньшему приходилось работать не скотником, а механизатором на ферме, так как на правлении колхоза, когда его принимали в колхозники, спросили:

— Какая воинская специальность была?

— ВУС 233, — по-военному чётко и без лишних слов ответил Иван.

— Ну и шо ты прикажешь теперь в военкомат звонить и узнавать, шо це таке? — возмутился председатель, — избач, он и на ферме избач.

— Это означает «специалист Бомбардировочного и артиллерийского вооружения и автоматов пассивных помех» — выпалил Иван.

Все члены правления колхоза закатились смехом. А, когда все успокоились, заведующий фермы сказал:

— Уж лучше пусть будет ВУС, какой там? 233?!

И снова было весело. Но Иван не смеялся. Он сказал ровно столько и то, что от него требовали. Обвёл всех взглядом, дал уточнения и сыронизировал по поводу смеха:

— Для тех, кто не разбирается в классификации воинских специальностей, поясню на пальцах, — при этом машинально выдернул из рукава фуфайки правую руку, даже забыл, что на ней-то одного из главных-то и нет, а потому резко одёрнул назад.

— Короче, я — слесарь-монтажник. Думаю, что механизмы коровника — это то, что нужно.

Все оживились.

— Ну, вот, это другое дело, а то...

— Вы спросили — я ответил. Спросили бы иначе —

ответил бы иначе. Не нравится, я могу и в избачи пойти. Меня туда снова с руками и ногами возьмут. Разве нет?! — чуть повысив голос, спросил Иван.

Возражений не было. Все понимали, что он прав. Да и работу избача не сравнить с работой того же механизатора на ферме. На том и порешили.

Но работать на ферме Ивану долго не довелось. Как-то приехал с представителями районной власти заведующий отдела культпросветработы и поинтересовался, как обстоят дела с работой избы-читальни. Получив невнятный ответ, да и то, что он слышал о положении дел в этом колхозе говорило о неудовлетворительной работе. Потом он поинтересовался, а где сейчас тот паренёк, который работал здесь с весны 1943 года, т.е. со времени освобождения села от фашистов. Заведующему ответили.

— Товарищ председатель сельсовета, прошу вас, обеспечьте явку Прасола Ивана... как его по отчеству? Фёдоровича. Пусть он с недели приедет к нам. Думаю, что на ферме ему замена найдётся, а тут, для работы в культуре, любую доярку или скотника не поставишь.

К разговору подключился второй секретарь ВКП (б):

— Совершенно согласен с товарищем зав. культпросвета. Нам культуру села поднимать нужно. Война закончена. Нам нужны опытные культработники, пропагандисты идей партии.

Через три дня Иван уже имел разговор в райотделе культпросвета. Заведующему потребовалось не более

десяти минут, чтобы получить от молодого человека согласие на работу в должности, которую он по праву должен был занять, после окончания срока служба.

По дороге назад, а ехать, как обычно, пришлось в кузове, обдуваемом свежим морозным, хоть уже весенним, но мартовским ветром. Часть пути всё же пришлось идти пешком, так как в распутицу дорогу расквасило и грузовичок «садился» в колею на мосты. Водитель остался дожидаться тягача, а Иван «ноги на плечу» и с папироской в зубах, с какой-то «прилипшей», одной из новых модных, мелодией в голове. Настроение было добрым, хоть километра четыре, если не более того, нужно было перемещать грязь с одного места на другое.

Привыкать к работе, которую ранее выполнял уже долго привыкать не пришлось, а вот к изменениям в обстановке более, чем за два года пришлось. И это было связано с тем, что у каждого человека свои привычки, манеры, даже тот факт может влиять на тоже расположение приборов и самых востребованных документов, которые должны были быть «под рукой», влияло и то, человек какого роста и кто он, «правша» или «левша» по жизни. Кто-то любит, чтобы рабочий стол был всегда свободный от текущих документов, а у другого должно быть нагромождение из горы формуляров и папок. И любимое занятие второго, копание в той самой горе всего, для создания вида рабочей обстановки и ещё того, что работа не из лёгких, требующей постоянной активности и энергичности.

Иван относился к первому разряду работников. У него на столе и вообще на рабочем месте не было ничего лишнего. А все нужные для работы картотеки и бумаги были разложены по важности, частоты пользования и просто по алфавиту.

Поэтому первые два-три дня всё же пришлось поводить, навести порядок и систематизировать документацию. Наведя небольшую ревизию, Иван понял, что тут мало что изменилось, хотя времени утекло с той поры, как он принял и работал, после освобождения от немецких захватчиков села, избачом, только немного пополнился библиотечный фонд. А, что касемо проводимых мероприятий, то их перечень был очень скуден и, возможно, что половина, из отмеченного, не проводилась вообще. Просто Иван хорошо знал ту женщину, которая исполняла обязанности, но слово энтузиазм или инициатива — это не про неё.

Иван первое время и сравнительно долго ходил на работу, как и многие фронтовики, в форменной одежде. А так как званий у него не было, рядовой, то и погоны или лычки срезать не пришлось. Шинель тоже была добротная и ему по его стройности фигуры очень шла, а когда и шапку надвигал набекрень, то выглядел даже как-то по-пижонски. Даже при желании, если бы захотел одеть что-либо гражданское, то своего ничего не было, а, если бы и было бы, то вырос бы из размеров. Да и к тому же за два года привык к форме, и она его не тяготила.

Ну и понятное дело, что к нему сразу стали прилипать и те, кому раньше было 14—15 лет, а сейчас они

превратились в девушек, при всём, что у них должно быть дано природой. Иван не был робкого десятка и даже наоборот, но, когда к нему заходила целая гурьба девчат, а за ними хвостиком парни-малолетки, как правило меньшие братья «принцесс» с дружками — охрана своеобразная. Девушки постарше отличались серьёзностью и это объяснялось тем, что у многих парни, с которыми они дружили, сложили головы на фронте и их участь стала неопределённой, даже если раньше значились, как невесты и были засватаны.

Немного разобравшись с «наследием», доставшимся от предыдущей хозяйки избы, Иван понял, что напрочь отсутствуют агитационной и патриотической направленности плакаты. Не рисовать же ему самому. Кроме того, хотелось «выцыганить» в отделах районной исполнительной власти кое-какой «периодики» и журналов, вспомнив, как с этим было хорошо на службе, в плане оформления «красного уголка». И журналы, и газеты в подшивках — одно удовольствие работать и есть откуда материал черпать для пропагандистских бесед в трудовых коллективах на фермах и на полевых станах, в бригадах, где преобладающим контингентом, по понятным причинам, женщины.

Зимние дни короткие, да ещё и задержался, вернее задержали по важному вопросу «об подготовке и успешном проведении избирательной кампании по выборам в краевые, областные, окружные, районные, сельские, поселковые Советы депутатов трудя-

щихся РСФСР 21 декабря 1947 года». И постепенно радость от того, что Ивану, как избачу, как он планировал, напрягаться и выбивать журналы, газеты и плакаты не пришлось, а наоборот, их насовали столько, что возникла сложность в доставке всего добра до места назначения. Благо, если с транспортом повезёт, а если... Время сумерек было не за горами.

Выйдя на окраину райцентра, где восточный ветер всё уверенней и уверенней начинал пробираться. Избач курил и пританцовывал вокруг узлов с агитационным материалом.

Притормозил грузовик. Из приоткрытой пассажирской двери высунулся упитанный мужик в полушубке и бодрым голосом обратился к «танцору» на обочине:

— В такую погоду хороший хозяин собаку за дверь не выставит, а ты вот тут...

— Так не дайте околеть, подвезите, до коли возможно.

— Ну, если тебя устроит «купе» в кузове, среди ящиков, то прыгай. До Ново-Андриановки довезём. Что в узлах везёшь, харчи?

— Да, если бы. Агитки к выборам, да газеты. Избач я, из Марьевки.

— Слышал я за тебя. Прыгай, бо смеркает уже, а дорога, сам знаешь — не подарок.

Иван перекинул узлы и запрыгнув привычно в кузов, втиснулся пониже между ящиками, чтобы меньше «сифонило». Движок зарычал, колёса пробуксовали, машину чуть занесло, но водитель быстро выровнял «полупортку», и она устремилась навстречу ночи.

Минут через двадцать машина притормозила у развилки дороги, где избачу нужно было топтать дальше, а завхоз на грузовике, с тем грузом, что получен по разнарядке, сворачивал вправо, где через два километра его дома ждал уже, томившийся на самом удалённом от топки конце варочной плиты, хорошо протопленной печи, ужин. А жена, отодвинув на кухне занавеску, вглядывалась в темноту за окном и прислушивалась к звукам, но не ожидаемый напряжённый гул уставшего за день движка грузовика, а только завывающий в трубе ветел говорил, что ожидать ночью позёмку и перемены на дорогах.

— Ты живой там, избач? Али пригрелся там, вылезать не хочешь?

— Если вы не против, я с вами до села доеду, а оттуда напростец мне поближе будет. Дорогу знаю и с закрытыми глазами не заблужусь.

— Барину видней, — усмехнулся завхоз и обратился к водителю, — трогай, Коля!

Действительно дорога, которой решил избач дальше добираться домой, километра на три так окажется ближе и это «плюс». А «минусом» было то, что идти нужно было не по дороге, а выйдя за село направиться на восток, в сторону хуторка километра три, а за ним вдоль левого крутого косогора, очертившего русло реки Каменки, где в летнее время, конечно, была накапанная телегами дорога, идти на северо-восток ещё километра четыре.

Въехав в село и свернув в сторону складов, грузовик остановился.

— У тебя молодайки нет тут у нас, заночевал бы, а утром...

— Нет, нету, не успел найти, да и молод ещё. «Хомут» на шею всегда успею одеть. Жениться — не пропасть, лишь бы женатым не пропасть.

— Так я же не жениться тебе предлагаю, а... поджениться. Как раньше были постоялые дворы. Глядишь, ещё когда пригодилось бы.

Иван ухмыльнулся:

— Не, спасибо! Не засватать ли вы меня хотите? Небось, дочка на выдане?! — не без иронии, даже не ожидая от себя такой смелости, прямо спросил у доброжелателя.

— Смышлёный малый! Верно, и у меня пара девок имеется, но это справедливости ради, не навязываясь. Доброй дороги, избач!

— Спасибо! Надеюсь...

Ноги, согнутые в коленях, при сидении в кузове затекли и какое-то время нужно было их разминать, расходиться, чтобы набрать нужный, с учётом дорожной ситуации, а лучше сказать, в условиях бездорожья, темп. За спиной постепенно растворялись в сгущающихся сумерках тусклые огоньки в окнах селян. Справа, выше зенита, прячась за рванные облака, заметив одинокого путника, ухмылялась бледная Луна в растущей фазе и затем, «застенчиво» пряталась за облаками, как за вуалью скромная девушка.

Ориентиром, кроме небесной скромницы для запоздалого путника была сначала балка, поросшая камышами, по левую руку, с уклоном изначально с во-

стока на запад, где, если откидать внушительный слой декабрьского снега, можно было добраться до ручья, несущего воды в сторону селения, от которого удалялся путник. Затем, за переломом рельефа, овраг в обратном направлении начинал разрезать земную плоть, всё больше углубляясь и расширяя себе русло, во время таянья снега или, неся мощные дождевые потоки, пока ему не преградила путь плотина — творение рук человеческих. Рядом располагаются летние лагеря для крупнорогатого скота. И отсюда, если бы не темень непролазная, то открывался бы прекрасный вид вдоль долины речки Каменки направо, на юго-запад, в сторону Милости-Куракина, село, получившее в годы Советской власти другое название — Политотдельское. Налево, на северо-восток, куда и лежало направлении вынужденной ночной прогулки Прасола, где-то там, за косогором и резким изменением рельефа и располагалось его село.

Хоть ещё нужно было топтать и топтать, здесь размещались земли колхоза «Освобожденный труд» Петровского сельсовета, а чуть дальше и колхоза «Труд» Камышевского сельсовета, под началом этого сельсовета и работал Иван в избе-читальне. Но эти границы, тем более сейчас, в темноте и на просторах, сплошь занесённых снегами и не для агронома или председателя колхоза, а для избача, проживающего в одном из них и не имеющего прямого отношения к колхозу, хоть и успел в нём поработать, были чисто условны. Иван вглядывался в разыгравшуюся вьюгу, которая дула прямо в лицо, от чего слезились глаза и старался раз-

глядеть косогор Турской горы, за которой и распласталось в долине родное село.

Уже никто, даже сторожили не могли сказать, почему гора именно так назывались. Туры, дикие быки, давно уже вымерли, но не иначе, что название имело отношение к этим крупным и сильным животным. Возможно, гору назвали из-за конфигурации или крутизны. Как бы то ни было, гора была излюбленным местом катания на санях детворы. А сейчас для Ивана было главным дойти до неё и считать, что он дома.

Насмешница Луна, видимо совсем устало «играть в прятки» с запоздалым путником, и она совсем спряталась за тучами, сменившими облака. В крайнем случае, небо стало совсем тёмным — ни луны, ни звёзд, ни зги не видать. Сапоги местами проваливались в глубокие наносы снега и, из-за того, что сверху образовывалась настовая корочка, ломать её голенищем сапог было трудно и избач часто падал, так как туловище, наклонённое вперёд продолжало двигаться, а ноги застревали в снегу. Сил оставалось, как казалось, дойти и упасть без движений.

Его раздумья прервал вой, но не вой выюги, который сопровождал Ивана весь путь, а вой зверя и не одного, волки, почуяв добычу, видимо пытались выбить из этого, и без того выбившегося из сил путника, последнее желание уйти от преследования и тем более сопротивляться. Непроизвольно мурашки пробежали по коже. Иван быстро «прострелял» глазами темноту, в попытке что-либо увидеть, но тщетно, темень такая, что в пяти метрах ничего не видно.

Конечно, Иван знал и не только из рассказов стариков, что волка можно отпугнуть и не отдать себя в жертву, в качестве «дичи», если развести костёр. Но вся трагичность момента заключалась в том, что он находился не среди лесонасаждений, где много веток, сушняка под ногами или над головой и даже не на склоне того самого правого очертания речки, на кручах которого из снега торчало много репейника, полыни и других растений, со сравнительно высокими и тугими высушенными стеблями, которые хорошо горели. Подошло бы и переكاتи поле, но его с полей уже, видимо, поотрывало и перекаатило туда, где кустарники или деревья утомонили их стремительное путешествие.

Иван, сняв армейские перчатки, давно уже держал в руках спички и нервно пытался подкурить сигарету,

сбросив баулы у ног. И вот папироса загорелась. Избач топтался на месте вглядываясь в темноту, пока, не зацепившись за вещмешок, не удержался и упал через него. Видимо, так было угодно, как и яблоко, упавшее Ньютону на голову, для открытия закона всемирного тяготения. Иван не стал кричать «эврика», начал судорожно развязывать узел, но застывшие пальцы и обстановка, воцарившаяся над ним, в прямом смысле, не давали сосредоточиться и развязать. Затем он распрямился, посмотрел в тёмное небо, как будто хотел в нём увидеть Бога, сделал глубокий вдох и за ним протяжный выдох и... через пару секунд узелок поддался.

Раздвинув горловину и увидев содержимое, избач сначала оторопел из-за того, что гениальная мысль в этот момент столкнулась с серьёзным противоречием. Он вспомнил старшего брата Алексея и чем он расплатился за свою честность и за потерю или, как посчитали «умышленное отречение от партбилета» или что-то в этом роде, сейчас он вспомнил лишь смысл обвинения и всё строгость наказания. Перед ним стоял выбор — попытаться спастись, но подвести себя под серьёзную статью или погибнуть стойко и по-геройски, как многие герои-комсомольцы в годы войны и не только комсомольцы. И у Алёши был выбор, но он сделал так, как сделал и считал, что в его поступке ничего преступного нет. Ведь он не сдался в плен, а прошёл через лишения и испытания, и не утаивался, а явился, можно сказать с повинной, чтобы его поняли и...

И следующее, что Иван услышал, заставило его ускориться с выбором. И это был уже не отдалённый

вой, а ясный, грозный рык зверя, и казалось, что он в нескольких шагах. Не раздумывая больше, «потенциальная жертва» голодных зверей, а по сути, молодой парень, которому только 20 лет летом исполнилось, и сколько в жизни он может добрых дел совершить, ну, хотя бы дать жизнь одному, двоим, троим детям, строить и созидать или хотя бы приносить пользу, работая избачом — он вложил между большим, средним и безымянным пальцами одновременно несколько спичек и чиркнул. Затем, чтобы не задул ветер, опустил огонёк и прикрыл от ветра собой. Достал упаковку газет, смял несколько и поднёс к краю горячий пучок спичек. Бумага ярко вспыхнула и даже глазам стало больно, как при взгляде на яркое солнце. Иван приподнял горячую кипу бумаг и стал всматриваться в темноту вокруг себя.

«Боже, мой!!!» — толи воскликнул, толи подумал о необходимости вспомнить Всевышнего, ночной путник, поднявшись на ноги. Он отчётливо увидел, как минимум три паря светящихся в отблеске огня, а фактически, горящие от ярости и чутья той крови, что мгновенно ударила человеку в оболочку головного мозга, называемую, как и у дерева, корой, заставив его действовать без промедления. Прикрывая горящие газеты левой рукой, Иван, поворачивал другой их вокруг себя, боясь быстрыми движениями сбить пламя. Каким бы ты смельчаком не был, но вступать в поединок даже не с одним врагом и эти враги — матёрые, кроважидные волки, не смог, пожалуй никто, если у тебя на вооружение только одно оружие — желание победить противника в лице, пусть и зверей и слабое,

но эффективное средство, если им правильно, грамотно распорядиться — это огонь и небольшой, в принципе, запас горючего, за которое могут и... Но об этом сейчас лучше не думать.

Какие крики, слова, а скорее всего даже не слова, а звуки издавал Иван — один Бог слышал и эти, обезумевшие от желания лёгкой добычи звери, идущие по его следу, пожалуй, уже несколько километров, точно. Были ли в его криках матерные слова или обращение к Господу с просьбой спасти и сохранить, возможно, впервые от души и с верой обращённые к Тому, в которого особо и не верил, или проклятья в адрес тех, кто разинув клыкастые пасти, в зверином рыке разбрызгивали слюну и она застывала на их взлохмаченных холках — спроси у автора того, он и сам потом не вспомнит, но то, что он был активен и физически, и в желании показать оскалившимся противникам, что он их не боится уже — это точно, так и было.

Иван доставал новую и новую порцию агитационного материала, и на миг в стороне, куда он держал путь, он увидел, это не могло быть видение, что мелькнул сквозь пургу тусклый огонёк и показалось, что не один. Эти не было похоже на злые, горящие страстным желанием запустить клыки в живую, горячую плоть, чтоб насладиться вкусом крови — они были похожи на небольшие светящиеся оконца. Но окон хат селян отсюда точно он увидеть не мог, гора не позволяла это сделать. И тут Ивана осенило, он вспомнил, что на горе располагался птичник с летним лагерем и зим-

ними помещениями. До них, если это они, оставалось около сотни метров.

Сотня метров для спринтера — 10—12 секунд, для не спортсмена — 20—30, по снегу идти 2 минуты, примерно, конечно. А сколько потребуется человеку, преследуемому матёрыми зверьми, да ещё и с необходимостью не терять бдительность и, главное, поддерживать и обеспечивать бесперебойность огня? Иван вспомнил себя «первым номером» пулемётного расчёта. Вот сейчас он со ствола «вёл огонь» в виде горящего факела, а второй рукой работал «вторым номером», тащил за собой то, без чего «патроны» закончатся — сумки и вещмешок с журналами, газетами и агитками. «Я же там, на стрельбах, был лучшим. А здесь мне тем более спасовать никак нельзя. Как бы моего брата не судили, не обсуждали, виновен он или не виновен, а может быть даже герой, я не должен опозорить его имя и фамилию Прасол. Я выйду победителем и пусть потом меня судят за растрату или умышленную порчу...».

Очередь дошла до второго набора агитационного материала. Избач оглянулся — «Не ошибся! Курятник уже в 20 метрах... ещё немного и...».

Ветер стал доносить отчётливый лай сторожевых собак, которые видимо разбудили или, как минимум заставили сторожа высунуться из затишья помещения на пронизывающий ветер, который сорвал поднятый валенками снег, нанесённый у двери курятника, и понёс позёмкой навстречу ночному гостю. Сторож что-то кричал и для острастки больше, чем после осознания того, что тут происходит, пальнул вверх из берданки.

Остановился и начал запихивать второй патрон в патронник, крича навстречу незванным гостям:

— Стой! Стрелять буду! Кого черти ночью носят?!

Узнав по голосу сторожа, Иван обрадовался, что теперь уж их, да ещё и с оружием, пусть попробуют взять.

— Дед Максим, не стреляй! Это я, Прасол, Иван Прасол! Деда Максим... — Ивана не несли ноги, казалось, что он мог бы ещё, гонимый волками бежать и бежать, но неожиданное спасение расслабило, кружилась голова и казалось, что не только мышцы отекали, стали чугунными от окисления крови, но и язык онемел. Он ворочал языком с трудом и больше не мог сказать ничего.

И тут сторож уже увидел преследователей человека, направил в их сторону ружьё и выстрелил прицельно. Зверь издал истошный звук, показалось, что это был звук обиды и разочарования больше, чем боль от ранения дробью, которой, скорее всего стрелял из одностволки сторож, дед Максим. Но это попадание возымело эффект, выстрел изначально рассеял зверей, но потом тёмные пятна на снегу вновь соединились. Было непонятно по их движениям, толи здоровые волки хотели «оказать первую помощь» пострадавшему, толи загрызть, чтоб не мучился. Но второе — это то, что можно было придумать, как желаемое, но не действительное. И в этот момент прогремел ещё один выстрел, звук которого ветер быстро унёс в ту сторону, откуда пришёл нежданный ночной гость, заодно снегом заметая его следы, как доказательство того, что он

вообще шёл из Ново-Андриановки напрямик, как и следы преследователей, которых неудача заставила поискать себе добычу в других селениях и хуторах, включая немецкие колонии, размещённые в долине речки Каменной в сторону с. Политодельское Каменно-Андриановки или Богатырей.

Дедуля помог обессиленному парню подняться, зашли в тёплое помещение курятника, в подсобное помещение, где присутствовал специфический запах дичи, в прямом смысле. Приподняв фитиль лампы, с защитным колпаком и вызвав при этом потрескивание огонька, перед тем, как загореться ярче, сторож, прищурив глаза, как будто от яркости света, стал рассматривать парня.

— Действительно на Федьку погож. Ты же Федьки меньший, стало быть?! Слыхал я, что вернулся с армии. Не довелось, стало быть, повоевать, да?! Да и славно. Кому-то же нужно род продолжать. Русских и так сколь побили, изуверы поганые. Мого сынка тоже... Посчитай в самом начале войны погиб. Эх! Сейчас согреешься, кипятка налью.

— Спасибо вам, дед Максим! Передохнул, пойду я, наверное.

— Нет-нет! Не выдумывай. Молодой ты ишо. Ты думаешь, что я их из дробовика перелякал так, что они в жизнь сюдой не сунутся, да? Ага! Как бы не так. Разозлили мы их с тобой. Разозлили, как говорят, до соплей обидно им, что добыча из-под носа утикла. Да, могут они пойти и за 20 километров счастье попытать, а могут вот тут, под Турской горой добычу под-

стерегать, то бишь тебя. А не то, на коровник вылазку сделают, тутьчки рядышком же. Нет, милоч, я тут старший и тебе приказываю, до рассвета ни ногой. Тебя учили, что нужно отвечать?

— Так точно, деда Максим! Не знаю, какого вы звания.

— У меня самое почётное, звание деда. Во, как! Благо мне доченька внучатками-то порадовала. Двое. Думаю, что и сын меньший, как дослужит, придерживают его пока, тожесть порадует. А ты ещё не женился?

— Не-а! Молодой ещё!

— Ну, да!

Почти вся ночь прошла в беседе. И время как-то пролетело. Говори за всё, и о тех, кто не вернулся с фронта, и о тех, кто героями вернулся, о колхозных делах поговорили, о житейских, об урожае, о том, о сём...

— Так ты пострадал оказывается, — дед кивал на то, что осталось у Ивана из вещей. — Много товару пострадало?

— Да, кабы оно моё было. Это же... за это же могут и того... ну в общем дело подсудное, как я понимаю. Могут припасать, «припаять» мне, что умышленно сжёг агитки, уставши тащить. Но это же не так, совсем не так.

— Не бывать этому! Я свидетелем буду, что не из-за вредительства, а спасения ради и своей жизни, и того же, что сохранил для дела общего. Ты, если разобраться имущество спасал. Не будь того, ну разорвали бы тебя эти зверюги, ну нашли бы эти испор-

ченные агитплакаты по весне, когда снег растает и выйдут трактора в поле, вместе с твоими обглоданными косточками — это было бы лучше. Что тогда можно было и наградить?! А я считаю, что ты, Ваня Прасол, герой. Вот, что я хочу сказать. Уверен, что и мой сынок, погиб, как герой, не струсил перед этими зверьми-фашистами. Это хорошо, что ты на меня набрёл. Я всё видел, я буду свидетелем. Всё и точка! — Казалось, что дед Максим обижается за то, что парень не совсем верит словам старика, — коли нужно будет, я и в Сталину поеду, «георгиев» нацеплю и поеду к Самому.

Иван заулыбался: «Ну, если дед Максим на грудь крестов навешает, то точно оправдают. Хотя то, что он важный свидетель — это факт. Поживём, увидим, как и что».

— Ну ты, милоч, тутычка приляг на топчан, пусть ноги отдохнут. Я выйду, обстановку проверю. Дал Бог мне дежурство нескучное. И слава Богу за это! Митяй, мой сменщик глухой, ему кричи-не кричи, мог бы и не услышать, вот тогда б могла беда стороной и не обойти. Отдохни, активист, как тебя там кличут, избач?!

Сколько времени дед Максим проверял охраняемые объекты, прислушиваясь к завываниям и пытаясь убедиться, что это всего лишь ветер, а не те зверюги, которые загнали парня на его охраняемый объект, потому что, как только тот вышел, Иван провалился в глубокий, хоть и короткий сон.

Начинало светать, когда Иван, решив сразу доставить то, что удалось сохранить, не предав огню, занести в избу-читальню. Пришлось столкнуться с парой мужиков, которые спешили на планёрку в бригадную и молча смотрели на парня, который тянул узлы на работу, но не из дому, а совсем, с другой стороны, но, как и полагается, обменялись приветствиями.

Изба-читальня больше суток была нетопленая и надолго оставаться в ней не хотелось. Избач замкнул входную дверь, осмотрелся, в ожидании неодобрительных, просто недоумённых взглядов или осуждающих... Хотя, откуда им было знать, что вчера произошло.

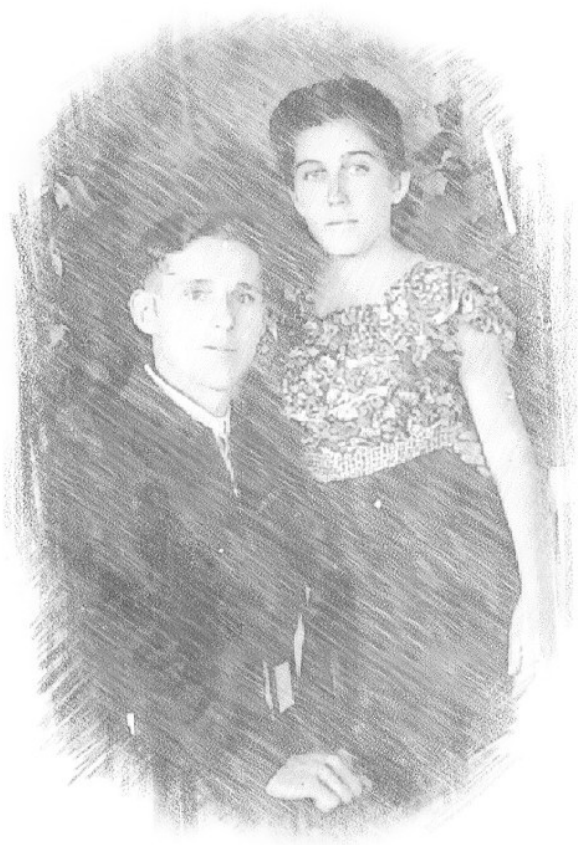
Домочадцы, конечно, провели также бессонную ночь, но пытаться Ивана расспросами не стали, после одной попытки матери спросить сына, что случилось, отец цыкнул на неё, сказав:

— Дай сначала труженику сил набраться. Ночь, нетрудно понять, непростая была. Захочет, сам расскажет.

Покушав то, что Бог дал, а мамаша приготовила, Иван отложил ложку, обвёл взглядом напряжённые лица домашних, рассказал всё, что приключилось с ним по дороге домой.

Наступила тишина, всё сказанное необходимо было «переварить», осмыслить и через время отец первым прервал молчание:

— Мать нужно разузнать, вы, бабы, лучше всех знаете всё обо всех, кто там может быть в этой Ново-Андриановке, у кого можно было, в случай чего заночевать. Зима только начинается, а вдруг ещё придётся когда.

— Хорошо, Федя, расспрошу, конечно.

Первым делом о злоключении, произошедшем, при возвращении из райцентра, Иван, рассказал в сельсовете, его председателю, Николаю Филипповичу, Председатель сельсовета не перебивал рассказ избача, внимательно слушал и старался смотреть при этом тому прямо в глаза. Даже, когда Иван закончил свой рассказ, он ещё некоторое время молчал. Во-первых, история была невероятная, а рассказ подробный и убедительный. Во-вторых, Николай Филиппович, хорошо знал Ивана и всю семью Прасолов, и при том не мог ни одного из них когда-либо упрекнуть во лжи. Порядочность и честность Прасолов была, как можно охарактеризовать словами анкет — примерно-показательная.

— Хорошо! Допустим, всё так и было. А как ты мне прикажешь, и главное, чем нам проводить агитацию? Скажи на милость.

— Я думал об этом, Николай Филиппович. Я попрошу девчат-активисток, они размножат агитплакаты. Пусть не так красиво, но убедительно будет. И ещё у меня есть мысль, если вы одобрите, добавить, как бы от себя... от нас... немного о наших местных кандидатах в депутаты информации. Можно привести их личные результаты по итогам соцсоревнований, те же, что брались ими к 30-летию Великого октября. Как вы думаете?

— Неплохо мыслишь. Или ты просто уводишь меня от темы наказания тебя за утрату имущества?!

— Нет, конечно, наказывайте, если заслужил. Готов нести ответственность, как материально-ответственное лицо. Если не верите мне, можете опросить свидетеля, деда Максима. Он мне помог от волков отбиться. Вот он настоящий герой, вступил в схватку со стаей матёрых волков. Его можно благодарностью отметить, если другие способы не предусмотрены.

— Ты смотри, как раскомандовался. Можно подумать, что не я тут начальник, а ты.

— Да ничего я...

— Ладно-ладно. А по поводу твоего «адвоката», так я от жены своей весь пересказ ночного происшествия услышал с утра пораньше, ещё будучи дома. Бабы уже по селу разнесли, какой ты герой у нас, оказывается.

— Ну я же...

— Хватит! Ты много говорил. Теперь и меня послушай. Твоё предложение одобряю. Подключай свой актив. По поводу периодики, газет и журналов, я сам по своим каналам побеспокоюсь и парторга попрошу. Одно общее дело делаем. Сам поменьше трезвонь на стороне об этом. Хотя, шило в мешке не утаишь, да и то, что знают двое, скоро будут знать все, дай только время. Работай, Иван Фёдорович! Удачи!

— Спасибо, Николай Филиппович! Всё сделаем и к выборам подготовимся. Ну я пошёл?! — Толи спросил, толи сам себе приказал в конце диалога Иван и не дожидаясь ответа, натиснул армейскую шапку на голову, вышел из кабинета председателя сельсовета и глубоко вдохнув морозного воздуха, почувствовал облегчение, в большей степени душевное.

Работа затянула вновь избача с головой. Всё, что он делал, делал от души и с огоньком. Никакой праздник или памятная дата не проходила незамеченной. Люди насиделись за время оккупации немецкими оккупантами и даже не в тёплых хатах, а в хлевах и в подвалах, под обстрелами и бомбёжками. Им хотелось насладиться мирной жизнью, общением, радостью жизни, которыми они хотели делиться с другими. Молодёжь принимала активное участие в работе агитбригад и художественной самодеятельности. Их стали приглашать на районные смотры, конкурсы и тематические мероприятия.

Шёл день за днём, месяц за месяцем. Казалось, видный парень, на интеллигентной работе, «не «быкам хвосты крутит» и не в мазуте из бригады каждый день приходит, что одежды не достираешься, а вот в личной жизни всё как-то никак. И на работе девушки выются, что деревенские ласточки, низко над землёй, перед дождём, но всё никак он не находил своему сердцу отраду. Даже родители начинали дома «песочить» сына:

— Иван, сколько девок свободных в селе, а тебе, что заморскую диву подавай, что ли? И о нас пора подумать, невестку бы в дом привёл, всё ж, как-никак, а помощница. Наши девки-то поразбежались, замуж повыходили. Григорий и тот женился, а ты? — всё допытывался отец, а в конце, не получив ответа, вздыхал и отмахивался рукой наотмашь, как корова хвостов, отгоняя назойливого гнуса.

Иван приоделся и не просто, а по моде — светлобежевые брюки с широкими штанинами и отворотами,

коричневые туфли на кожаной подошве, рубашка с расцветкой в полоску, с шикарными запонками, стригся под полубокс чаще всего в парикмахерской в райцентре, когда приезжал по работе. Одним словом, видный жених.

Кто-только не пытался завести с ним «шуры-муры» — напрасная трата времени. Иногда, приходилось даже слышать от язвительных, особенно застарелых дам такие выражения в его адрес, сказанные, как бы невзначай: «Девки, а нашему Ванюше, видимо, вместе с пальцем ещё чего-то оторвало. Не знаете?! Всех стронится, как будто мы для него не хороши. Гляди, красавчик, будешь упрашивать, а поздно будет — придётся на хромах да косых жениться...». Ничего его пробирало. Мог промолчать, пропустив мимо ушей, а мог так ответить, что девицам и крыть больше нечем было.

Молодёжь распевала такие модные песни послевоенной поры, как: «Вернулся я на Родину», «Первым делом самолёты», «Одинокая гармонь», «Хороши весной в саду цветочки», «Три года ты мне снилась», «Огонёк» в разных версиях, много блатных и откровенно воровских, зонавских песен. Иван все тексты их знал наизусть и пел прилично. А потому мог личным примером привлечь в хор художественной самодеятельности не только девушек, но и упорно-отнекивающих парней. На серьёзные постановки спектаклей, конечно, они не замахивались, но какие-то отрывки, миниатюры и театральные юморески, показанные на сельской сцене или на районных подмостках, проходили «на ура».

Разрушенное народное хозяйство за время войны, там, где проходили ожесточённые бои, восстанавливалось. Люди привыкали жить мирной жизнью, хотя постоянно что-то или кто-то напоминали о войне. Это мог быть подрыв прицепщиков в пахотном агрегате, а ими в основном были женщины или подростки, на минах или снарядах, когда лемех плуга задевал за взрыватель. Напоминанием о войне были инвалиды без ног и рук, и похоронки на родных людей, с извещениями о пропаже без вести где-то, когда-то, которые лежали совместно с редкими фото в фотоальбомах. Напоминали о войне множество воронок от авиационных бомб и медленно затягивающиеся растительностью и осыпающиеся окопы. Всё ещё напоминало о войне и осколками в телах фронтовиков, тревожащими на погоду и не только ранениями и многочисленными контузиями.

Но всё же молодые люди создавали семьи, начали рождаться послевоенные дети. Те, кто не успел до войны закончить школу, сели за парты или заканчивали их в вечерних школах. Поднималось и сельское хозяйство. Было трудно, очень трудно и в нехватке рабочих рук, в нехватке техники, даже лошадей не хватало, в качестве тяговой силы в упряжи за конным плугом, боронами, сенокосилкой или выполнении гужевых перевозок, не говоря о тракторах. Люди трудились в большей степени за счёт высокого патриотического настроения, идеологического воспитания, веры в светлое социалистическое общество, идею построения коммунизма. И было важно, чтобы у людей этот патриотиче-

ский уровень ни в коем случае не падал, а комсомольский задор помогал строить и восстанавливать города и сёла, заводы и фабрика, восстанавливать и развивать энергосистему страны, добычу полезных ископаемых, в первую очередь угля и удовлетворять возросший спрос на стройматериалы и древесину.

И, если в городах, люди могли подпитывать свои духовные силы в музеях, театрах и библиотеках, то для глубинки это были избы-читальни, хоть как-то заменяющих селянам на минимально-возможном уровне всё это. Редко, но привозили в село кинопередвижки, так как стационарных киноустановок не было и не было специалистов. Тем приятнее было долгожданное сообщение, что «приехала кинопередвижка», а значит полсела точно сегодня вечером соберутся в тесном прокуренном помещении культурного центра в селе, где с большим удовольствием отдохнут душой, при просмотре фильмов, ставших классическими, довоенного периода или те, что снимались на Свердловской киностудии или в Казахстане во время войны.

Избач, по обыкновению, когда нет посетителей, взял один из самых свежих журналов «Огонёк» и пролистав ровно до того места, где его чтение прервали, продолжил чтение. Он взял себе в обязательную привычку читать всё, как сам выражался «от корки до корки», даже, если то, что читал, его не очень привлекало. Был какой-то редкий информационный голод и избач, постоянными, малыми и большими объёмами порциями, загружал свой разум чтивом, чтобы потом, в минуты безде-

ля, можно было всё переработать и отсортировав, что-то взять себе на заметку, отложив «на первую, вторую или более дальнюю полку своей прекрасной памяти».

Скрипнула входная дверь, послышались лёгкие, пол походке незнакомые шаги и, Иван, отложил журнал, предварительно зрительно запомнив место, когда прервали его чтение и устремил взгляд на открытую в фойе дверь. Вошла девушка невысокого роста, в осеннем пальто и ботах, на голове плотно завязан шерстяной полушалок.

— Здравствуйте! Вы тут за старшего, — улыбаясь, спросила девушка и не дав ответить, быстро продолжила, — кино заказывали? Кино приехало.

— Да! — только и ответил избач.

— Тогда показывайте, куда нам разгружаться.

— Девушка, а вы кто? — приходя в себя, спросил Иван незнакомку.

— Ах, да! Мария, киномеханик. Там на улице Николай, мой помощник, моторист.

— Ясно. Сейчас, минутку, — избач накиннул на себя длинное, с лапами ниже колен пальто, висевшее не примитивной вешалке, закреплённой на стене, и пригласил следовать за ним.

— А вы новый киномеханик, да?! А старый, где делся, заболел? — не поворачиваясь к идущей за ним девушке, спрашивал Иван.

— Не-а. Жена приревновала. Перестала отпускать его на ваш «куст», сказала, если дома работы киномеханика не найдёшь — рассчитывайся и иди грузчиком работать. Рассчитался.

— А вас муж не заставит рассчитывать? — с неподкупным любопытством спросил избач.

— Нет, не заставит, из-за его отсутствия.

— Такую девушку и гонять по «кусту» с передвижкой? Не женское это дело, а для девушки тем более.

— Ну, посему? Я люблю свою профессию и с детства хотела стать киномехаником. Вот, знакомьтесь... Ой, а я не спросила, как вас зовут? А это мой помощник Николай.

— Иван! — пожимая руку высокому молодому человеку, — будем работать.

Николай стоял у повозки, в которую была запряжена маленького роста лошадка. И смотреть на эту картину без смеха, было невозможно.

— А, что она у вас такая хилая? Как она ещё вас с оборудованием довезла? — удивился вслух Иван.

— Нормального роста. Она монгольской породы, они все такие, но выносливая очень, — ответил Николай.

— Ну, тогда заносите всё в аппаратную, я сейчас отомкну.

— Да и нужно сразу определиться, где мы будем ночевать, чтоб могли с дороги отдохнуть и после сеанса заночевать?

— Раньше, киномеханик в нашей хате гостевал и столовался. Если не против, остановитесь у нас. Места хватит.

— Так и так. Коля, чего замер, давай, поживей разгрузим и передохнём, часик-другой.

Николай, спохватился и энергично начал разгру-

жать банки с плёнкой, а затем и кинопередвижку, с помощью Ивана, который легким движением руки, отстранил Машу, которая кинулась на помощь мотоцисту.

— Не женское... не девичье это дело, тяжести таскать. Позвольте, — два молодых человека быстро справились с оборудованием киноустановки.

Так называемый «куст» представлял территорию, равную примерно одной трети района по территории и более десятка населённых пунктов, где проводился показ прокатной кинопродукции. И получалось так, что месяц Иван в дальнейшем мог иметь возможность трижды встречаться с этой смуглянкой, с выразительными зелёными глазами, ювелирной фигурой, как выяснилось позже и той, к которой его тянуло и он с нетерпением ждал следующего приезда. Он по-доброму завидовал молодому помощнику Марии, который мог ежедневно общаться с ней.

«А может быть, между ними что-то есть, — ревностно прокручивал в голове Иван, как ведут себя на людях киномеханик с помощником, а если иначе посмотреть, то молодые люди, девушка и молодой человек, — да, нет же, не может быть. Наоборот, мне даже показалось, что она тоже ко мне неравнодушна».

И точно можно было сказать, что избачом и киномехаником в юбке, как минимум есть взаимная симпатия. И это не могли не заметить родители Ивана. Он изменился, стал жизнерадостней накануне прибытия кинопередвижки и грустил после того, как эта хрупкая

девушка уезжала дальше по селам обслуживаемого «куста».

Тяжелым испытанием была зима. Но работа, есть работа и потому, в любую погоду кинопередвижка перемещалась от села к селу на той низкорослой лошадке монгольской породы. Сменился весной помощник киномеханика, Николая забрали в армию. А Мария так же бессменно продолжала знакомить жителей глубинки с новинками отечественного кинопроката. Ей нравилась эта работа и заведующий избой-читальней, с которым Мария встречалась и не только по работе, но и на свиданиях, как девушка с парнем.

Для Ивана также в работе был дополнительный стимул, которого он ждал с нетерпением и старался всё время, которое они проводили вместе, каждую минуту, после расставания, вспоминать, как любимые кадры киноленты их любовного романа. Видимо, это судьба, а не случайность. Иначе, возможность встречи была столь мизерна, что практически не выполнима. А так вот, такое стечение обстоятельств, сделавших счастливыми двух человек, предрешило дальнейшую их судьбу, когда две речки сливаются в один поток, который у людей называется семьёй. И в аккурат следующим летом, когда молодые люди узнали, что они ждут ребёнка, зачатого по любви, взяли друг друга за руки и пошли в сельсовет, где их с большим удовольствием расписали.

Родилась новая семья, на радость родителям Ивана, которые давно об том мечтали и на слёзы матери Марии, которая теперь оставалась одна. Но и эти слё-

зы всё же были в большей степени от счастья — дочь определённая, имеет профессию, муж любит, а значит стоит ждать, что скоро, как и старшая дочь, живущая в Ростове, Маша также сделает одинокую женщину и любящую мать ещё и бабушкой.

Шёл 1950-й год. Пять лет, как окончилась война. Самыми трудными для страны, победившей фашизм, были, конечно, 1946—1947 гг., когда в стране был голод. Причин было много, проблем было много и их невозможно было решить одним волевым решением, Указом или Постановлением. Восстанавливалось и сельское хозяйство, где также происходили преобразования, порою не все дали положительные результаты. В начале 1951 г. произошло укрупнение колхозов «Освобожденный труд» Петровского сельсовета и «Труд» Камышевского сельсовета. Колхозы объединили, дав название колхоз им. Кирова Петровского сельсовета. А ещё через год были преобразованы три избы-читальни района в сельские клубы, среди которых и изба-читальня, при Камышовском сельсовете.

А до этого, в семье Ивана и Марии Прасол в январе 1951 года, в назначенный природой срок, который отложить и отменить было невозможно, у Марии начались схватки. Погода — мрак, метель, мороз и вечерело. А везти роженицу необходимо было в с. Политодельское, в участковую больницу. Иван вёз жену на санях, уложив на перину и обложив полушубками. По возможности, гнал лошадей, который срывали с копыт снег и бросали при беге на ездового и на пас-

сажирку, который таял на воспалённых лицах, снимая жар и застилая видимость занесённой зимней дороги.

— Ваня-Ваня, я уже не могу! Мы не доедем, далеко ещё, а?

— Терпи, Маруся! Полпути уже осталось. Я и так спешу, потерпи, скоро приедем.

— Нет, Ванюша, я буду рожать...

— Как рожать?! Здесь, в степи? Как же это, а что я, я же ничем помочь... Потерпи чуток, тут уже рядом хутор, свернём в него. Там в хате люди помогут. Чуток потерпи.

Иван просто влетел в один из ближайших дворов небольшого хутора, в котором их было около десятка. Из хаты, спешно натягивая на себя полушубок, выскочил испуганный хозяин со словами:

— Шо стряслось? Война?! Ты сумасшедший, чи як?

— Нет, отец, помощь нужна. Жена рождает. Помогите!

— Ой, ты, Боже ш мой! Давай, скорисе в хату неси. Там хозяйка, скажи ей... а я к соседке, она у нас повитуха, поможе.

Иван захватил на руки жену, не замечая, что за ним тянется шлейф одежд и покрывал с саней. Подойдя к хате, толкнул ногой низкие двери и нагнувшись, с трудом просунулся в неё с ношей.

— Хозяюшка, помогите! Жена рождает. Ваш хозяин за повитухой побежал. Вы же знаете, что делать?!

— Ой, Божечки! Спаси и сохрани! Счас, счас... по-годь, красавица, по-годь. Вот сюда неси, в спальню. Помози раздеть, как тебя кличут?

— Мария её зовут. Мария! — выпалил Иван.

— Это хорошо. Святая Дева Мария в помощь. Тебя-то, отец, как звать?

— Иван.

— Надо же, Иван да Марья. Всё будем хорошо, мамочка. Первого рожаешь?

Мария лишь кивнула, от боли закусывая губы и издавая приглушённые стоны, которые говорили о том, что изнутри у неё всё кричит и рвётся наружу. Скрипнула дверь, через дверной проём, внося за собой клуб морозного воздуха, не вошла, а вкатилась женщина солидного возраста, как и её комплекция, как говорят, «что в рост, что в ширь», розовощёкая и с явно приподнятым настроением.

— Ну и где наше счастье?! — на ходу сбросила с плеч на пол не застёгнутую на пуговицы плюшевую жакетку и скомандовала хозяйке, — Клава, водички тёплой мне быстро, простынку... поторопись. Вижу, что у мамочки терпение на исходе.

Оглянувшись назад и увидев оцепеневшего Ивана, прикрикнула:

— Чево ты рот разявил? Нечево в бабские дела нос совать. Ступай во двор, с моим кумом погутарь. Чай есть о чём поговорить.

Слова повитухи вывели будущего папашу из ступора, он вздрогнул, и быстро удалился, бесшумно, аккуратно прикрыв входную дверь.

Не прошло и двадцати минут, как напряжённый слух прорезал пронзительный крик, всех, кто находился в натопленной хате и тех, кто нервно курил у низко-

го, зашторенного белой занавеской окошка во дворе, прищуриваясь от пороши, нашедшей в результате завихрение посадочную площадку у входа в хату и частично на шапку и плечи, изрядно продрогшего и ментально встрепенувшегося, от зова жизни.

Через минуту, в приоткрытую дверь протиснула голову хозяйка и поймав взглядом молодого человека, произнесла:

— Поздравляю, папаша! Сын родился. Крепенький и «в рубашке».

— Пойдём-ка со мной, папаша. Пошли-пошли. Мы там не помощники, тем более всё уже позади.

Хозяин повёл Ивана к подвалу, отгрёб снег от двери, открыл и стал опускаться по ступеням пригребницы. Остановился, не слыша, что парень следует за ним, окликнул:

— Чего застыл? Опускайся, здесь теплее.

— Постой чуток, пусть глаза привыкнут, — придерживая за рукав Ивана, посоветовал хозяин, а-то придётся капусту с ушей снимать.

Когда глаза привыкли к сумрачности подвала, из которого на улицу вырывались клубы пара и было ощущение, что здесь температура не с низким значением плюса, а парилка бани. Вот такой эффект перепада температур.

— Тебя Иваном зовут? А я — Григорий, можешь дядькой Гришкой звать, это я для моей зазнобы — Гришаня, Гриня. Сейчас мы это дело обмоем. Пусть здоровеньким растёт. Зимние дети всегда крепче летних бывают, факт.

Он всучил в руку стакан и предупредив:

— Не колыхай, бо разолью зелье.

Григорий откупорил четверть, которая отозвалась, при откупоривании пробки характерным звуком «чпок», аккуратно наклоняя, прислушался, правильно ли льётся «горючая» жидкость:

— Самогон-первач, для особых случаев и в качестве лекарства только лишь. А тебе и по поводу, и в качестве лекарства, то бишь два повода для этого есть, — наполнив стакан выше половины, попросил, — погодь, закусь дам. Чего тебе, капуста или огурца?

Иван отмахнулся, его мысли были сейчас о другом. Не каждый же день отцом становишься.

— Держи, — хозяин протянул огурец, который, откинув крышку, достал из бочонка, стоявшего у стены в ряд с другими, — не спеши. Ты же не одиночка. Сейчас, себе насыплю.

Налив себе, в протертый привычно изнутри пальцами, вынутый неведомо откуда, как фокусник, ещё один стакан, достал себе огурец и только после этого, выдержав паузу, продолжил:

— Ну, давай! За сына! Пусть растёт здоровеньким, на радость вам, молодым и старикам! Старики внукам рады похлеще, чем мамы с папами детям — по себе знаю. Сам дедушка дважды, как.

Выпили. Иван скривился. Он выпивал мало, а такого ядрёного самогона, наверное, ещё никогда и не пил. Закашлялся, стал кусать хрустящий огурец и медленно приходить в себя.

— Однако! — только и выдавил из себя Иван.

— А, як же! Только так. Я же сказал, лекарство.

Поговорили. У Ивана язык, наконец-то, «развязался».

— Ну давай ещё по одной и «свистать всех наверх», иначе «спалимся».

— Не-не! Нам нужно в больницу ещё ехать.

— Никто вам в ночь не отпустит, тем более сейчас. Мамке нужно сил набраться. Вот «завтра будет день, будет пища», вот тогда и решим, как быть.

— Ну, всё равно, мне хватит.

— Ну, как знаешь, заливать не буду. Тогда подымайся, пока нас не хватились.

Ивана позвали в хату. Женщина-колобок держала на руках завёрнутую кроху и выглядело это так смешно и контрастно.

— Гляди, батя, какой богатырь! — чуть приподняв пищащий свёрток на уровень головы и слегка повертев влево-вправо.

Иван бросил взгляд, через приоткрытую дверную шторку, на жену. Она улыбалась измученной улыбкой, шевелила губами, но то, что она хотела сказать или говорила было обращено не мужу, а скорее всего, Ему, Всевышнему.

Первенца назвали Алексеем, в честь старшего брата Ивана. Иван так же работал завклубом. Хоть и название должности Ивана изменилось на заведующего клубом, но его также по старинке ещё долго называли избач, а завклуб приживалось и вытесняло избача постепенно. Но не должность красит человека, а человек

должность, если так можно выразиться. И результаты труда могут быть мерилom хорошей или неудовлетворительной работы служащего на той или иной должности.

Как только сын Алексей подрос и его мать могла оставлять на заботливую свекровь Анастасию Самойловну, она пошла работать на филиал районного маслоцеха, расположенному здесь же в селе. Для этого Мария прошла курсы обучения на лаборанта.

Иван по-прежнему был оптимистом, имел большие планы и творческий подход к работе. Первое радио с сухими батареями питания появились в селе именно у него. И он мог слушать не только программу, транслируемую по проводному радио, радиоточки которого были у многих селян и в клубе, конечно. У него всегда присутствовало стремление к новому, передовому, инновационному.

Когда бригады ездили по территории своих бригад, в лучшем случае на двуколках, запряжённых лошадкой, а он возьми, да и купи мотоцикл «Москвич». Теперь он мог чаще бывать в районе и решать оперативнее дела с работой в трудовых коллективах. Только агитбригаду, при необходимости выступления где-то в поле или на ферме, усадить на мотоцикл-одиночку.

В семье завклуба снова ожидалось пополнение, а родители Ивана, вернее отец, который, как глава семьи решал за всех, решил своего меньшего сына отде-

лить. Да и кто из молодых не мечтал жить отдельно. Все, да и не все. Дед Фёдор продал одну из коров, кормилиц семьи, как в селе величали дойных коров и, положив деньги на стол, произнёс:

— Вот деньги. Бери и завтра пойдёшь договариваться за хату. Я слышал, что Матвей Алексеевич продаёт. Сын на шахты, в Красный Луч зовёт их. У них хата добротная, всё ж проще, чем строить с нуля.

— Хорошо, батя! Как скажешь.

А сам-то не высказал недовольство тем, что им-то неплохо в просторной хате со с отцом и матерью, когда и за детьми всегда присмотр есть. Да и проблем с невесткой не было, мирили хорошо. Не мог понять он отца, но и перечить не стал.

А утром рано, сев на «Москвича» помчался на Военвед г. Ростова-на-Дону, где, как он слышал, можно у военных приобрести автомобиль. И к вечеру Иван зарулил во двор на почти новеньком автомобиле «Москвич-401», блестящем и пахнущем неэтилированным бензином, запахом которого можно было наслаждаться, что парфюмом.

— Ну и шо це таке?! — с недовольством произнёс отец, — як я должен это понимать? Отвечай, негодник.

Иван улыбался и не спешил отвечать, чтобы батя выпустил из себя весь запал негодования на факт неповиновения сына. А когда отец чуть остыл и уселся на табурет ответил.

— Па! Папаша, ну чего вы кричите?! А, что плохого? У меня был «Москвич» и сейчас есть «Москвич», только с крышей. Хиба плохо? Ну неужели вы нас

выставите за дверь, когда мы пополнение ожидаем, а вы внуков? Чем мы вам не угодили, что плохое сделали?

— Ну, стервенец! Мать, ты посмотри на него, — постепенно остывая, но не желая это высказывать, как свою слабость и невозможность что-либо изменить в том факте, который уже состоялся.

Начался новый жизненный этап и изменения были существенными. Мария практически не видела мужа, то на работе, то попросил кто-то на рынок свозить, кому-то в гости, ещё кому-то детям картошку в город отвезти и прочее. А машина частная-то в колхозе одна только. А колхозную машину разве допросишься, когда каждая на счету и постоянно заняты. Да, что там в колхозе, «Москвич» был одним из двух автомобилей в районе.

Ну не мог Иван кому-то отказать в чём-то, а люди не понимали и видя, что того куда-то возил, того, а народ ещё и рекламировал эту безотказность появившегося в селе «таксиста». А как известно, какие деньги в те годы у селян? Потому средством расчёта стала она, родимая «поллитровка».

А вечерами, половина мужиков села, считающие себя заядлыми футбольными болельщиками, собирались в зале семьи Прасола. Рассаживались прямо на полу в зале. И это благо, что на деревянном полу. У многих в хатах в те годы были ещё «мазанки».

Фёдора Прасола не стало, когда двойне, которую Мария подарила своему мужу, не исполнилось и двух лет. Александр с Виктором сразу изменили статус се-

мы, она стала многодетной, хоть и прибавили хлопот, сначала маме, а затем и бабушке Насте.

Ровно в 1955 году в селе открыли родильный дом и перед родителями не стояла проблема, как при родах первенца, да и тем более, что малыши появились на свет летом. Но дед Фёдор, всё же успел поводить малышей по тропинке в семейном саду и дав им возможность побарахтаться у ног деда, когда он там, уже болея, приседал на раскладной стул. Хоть вслух и не говорил сыну Ивану, но теперь, судя по всему, не жалел, что Иван, вопреки его требованию, не съехал с родительского подворья.

Появилась необходимость в том, чтобы обшивать детей одеждой. Купили швейную машину. А как в селе покупались обновки или мебель? Выращивался кабанчик на продажу. А за вырученные деньги покупали уголь на зиму, для отопления хаты и приготовления пищи, обновки детям и себе и прочее. Но на много денег не хватит. Дешевле в разы было купить материал, благо его в сельпо было в избытке и жить самому одежде, тем более, если семья большая.

Мария быстро научилась не только шить, но и кроить. И пошли заказы от сельских модниц, которым тоже дешевле было пошить платье, чем купить. Оплачивали за труд по договорённости и не всегда деньгами. Натуральная оплата труда в селе была привычной, им самим в колхозе так платили за труд, в основном продукцией растениеводства.

В конце концов, машина, которая в те послевоенные годы скорее всего была роскошью, тем более для

обычной сельской семьи, простой, хоть и пока не колхозников, а служащих с «прослойкой» интеллигенции и не принесла в семью ни веса в обществе, ни прибыли, если бы на ней можно было зарабатывать, а только одни неприятности и разлады в семье. А потому, на семейном совете было решено её продать. Как пришла, так и ушла. Изменил ли этот факт что-либо в отношении селян к завклубу? Пожалуй, да! Ведь было у него много завистников, которые завидовали «чёрной» завистью, хотя и пользовались его бескорыстностью и желанием всем угодить. Но ведь он не воровал ни у людей, ни в колхозе, в котором не работал ничего, за что мог эту машину купить. Да и его заслуги в том мало было, больше был обязан своему отцу и его труду.

С января 1957 года Иван Прасол сдал свои полномочия молодому специалисту, с дипломом об образовании, полученном в учебном заведении культпросвет-работников. Пришлось работать и в колхозе, и на производственных участках. В начальники не выбился и не стремился. Были и взлёты, и падения, не сладкой стезя оказалась, с ямами, ухабами и даже глубокими рвами, и пропастями, падения в которые, к счастью, пришлось избежать.

И только один вопрос напрашивается, а духовный мир бывшего культработника остался незапятнанным или, при падении в грязь жизненных ситуаций стала до конца тоже грязной, с несмываемым пятном позора и ничтожности существования?

Послесловие

Безгрешных людей нет — это факт. Нет и таких людей, кто не совершает ошибок. Бывает страшным, когда, к примеру, реку направляют по другому руслу. Так можно погубить саму реку. Или, когда пересаживают дерево, а оно не приживается, но новой почве и, если не погибает, то болеет, плохо плодоносит и медленно засыхает. Так бывает и с человеком, когда он был на своём месте, он давал пользу обществу, горел на работе и не за деньги, видя свои способности и зная, что лучше, чем он эту работу никто не сделает. Да, ему не дали «сгореть» на работе, его «попросили».

Шли годы, на смену старшему поколению, людей, рождённых в XIX-м веке, сменяли ровесники века XX-го или Великого Октября. Росли дети, послевоенные дети. А дети войны выросли, влюбились и женились, строили и производили, поднимали зябь и целину по зову партии, и сеяли вместе с зерном в почву, светлое и прогрессивное, культуру и искусство в социалистическую современность сегодня, и перспективой на завтра — делая вклад в сознание и образование, разностороннее развитие личности молодёжи. Возможно, это пафосные слова идеологической пропаганды, но она была и была вера в светлое будущее. А без веры жизнь теряет смысл. Возможно, она заменила религию, как таковую во многом, особенно православие, как религию большей части населения Союза, но она была мощным стержнем и самого государства на мировой арене и стержнем

сплочающим весь народ на победы и великие свершения.

Одиннадцать лет Иван Прасол отработал сначала избачом, потом завклубом. Но пришли времена, когда стали о людях говорить «без бумажки — ты букашка, а с бумажкой — человек». Немного не дождался он до того дня, когда в селе откроют новый клуб. Приехал в село человек по распределению, с бумажкой и нужно было освободить должность. Так уж бывает.

Понятие культура очень широкое. Можно называть работника культуры культурным человеком? Отнюдь не всегда. А можно человека без документа об образовании называть образованным? Бесспорно, если он собственными усилиями, стремлением и привычкой, жадной к познанию поднял себя на высокую ступень образованности! Можно десять штанов протереть о скамьи в университетах и быть при этом деревянным, от слова совсем. Тоже самое можно сказать и по поводу оценки степени интеллигентности. Или интеллигент — это тот, кто носит смокинги, вращается среди «сливок» общества, а не среди коров на ферме? Интеллигентность зависит от степени развития духовного мира человека. Скажем, у избача этот уровень был на недостижимой, для его окружения, высоте. Один тычет вам диплом, точится тем, что он вращается в высших кругах общества, а посмотришь на него со стороны — быдло, оно и в Африке быдло. Господи, прости за нехорошее слово.

Когда человек, с седой головой, которому уже давно за шестьдесят, просто одетый, катится по, в те годы,

не оживленным улицам посёлка и останавливается, увидев знакомую женщину. Знаете, что он делает? Он снимает головной убор, низко кланяется, улыбаясь, одной рукой при этом придерживает велосипед, наклоняется, берёт в свою ладонь руку женщины, целует её и просит прощение:

– Прошу Вас, простить меня великодушно за то, что на улице, не по этикету. Простите! Но доведётся ли ещё свидеться. Будьте здоровы!

И ещё раз откланявшись, накидывает картуз на голову и со скрипом педалей старенького велосипеда, продолжает свой путь. Как это было давно, не раньше, чем в 1994 году. А, кто это был, вы узнали?

2024 г.

«Клятва на крови»

Рассказ

1. Вот если б скуку разогнать

Лето 1973 года. Я, студент сельскохозяйственного института, приехавший в родное село, для прохождения производственной практики в своём колхозе, по-

славшем меня по направлению учиться. В то время к студентам-практикантам относились ответственно, хоть и не всегда. И не совсем. Меня всегда притягивало две вещи — земля и техника. И эти обе стихии объединяла моя будущая специальность — инженер-механик сельскохозяйственного производства.

На время практики я принял гусеничный трактор Т-4А, на котором не было постоянного тракториста и закреплённые за ним машины: прицепной автогрейдер и полунавесной, пятикорпусной плуг. На территории колхоза все грунтовые дороги были прогрейдированы уже, в преддверие уборочной страды до состояния, даже идеальнее, чем сейчас некоторые асфальтированные дороги и, тем более, такую ответственную работу мне бы не доверили. А вот с плугом, так это пожалуйста и сколько душа желает. Понимая, что я практикант, а свободных наставников нет, все при деле, на меня особого внимания не обращали, действуя по принципу: «Чем бы парень не занимался, лишь бы не приставал с вопросом — „а, что мне делать?“, не путаясь под ногами».

Я был предоставлен сам себе и мог с плугом гонять по селу, перепахать, как мог пустыри и заброшенное поселение немцев-колонистов, где было много сюрпризов в виде разрушенных и заросших бурьянами подвалов и колодцев. Мог форсировать на тракторе неширокую речушку Каменную до поры, пока грязь не начинали заполнять просторную кабину трактора, с характерным болотным газом. Ну а затем я загонял своего мощного «красного коня» в пруд, для «купа-

ния». Это занятие доставляло мне двойное удовольствие, и сам искупаюсь и «коня» приведу в порядок.

Вечерами, по обыкновению ходил в клуб, чтобы или новый фильм посмотреть, или шары бильярдные погонять. Скучновато было в селе. В основном клуб посещали подростки до 14—15 лет, окончившие, как максимум 7 классов и те, кто уже отслужил или женатые молодые люди. А мои ровесники, в своём большинстве служили, парни и девчата, поступившие в ВУЗы или СУЗы были, подобно мне, где-то на практике.

Потом приехала на каникулы моя двоюродная сестра, ещё кто-то, к кому я не проявлял никакого интереса. Справедливости ради хочу сказать, что я к женскому полу был практически равнодушен. Незадолго до этого, будучи ещё в институте, отметили в конце июня моё восемнадцатилетие. Оно для меня стало резкой границей между детством в прямом и переносном смыслах и взрослой во многом уже жизнью.

Мои одноклассники начали с того, что предложили, как это делали другие, отметить мой день рождения в пивнушке, расположенной в городском парке, под экзотическим и в то же время, с ассоциацией какого-то зверинца, названием «Решётка». Но всё было проще, её так называли потому, что большая открытая веранда в верхней части имела украшения в виде переплетения узких деревянных брусков крест-накрест, что и создавало впечатление решетки. Я, до этого не любитель никаких спиртных напитков, впервые попробовал испытать удовольствие от питья пива

с рыбой, цимлянским лещом. Понравилось. И в этот же день меня, «застыдив» принудили заку- рить первую в жизни сигарету, а вечером пойти «на- веселе» на танцы. Чего греха таить, тоже понравилось. Даже на девушек стал смотреть более уверенно, чем раньше, но не более того.

При встрече сеструха обрадовалась и предложила мне то, от чего я не мог отказаться:

— Как твой «Восход»? Витёк не загонял, пока ты в институте «гранит науки грыз»?

Весной предыдущего года, когда я заканчивал деся- тилетку в районной школе, мама купила мне мотоцикл «Восход-2М», на котором я ездил на расстоянии 25 ки- лометров на консультации и экзамены в среднюю шко- лу, расположенную в районном центре. Когда же я учился уже в институте, мотоцикл перешёл «по наслед- ству» моему меньшему брату Вите, хоть и на 15 минут, но меньшему. Он, справедливости ради, не отличался аккуратностью, но «убить» двухколёсный аппарат не успел.

— Да «жив», пока ещё «жив». Теперь я ему «ноздри продуваю». А что ты хотела, тебя куда-то свозить на- до? — спросил сестру Тому.

— Да хотела бы в Политотдельск съездить, одно- классников проведать. Они, с другими классами у се- бя в школе встречу организовали. Хотелось бы всех увидеть, узнать, кто где и как. У тебя как с работой, я думала завтра, но пораньше, после обеда поехать, встретиться и пообщаться, а-то там на танцульках не поговоришь. Не дадут. Так что?

— Сестра, как скажешь и куда скажешь. Бензин не проблема, я же при гараже на практике. Да и без того, дядя Саша Голуби, ты же знаешь его, никогда не откажешь, хоть в бардачок бензин заливай. Да и вообще, я сам себе хозяин.

— Ну и добре! К двум часам ко мне. Я успею на себе «марафет» навести.

— Тома, завтра буду. «Орлика» вымою, чтоб сиял и чтоб лицом в грязь... Сама знаешь.

— Да ладно тебе, мы твоего «Орлика» у Татьяны, моей подружки оставим и пешком пойдём, там 100 метров всего до школы.

На утро, я по обыкновению сходил на работу. Тётя Маша, работающая диспетчером, встретила с улыбкой:

— На работу, как на праздник, пахарь ты наш.

— Здравствуйте, тёть Маш! Чё там, Самойлович, наряда никакого мне не придумал?

— Нет! Только у механика спросил: «Как там, наш практикант, «зверюгу» не утопил? А-то дожди обещают, возможно, дороги придётся подправить. Уборка со дня на день, за потери зерна на дорогах «по голове не поглядят», а «партбилет на стол» — «как пить дать», положить придётся. А, если куда-то тебе надо, то я могу «прикрыть», чего-нибудь придумаю.

— Нет, тётя Маша! Спасибо! Всё нормально. Я покручусь тут до обеда в гараже, может, кому чем помогу. А с обеда у меня есть важные дела, «слиняю».

— Лады! Марии Петровне привет от меня!

— Спасибо! Передам.

Погода стояла тёплая и пригожая, настроение на высоте. Но время отчего-то тянулось необычно долго. К обеду солнышко начало прятаться за тучками, жара чуть спала, подул ветерок. На недавно грейдированных дорогах, гуляющие по широким сельским улицам мелкие смерчи, поднимали ту тут, то там конусными воронками пыль.

— Быть дождю! — только и сказал, вышедший из бокса гаража и увидевший поднятую пыль на дороге, Владимир Соловей, и ловко выбив из пачки «Беломора» папиросу, не дотрагиваясь к ней замасленными руками, прямо муштуком в зубы, спросил меня, — куришь? Дай огоньку.

Я, уважительно быстро и сравнительно ловко, зажёл спичку и поднёс её к водителю, прикрывая от ветра руками.

— Может тебе бензин нужен? Я всё равно ещё на ремонте.

— Спасибо, дядь Вов! Ну, если литров пять, чтоб до полного бака, то можно.

— Бери-бери, ведро на крючке, под кузовом, шлаг за спинкой.

«У дядьки Сашки не успел попросить, значит на другой раз будет чью „коровку сдоить“, когда выкатаю эту горючку» — подумал я и, чтобы не забыть, пошёл сразу «по указанному адресу».

Дома выкупал «Орлика», поспорил с матерью, пришедшей на перерыв с работы, попросил, на всякий «пожарный случай» карманных денег, без которых

раньше обходился. Ну, а приехав на практику, сразу сказал, что я начал курить и мне мать сама покупала сигареты в магазине, где и работала. Курил я сигареты с фильтром, такие, как «Наша марка» или «Ту-134». Спор вышел из-за того, что я не хотел одевать ничего сверху нейлоновой, «петухастой» рубахи.

— Мам, лето же, июль, жара!

— Смотри какая жара, дождь заходит, не видишь?!

— Так я до дождя, вжик и там! — хоть и противясь, но одел простой пиджак в виде френча, с накладными карманами и металлическими пуговицами.

— Вот так-то лучше! — заулыбалась довольная мать.

Подкатив к хате, где жила сестрёнка, нажал на хриплый, скрипучий сигнал, звук которого улучшался, при увеличении оборотов двигателя. Сидевшая на лавке у забора тётя, замахала грозно палкой, в поднятой над головой руке.

— Чертяка, усих собак перелякав! Глуши мацаклет! — грозно, но с улыбкой в уголках старческих губ, скомандовала тётя Нюся, мама сестрёнки, а когда я заглушил мотоцикл, добавила, — ты дивись, не гони! Бо я вас знаю! — желая снова погрозить палкой, но передумала, и опёршись на неё двумя руками, стала наблюдать за тем, что происходит на улице.

После напутствий, адресованных тётей для дочери, мы тронулись в путь и ещё какое-то время слышали плохо различимые, громкие напутствия тёти.

«Орлик» ритмично урчал и, как только село скрылось за «зоной бокового зрения», «запел» более рит-

мично, привычно и мелодично. Дорога была хорошей и только на поворотах приходилось чуть сбавлять скорость. Чтобы слышать друг друга, нужно было кричать, настроение было выше неба... Хотя нет, небо начинало настроение опускать нависшими тучами. Они стремительно двигались нам навстречу, и мы увидели вспышки молний и раскат грома, от которого мотошлемы не смогли защитить от трескучего звука.

— Успеем? — с некой грустью спросила сестра.

— Попробуем! — без прежней уверенности ответил я, накручивая трос дроссельной заслонки карбюратора до максимума.

Крупные капли, всё усилившегося дождя, быстро остудили наш позитивный настрой. Сестра, крепко обняв меня руками, ударила козырьком своего по пластику моего гермошлема. Гроза приближалась. Мы находились на полпути от пункта назначения, до которого изначально было 10 километров. И теперь моей целью стало, хотя бы дотянуть до орехового сада или, в худшем случае, до шелковичной лесополосы.

Ливень очень быстро превращал дорогу, по которой ещё минут десять назад можно было катиться боком, в скользкое месиво. «Восход» начало водить по проезжей части, и мне пришлось перейти на вторую передачи и двигаться медленно, «вальсируя» ногами, чтобы не упасть. Почва очень быстро превращалась из скользкой в липкую и грязью забивало крылья, и, в конце концов заднее колесо начало, как циркулем, делать окружность, вокруг переднего забившегося до «не могу», я еле успеваю выставить ногу, чтобы не завалиться набок.

Тома визжит. Одежда промокла до нитки, пластиковые щитки справлялись с грязью, летевшей из-под колеса, но не с потоком воды, льющемся через «прорванную плотину» небес. Цилиндр двигателя шипел и парил, пытаясь согреть нам чай, но вода, испаряясь, только окутывала нас паром. Вскоре и «сердце движка» биться перестало, он заглох. И в наступившей тишине, стало более отчётливо и угнетающе слышны стали удары крупных капель дождя по шлему.

Я повернулся к сестре и, стараясь улыбаться, сообщил:

— Сестра, остановка «приехали». Вставай аккуратно и ногой багажник не сломай.

Программа минимум была выполнена. Справа от дороги тянулась густая лесополоса, а метрах в пятидесяти и левее, густым лесом и хмурым, тёмным пятном, через сплошной поток дождя, нас недружелюбно встречал ореховый сад. Но до него нам дотянуть на себе технику с не вращающимися колёсами, а иначе никак, уже было нереально. Мы, где буксировкой за багажник, «задним ходом», то волоком, то кантуя, но затащили «Орлика» в лесополосу.

До Политотдельска оставалось около трёх километров и еще по селу нужно было пройти не менее полутора, но я ещё этого не знал. Мои замшевые, красивые когда-то и модные в те годы туфли, почему-то стали на меня как будто на пару размеров больше и спадали. Я их снял, тоже самое сделали и сестра. Босиком стали идти намного легче, вот если бы обувь ещё можно было выбросить.

Ливень, к счастью, был непродолжительным, но мощным. И мы, придя в себя, начали смеяться друг над другом, над тем, какие мы «красивые» в грязевом макияже. Сигареты и спички размокли. Хотелось пить, как ни странно, и курить. На небе вскоре ветер разогнал тучи и о дожде напоминали только журчащие по водосливным канавам кюветов ручьи. Они-то нам и указывали направление, куда нужно было идти.

Сестра, хорошо знающая село и конечный пункт назначения, предложила маршрут не по центральным улицам, а по верхней, крайней, где была меньшая вероятность встретиться со знакомыми моей сестры, как минимум. Всё-таки видок у нас был ещё тот.

Татьяна, подруга Тома, жила как раз в верхней и дальней части села. И вот мы уже стучим, а вернее, сестра просто стала звать подругу.

— Боже, мой! — только и сказала полненькая, круглолицая, с румянцем на щеках девушка. — Заходите скорей, сейчас воды согрею.

Из дома на шум выглянула женщина и только собралась спросить, как её опередила дочь словами:

— Ма, это ко мне, друзья...

Таня завела нас в летнюю кухню, предложила присесть, хотя... Она увидела смтение и, поняв, сказала:

— Ничего страшного, потом приберёмся. Я сейчас одежду вам подберу. Тебе, Тамара, из моей, из которой я выросла, а тебе... как тебя зовут, жених?

Слово жених меня на время выбило из равновесия, но придя в себя, ответил:

— Саша, брат Тома.

— Подруга, а чего ты мне о брате ничего не рассказывала? Два года учились вместе, а ты... всё о сестрах.

— Так сёстры-то родные, а братик двоюродный. У меня в Марьевке ещё два брата, правда один сейчас в армии, а старший уже отслужил. Ты ж никогда не спрашивала, я думала, что у вас с женихами полный ажур. Село-то у вас раза в два-три больше нашего, так? — сестра растерялась и пряча грязные ноги под табурет, присела.

Я сделал тоже самое и начал осматривать стандартную в общем-то летнюю кухню. Как говорят, в тесноте, но не в обиде. Столик у окна на два-три едока, в углу газовая печь от баллонного газа, в середине печь под уголь, для обогрева помещения зимой и приготовления корма для домашнего подсобного хозяйства. В другом углу кровать-односпалка, заваленная барахлом, в основном домашней одеждой.

К тому времени вода в тазу пустила пар. Таня посмотрела на меня, затем на сестру и объявила:

— Родственники, конайтесь, кто первым будет мыться, а я за одежкой сгоняю, — и не дожидаясь ответа нырнула, чуть пригнувшись, в открытую дверь.

— Давай, сестра, ты первая. И не дай Бог, чтобы ты заболела. Тётя Нюся с меня живого тогда не слезет.

— Хорошо! — тихо ответила сестра и начала задвигать шторы на маленьких окнах, выходящих во двор.

Когда с крыльца юрко соскользнула, казалось, не касаясь ступенек, Татьяна, и, пока она не шмыгнула в кухню, я успел спросить:

— Таня, а у вас кто-нибудь курит? А-то я... у меня...

Почему-то эта бойкая девушка меня смущала, и я терялся, но она, кивнув головой, ответила:

— Шас! Бельё отдам. Батя курит «Приму». Пойдёт?!

— Да всё пойдёт, — обрадовался я этому больше, чем тому, что скоро сброшу с себя мокрую одежду.

Я присел на перемышку лестницы, ведущей на чердак и закурил. Мне хватило две затяжки, чтобы закружилась голова. Сигареты были крепче тех, что я курил, драло в горле, я кричал, но не оставлял желания затянуться ещё и ещё.

Я выкурил ещё одну сигарету, пока девчата готовили купель для меня, а сестра начала стирать в корыте свою одежду. Когда я, обмывшись, оделся в предложенную одежду, то был схож на своего отца, в такой мешковатой одежде был батя на фото, когда я только родился. Но телу стало тепло и приятно. Сестрёнка помогла и мне разобраться с грязным бельём. И вскоре моя ярко-броская в «петухах» рубаха, гордо реяла рядом с блузкой и юбкой сестры.

Татьяна с сестрой больше шушукались, а я изучал подворье, выходил на улицу, но в таком наряде, с чужого плеча, даже за сигаретами не рисковал сходить. Потом молодая хозяйка пригласила нас почаёвничать. Подружки разговаривали о встрече, о том, что лучше одеть, но это по отношению к Таня, Тамара же надеялась, что к вечеру её одежда вновь обляжет вокруг форм хозяйки. А я в этом даже был уверен. Студенческая жизнь научила, если не всему, то многому.

Когда Таня спросила, не нужно ли нам чего, она собиралась куда-то идти. Я попросил купить сигарет. Она деньги брать отказалась, сказав, что «вы же мои гости».

Но вернулась Таня не одна, а с ещё одной подружкой. Она была полной противоположностью Татьяны: брюнетка, стройная, среднего роста, с сияющим просто так, даже без причины лицом.

Они с Томой друг друга знали, поздоровавшись, девушка сама подошла ко мне и представилась раньше, чем Татьяна хотела это сделать:

— Я Любаша, Люба! А тебя как зовут?

— Алек... Саша, — ответил я сбивчиво, не ожидая такой инициативы от новой знакомой.

— А мы с Таней всю жизнь знакомы и в садик вместе ходили, и в школе за одной партой сидели, а потом я с восьмого учиться в Таганрог уехала, в медицинском училище, а Таня с Тamarой дальше уже учились вместе. У тебя ничего не болит? Если чё, обращайся. По блату вылечу.

— Да, нет...

— Так всё-таки да или нет? — продолжала атаковать меня Люба, не давая опомниться.

— Нет, пока не нужно. Ноги ходят, руки делают, сердце стучит, — придя в себя и подстраиваясь к темпу разговора собеседницы, ответил, как выпалил.

— А стучит сердечко как, ровно или?

— Ровно и ритмично, как у спортсмена и еще десять дней назад не знавшее, что такое никотин сигаретный.

— Плохо и первое и второе... Вот я и говорю, что помощь нужна. Это я, как будущий фельдшер говорю.

Поняв, что имела ввиду Люба, я промолчал, сделав вид, что не словам особого внимания.

— Так, что лечиться, товарищ больной или как?

— Или, как и никак! — на удивление даже самому себе, резко ответил собеседнице и решил сгладить острые углы ситуации, добавил, — поживём — увидим.

— Надеюсь, — заглянув мне прямо в глаза, как-то вызывающе и смело, очень уверенно и заигрывающе.

Я, конечно, никогда близко не общался не только с девушками лёгкого поведения, но с девушками вообще. Даже, когда в старших классах школы, когда меня подсаживали то к кореянкам, то к армянке, то к очень бойкой русской блондинке, которая была выше меня ростом. И все они были симпатичные, но я на них мог смотреть чаще всего исподтишка или с «пионерского» расстояния. А тут... И причём девушка-то деревенская, не городская. Хотя, это ещё не факт.

— А ты со мной не будешь стесняться, если мы пойдём вместе, — продолжала меня атаковать Любаша.

— Так мы же вместе пойдём на встречу. Так же? Хотя я-то иду за компанию с сестрой.

— А за компанию со мной не хочешь? Таня с Тамарой, как «санитары», ходят парой. А я без пары остаюсь.

— Что у вас парней мало?

— Почему мало, хватает. Значит, не хочешь. У тебя девушка есть? Заревнует? Так я навязываться не стану. Насильно мил не будешь.

— Хорошо, я составлю тебе компанию, — заметив, что Люба начинает терять спокойствие и даже самообладание, — надеюсь, что твои ухажёры будут меня бить, хоть и сильно, но не больно и мать потом сможет меня узнать в «отбивной». А если нет, то тебе тогда точно придётся мной заниматься, но уже в больничке.

Мы оба дружно рассмеялись и напряжение было снято.

Время шло к вечеру и девчата принялись сушить утюгом и заодно гладить в основном мою одежду, брюки и пиджак. Перекусив домашней едой, девушки ушли в горницу, оставив меня в гордом одиночестве. А я этим временем познакомился сначала с мамой Татьяна, а затем и с отцом, пришедшим с работы.

Они оба хорошо знали моих родителей. И в этом ничего предрассудительного не было. Во-первых, моя мать, ещё будучи незамужней, возила кинопередвижку по селам района. И девушку-киномеханика не запомнить было нельзя. Во-вторых, долгое время оба наши села входили в состав одного колхоза и только пять лет назад, как произошло разделение колхоза на два с центральными усадьбами в с. Политотдельское и с. Марьевка. Отец же в Марьевке работал заведующим клубом. В-третьих, мама сейчас работая продавцом Политотдельского сельпо, часто приезжала сюда по работе.

В разговоре они оба лестно обзывались о моих родителях, что мне было, конечно, приятно слышать. Дядя Коля, отец Тани, тихонько, чтоб не слышала супруга, предложил мне, ради знакомства «по сто грамм», но я вежливо отказался.

Вышли нарядные девахи: туши, крема, пудры и губной помады было потрачено ими изрядно. Но оно и понятно, не за хлебом в магазин собрались, а на встречу, где после каждого будут обсуждать или завидовать. Мы спустились по улице сверху вниз к центральной улице, где чуть правее располагалась центральная площадь села, а вокруг магазины, дом культуры, неприметное здание райпо, а за магазинами двухэтажная школа.

Мы шли парами, впереди Таня и Тамара, за ними Люба и я. Я, не выдавая некоторого дискомфорта, незаметно озирался по сторонам, желая увидеть осуждающие взгляды незнакомых людей. Но никому до нас не было дела. Когда девушки здоровались с односельчанами, я делал тоже самое, ведь у нас в селе были такие же правила — здороваться со всеми, с кем встречаешься, со знакомыми или приезжими.

2. Клятвенный ритуал

Я смотрел на Любашу и мысленно пытался сравнить её с моей, можно даже сказать первой девушкой, с которой опять-таки волей случая я познакомился около месяца назад, ещё в Зернограде, во время прохождения учебной практики на полигоне. Мало того, я с ней провёл вместе двое суток, именно суток, два дня и две ночи.

Это было в моей жизни впервые, когда я целовался с юной Дюймовочкой, как я её потом стал звать, часа-

ми, прерываясь, лишь для восстановления дыхания. Почему-то я только сейчас о ней вспомнил, хотя то, что произошло за эти двое суток достойно, как минимум, для написания приключенческой повести.

Эту девушку звали Наташей, она была школьницей из Новочеркаска, и в тот день приехала со своей старшей сестрой в зерноград к тётке в гости. Но так как я её, после случайной встречи на вокзале, уже отпустить от себя не смог, то у тётки она смогла побыть всего полчаса и, получив урок воспитания, вынуждена была отправиться домой, но уже в сопровождении меня, а её старшая сестра, под руку с моим другом Саней.

Но там развивалось всё как-то не так, стремительно и обоюдно. Мы оба как бы сошли с ума. Ладно я, мне вот-вот должно было исполниться 18 лет, а Наташе ещё и шестнадцати не было. Мы проводили наших знакомых девушек в Новочеркасск и там вместе провели сутки, познакомились со своими, как шутя говорили, тещами. И всё было замечательно и романтично. Но почему я стал на время забывать, хоть первые пару недель, вставал и ложился с мыслями о Наташке, уже написал ей пару писем с учёбы и одно из дому. Почему я, сначала на время её забыл, а теперь, когда познакомился по случаю с другой девушкой, снова вспомнил ту?

Одно я точно знаю, что меня привлекло в Наташке — это то, что я всегда представлял свою девушку такой, как моя мама: невысокого роста, обязательно брюнетку, живую, подвижную, заводную. Всеми этими качествами обладала Наташа, да и Люба в принципе

тоже, кроме роста, она была среднего роста и не столь миниатюрна. Но в остальном, они были схожи. Весёлость, напористость и решительность, что больше было свойственно, конечно, юношам, игривость и простота.

Конечно, всё перечисленные качества девушки мне не могли не нравиться. Тем более, что я в школе, да и без малого не весь первый год обучения в институте был эталоном мальчика-недотроги, не «ботаника» и фаната учений и зануды, но тихоней — это точно. У каждого такие изменения случаются, тем более, когда влюбляешься. А, что, я снова влюбился? Да, не может быть?! Месяц назад у меня кружилась голова от поцелуев и счастья соприкосновения с юным девичьим телом, без интимного продолжения, но уже не «пионерской» близости и вот опять — приехали...

«Саня, а чё ты делаешь? Ты для чего приехал сюда, для этого? Ты, что превращаешься в какого-то мачо или просто ведёшься на девичьи чары? — спрашивал я себя и не находил ответа, — может быть мне просто признаться Любаше, что моё сердце занято и не стоит строить далёких планов? Что за бред лезет в голову, это уже я тороплю события, ведь ничего нет серьёзного, да и не будет. Девушка флиртует, а я вместо того, чтобы поддержать её, играя в паре, включил программу курса, изучаемой на первом курсе философии — зануда!».

— Ты чего, кавалер, задумчивый такой, — прервала поток моих бредовых мыслей, Люба, — расслабься, сейчас мы тебя познакомим с нашими друзьями.

Школа была на пригорке и перед входом в неё, да и по всей территории, за зданием, на спортивной площадке, небольшими группами собирались молодые люди. Я всматривался в их лица, но никого, по понятным причинам не узнавал. Было бы это в райцентре, где я оканчивал десятилетку, другое дело, но не в селе, где я был впервые, не считая того, что приходилось несколько раз проезжать на «грузопассажирское такси», как называли тентованные грузовые автомобили, с установленными лавками в кузове, в качестве сидений. Жёстко и порой холодно, но были такие времена и такой общественный транспорт. На них сельские везли в Таганрог, на рынок избытки сельскохозяйственной продукции своего домашнего хозяйства.

— Парни, знакомьтесь. Это наш гость из Марьевки и мой новый друг, Саша. Кто обидит, будет дело иметь со мной.

Все дружно засмеялись, услышав явную угрозу из девичьих уст, но на смех не подняли и за то спасибо. Хотя я чувствовал себя всё же немного неловко в такой ситуации. Ребята, как правило были чуть моложе меня, но эта возрастная граница не была столь существенной. Главное, что они были добродушны, приветливы, внушая доверие и желание общения на равных условиях, без напряжения.

Вскоре загремела музыка и всем известные, популярные мелодии, в исполнении местного ВИА из дома культуры, ударами по струнам электрогитар пригласили внутрь фойе, так как во дворе не было удобной асфальтированной площадки. И, возможно, вторым

фактором тому, что мероприятие проводилось в помещении было то, что накануне ливень наделал много переполоха и организаторы выбрали этот беспроигрышный вариант.

Когда я отошёл от моей девичьей компании, чтобы перекурить, ко мне подскочил рыжий парень с предложением:

— Разговор есть. Отойдём?

— Ну, коли есть о чём поговорить, то можно и отойти. Тут сильно шумно, — стараясь не подавать волнение, но мысль о том, что это стандартная процедура, чтобы намекнуть о том, кто тут хозяин положения и уточнить мои права, если они, конечно есть.

Я помню, что с тех пор, как я стал жить сознательной жизнью, лет уже двенадцать, как минимум и до момента, когда я покинул три года назад родное село, между парнями нашего села и из их села происходили постоянные стычки и поводом для них были, конечно, девушки. Изначально парни приезжали к соседям на велосипедах, позже на мотоциклах. Часто разборки заканчивались драками и ответными визитами, с тем же исходом. Потом как-то притихло, толи молодежь стала понимать, что кулаками любовь не завоевывается, толи ещё что-то, но за последние три года о таких происшествиях я слышал только однажды. Тогда по пьянке мой земляк избил парня из этого же села и получил условный срок.

Парень повел меня по облагороженной тротуарной дорожке в направлении школьного туалета, где она проходила среди кустов сирени с двух сторон.

Чей-то оклик позвал:

— Сюда!

Мой «конвоир», идущий спереди, повернулся и махнул, приглашая за собой. Я, выставив руки вперёд, чтобы не обобрать лицо кустарников, шагнул в темноту. Выйдя на просторную полянку, увидел двоих парней.

Один подошёл ко мне вплотную, чтобы можно было лица и, улыбаясь, предложил:

— Давай знакомиться ближе. Я — Витёк, это Андрей, а это Вовчик, — указав на моего сопровождаемого.

— Я — Саня. Приятно познакомиться.

— Мы, это, как его, хотим предложить тебе скрепить наше знакомство «Агдамчиком». Ты, как?

— Да, я... — начал мяться я, не зная, как поступить лучше, да и питок я не очень.

Сразу вспомнился мне мой выпускной, но очень смутно, так как мои одноклассники предложили начать отмечать его ещё до торжественной части, с распития вина в парке, что в 100 метрах от школы. Они-то привычные, а я окосел и был вынужден пропустить большую часть вечера. А утром в добавок, бабуля не могла меня разбудить на встречу рассвета. Я приехал на своём «Восходе» на место встречи рассвета за речкой и смог только застать двоих, задержавшихся парней...

— Ты же не хочешь нас обидеть! Ты наш гость. Мы же не требуем с тебя «проставиться», а отказ не принимается. Или хочешь обидеть?!

— Нет, конечно.

Выпивали по обыкновению, из горлышка и по кругу. Распив «семисотку», закурили втроём, один оказался некурящим. Я, заметив, предложил ему сигарету, но он закивал головой.

— Андрюха у нас спортсмен, чемпион школы по лёгкой атлетике, — за него ответил Витя.

Беседа пошла без напряжения. Когда я, поблагодарив моих новых знакомых, хотел идти, Витёк, придерживая меня за рукав пиджака предупредил:

— Саня, если у тебя с Любовью серьёзно, то не обижай её. У неё никого нет и никогда не было. Она так шумовая, если кто-то понравился, то это по-настоящему, я это понял, так как мы её такую давно не видели. Хорошо?!

— Да и в помыслах не было ничего дурного. Парни, будете у нас, буду рад вас встретить уже в качестве гостеприимного хозяина.

Пожав друг другу руки, я пошёл к зданию школы, где веселье набирало обороты. Люба бегала от одной группы парней к другой, видимо в поисках меня.

— Фу, где ты был? С ног сбилась в поисках. С меня бы сестра твоя три шкуры сняла с меня, если что...

— Извини! Всё нормально. Нужно было отойти.

— А ты любишь танцевать, хочешь? Пойдём!

— Ну не очень, а если ты приглашаешь меня на «белый танец», то отказать не могу, конечно.

— Точно! Я тебя приглашу на «белый танец» ... Нет, на три танца, а потом пойдём погуляем туда, где потише. Лады?

— Лады! — заулыбался я, видя сияющее лицо девушки.

Она ухватила меня за руку и поволокла так, что я без малого не растянулся на ступенях, зацепившись своими, не донца высушенными и терявшими вид после чистки, замшевыми туфлями.

После уличной свежести, в помещении было немного душновато. Я заметил веселившуюся сестру и её подругу. Люба перехватила мой взгляд и прижавшись ближе к моему уху, из-за громкой музыки, прокричала:

— Подруги уже в курсе, что я тебя «украду». Ждать тебя не будут. Уверена, что у них ночь также будет весёлой, как и вечер или предадутся воспоминаниями. Если устанешь от меня, Танюхины родители приготовят в кухне второе ложе для тебя на раскладушке. Думаю, что ты сестре кровать уступишь?! — я ощущал пылкое дыхание на щеке и лёгкое прикосновение грудью к моему плечу.

Лёгкая дрожь пробежала по коже и уже знакомые желания, которые я уже испытывал к девушкам — обнять и поцеловать или это просто вино ударило в голову. Начался медленный танец и Любава, развернувшись лицом к лицу, молча кивнула, приглашая на танец.

Танцором я был так себе, но, когда девушка попыталась меня вести в танце, я перехватил инициативу и она покорно согласилась, расслабившись, следуя за мной и лишь сильнее и сильнее прижимаясь. Рука на талии ощущала гибкость девичьего стана, а волосы передавали лёгкий аромат духов. И я «растаял».

Не скрою, что мне была приятна такая непринуждённая близость, вызывающая лёгкое головокружение. Люба от меня не отходила и в перерывах между танцами, ожидая следующий медленный, дабы лишить потенциальных соперниц возможности сделать это раньше. Только так я понимал её нежелание «оторваться», хоть на время от меня в прямом и переносном смыслах.

Вот и остались за спиной звуки музыки и веселья. Я покорно шёл в сопровождении своей пассии, на душе было легко. Ушли все огорчения, связанные с ливнем и последующими за ним неприятностями. Я давно уже не испытывал удовлетворённость происходящим моментом, после дней суеты и скукоты.

Люба также, на удивление, молчала, улыбалась и, стараясь идти со мной в ногу, иногда сбивалась, что заставляло или мне подбирать ногу, или наоборот.

— У тебя есть девушка? — Как обухом по голове, так неожиданно и резко, без подготовки, выпалила Любава, резко остановившись.

— Как тебе сказать, и есть, и нет. Тут однозначно не скажешь...

— Не темни, — не унималась девушка, — у тебя есть девушка, которую ты любишь и предлагаешь руку и сердце?

— Ну, значит, тогда нет. Такого никому не предлагал.

— Тогда я буду первой.

— В чём первой? Первой моей девушкой, с которой я сегодня познакомился? Так с Таней я познакомился раньше.

— Ты прекрасно меня понял, не дурак же...

— А, ты хочешь быть моей, чтобы мы, ну...

— Дурак! Вот теперь мысли у тебя дурные. Я хочу по-настоящему, венчаться. Совсем тебе не нравлюсь?

— Люба, разве так можно? Мы знаем друг друга все ничего...

— Можно жизнь прожить и человека не познать. Решайся, я делаю тебе предложение.

— Ой, мама, держите меня! Ты шутишь или в церковь меня ведешь?

— Нет, в церковь сейчас не время. Я другой обряд знаю. Вон до того сквера пока дойдём, ты подумай.

— Да, много ты мне времени на раздумье дала, вся жизнь перед глазами пробежит, как перед плахой.

После этих слов, Люба, рассмеявшись, воткнулась буквально головой в мою грудь. И через нейлоновую рубашку прекрасно ощущал её томно-напряжённое дыхание. Улица была безлюдна, в редких окнах светились голубые огоньки телевизоров. А большая часть села уже спала, так как в селе большинство населения относятся к разряду жаворонков и не по собственному желанию, а по необходимости. Село летом оживало в пять часов утра, даже раньше. Женщины уходили на фермы, на утреннюю дойку коров после того, как своих подоят. Да и мужчины спозаранку в хлопотах, по хозяйству управиться нужно до работы, и механизаторы рану уходили в бригаду, где готовили технику к уборке.

— Чё замер? Время натягиваешь? — прямо в лицо рассмеялась мне Люба.

Шли молча и неспеша. Я не знал, где меня «женить» будут или просто это шутка. Вошли во двор какой-то организации, судя по размерам и форме строения. В середине и в дальнем крыле здания, в окнах горел свет.

— Ты куда меня привела? — без притворства удивился я.

— В больницу, — серьёзно сказала Любаша, — но мы внутрь пока не пойдём, не станем тревожить дежурный персонал и больных. Пойдём во двор, там скамьи есть, присядем.

Обошли здание и, пройдя по аллейке, присели на скамью. Я молчал и ждал, что будет дальше. Девушка серьёзно смотрела мне в глаза.

— Будешь моим суженным или боишься? Ты, укол боишься? А крови?

— Нет, не боюсь. В этом году, в день донора я даже кровь сдавал. А, что кому-то нужно переливание?

— Да, мне! Дашь мне пару капель крови?

— Этого хватит?

— Ну, чуть больше.

— А, я понял, ты вампирша, да?!

Любаша закатилась смехом, а потом зажала сама себе рот рукой:

— Сейчас, если услышат нас тут, напрут. Надеюсь, что нет, но кровь пустить могу. Ты же не забыл на кого я учусь?

— Ага, забудешь теперь, после всего сказанного, — ответил, пытаясь изобразить, как можно натуральнее испуг.

Люба плотно воткнулась мне в грудь, чтобы глушить смех таким оригинальным способом. Я инстинктивно прижал её к себе, обнимая за плечи. Затем откинул полу пиджака и прикрыл её девушку. Она притихла, еле слышно дыша, словно пригревшийся под родительским крылом птенец.

— Ты клятву когда-нибудь давал? — вновь заговорила Люба.

— Конечно, когда принимали в пионеры, клялся и знамя целовал.

— Я серьёзно. Есть такой обряд «клятва на крови», не слышал.

— Слышал, конечно. Я должен поклясться в верности или в чём?

— Ну, раз ты мне не ответил на вопрос, нравлюсь я тебе или нет, то хотя бы в дружеской верности можешь поклясться?

— Мы кровь донорскую украдём из холодильника в больнице? Вот почему мы здесь, — теперь очередь смеяться была моя и мне пришлось глушить смех на груди у девушки.

А девушка, загнав свои тонкие пальцы в мои моих кудри, как расчёской, ещё плотнее прижала бестолковку к себе и я почувствовал учащенное биение её сердца. Затем я не сдержался и «впился», словно вампир поцелуем в пыльные уста девушки. Девушка обмякла и не предпринимала никаких попыток, чтобы освободится.

Потом Любаша воспряла, чуть отстранилась и улыбаясь произнесла:

— Целуй! Целуй меня крепко, целуй меня страстно, пока мы не провели обряд «клятвы на крови» для дружбы. Ты же друга так целовать не станешь, да?! А избранницу сможешь, но обряд должен иметь другой смысл и слова клятвы иные...

Ночь, на удивление быстро пролетела, на то она и летняя, короткая очень. Мы наобнимались и нацеловались до одури. Ощущая опьянение от множества поцелуев и негу со слабостью из-за бессонной ночи, понимали, что пора отсюда уходить, пока нас не обнаружили работники специального учреждения медицины.

— Время! Ты, готов? — резко спросила Люба.

— Всегда готов! Я же клятву давал, вступая в ряды пионеров.

— А со мной слабо?

— Не слабо! Кусай или режь! — освободив шею от ворота рубахи, повернулся к Любаше.

Та, улыбаясь, предложила:

— Правую руку.

— Ты у меня просишь руку, а сердце не будешь?

— Не буду.

Я покорно протянул ей правую руку и наблюдал, что будет дальше. Люба недолго смотрела молча мне в глаза, держа руку и потом спросила серьёзно:

— Готов?!

— Да, готов-готов! Кусай!

Я не успел даже понять, откуда она достала лезвие для безопасной бритвы и начала разворачивать упаковку.

— Может скальпель в больничке попросим? — пытаясь не показывать волнение, которое, хоть и в незначительном виде, но присутствовало.

— Спирта нет, а огонь для лезвия нежелателен. Попробуем на заводскую консервацию. Я тебе это сделаю, а потом ты мне, хорошо?

— Я не смогу!

— Сможешь!

Люба, держа руку ладошкой вверх, быстро сделала два разреза на внутренней стороне запястья «крестиком». Хоть порезы были неглубокие, но кровь, набравшись в крупные капли, а затем начала растекаться по руке.

— Держи! — скомандовала Любаша, подав лезвие и протянув мне свою руку, — не тяни, режь!

— Не могу я, Люба! Давай я лучше себя ещё раз порежу. Тебя не могу.

— Тоже мне, друг! Или жених?!

— Любаша, я только одно могу тебе сказать, что ты — девушка хорошая, душевная и прямая, но, зная друг друга несколько часов и... не могу я тебя резать, хоть убей.

— Придётся тогда самой...

— Меня убить? — не дав досказать, перебил Любашу.

— Любить, кучерявый ты мой, любить!!!

Люба взяла уверенно из моих рук лезвие и полосовала дважды по своей правой руке. Толи из-за того, что она это делала левой рукой, было неудобно, толи давление артериальное было высоким, а может быть

она перехватила крупный кровеносный сосуд, но кровь хлынула струйкой, а потом проделав русло, начала сбегать по руке. Мы, как по сговору прислонили порезами друг к другу руки. Я плотно прижимал свою руку, одновременно держа своей свободной левой рукой её, кровоточащую нежную и окровавленную руку.

— Повторяй всё за мной. Я клянусь...

— Я клянусь... — повторял я все сказанные девушкой слова клятвенного обещания, даже не вдумываясь в сущность и значение этих слов.

Всё моё внимание было на непрекращающееся кровотечение из глубокой раны, плотно прижимая к её руке свою, что как-то уменьшало кровопотерю.

— Ну вот, — улыбаясь сказала Люба, — теперь мы друзья до гроба.

Я сейчас не думал об этом, быстро нащупал в пиджаке носовой платок и изначально думал перевязать рану, но наложить повязку его бы не хватило и тогда я вспомнил, как накладывают жгут на руку, туго затянул узлом платочек выше локтя. Это дало хороший эффект, оставалось перебинтовать рану. Потом меня осенило.

— Сиди, я сейчас быстро в больничку мотанусь, бинт попрошу.

— Саша, не стоит, она уже почти не идёт. У меня просто свёртываемость плохая. Я не знала, как у тебя с этим и потому сюда привела, на всякий случай. Иначе я бы себе такого не простила никогда. И потом, меня же там знают, подумают, что девка дура из-за парня вены вскрыла. Не нужно! Всё хорошо!

— Сейчас, погодь, — я снял пиджак и собирался снимать рубашку, чтобы, оторвав рукав, перебинтовать рану.

— Угомонись! Смотри, остановилась, — Люба приподняла руку, чтобы доказать мне сказанное, — у меня в кофте тоже есть платочек, для слёз приготовила, но видно не судьба поплакаться.

Я взял у неё платочек и перевязал, насколько позволял размер его, рану.

— Я хотела тебе перевязать, а ты...

— У меня, как на собаке заживает. Тем более, что ты профессионально, чтобы не затронуть кровеносные сосуды, аккуратно царапины сделала. Если бы я знал...

— Что?

— Сам бы тебя покромсал.

— Шутник. Гляди-гляди, солнышко. Пойдём отсюда через задний двор и бригаду. Не хватало ещё, что нас вот таких видели. Это я дура, сон, видите ли, вещий приснился. Вот и верь им после этого.

— Кому?

— Ну снам, конечно. А тебе можно?!

— Ой, не знаю, смотря в чём.

— В «клятве на крови»!

— А, я, что клялся?! — это из моих уст прозвучало издевательски.

— Я тебя сейчас убью!

— А это было в клятвенном обещание?

— Так не доставайся ты никому! — такие будут мои последние слова, ясно?!

— Яснее не бывает. Ты лучше скажи, как будущая медсестра или фельдшер, а поцелуи будут способствовать быстрейшему заживлению ран?

— Это то, что доктор прописал. Будут и это нужно делать желательнее уже сейчас и, как можно продолжительнее, чтоб дыхание замирало и сердце на время биться переставало. Ранки враз затянет!

— Хорошо. А то, что ты мне теперь стала другом?

— Одно другому не помеха! — только и успела сказать Любаша, прильнув ко мне в страстном поцелуе.

Ох уж эти девушки!

Нам обоим не хотелось идти домой. Любаше домой, а мне туда, где мне была приготовлена раскладушка в кухне, и сестра уже, наверное, подняла панику, так как я уходил, когда с веселушки, не удосужился её предупредить, да я и не мог знать, когда меня ждать. Это всё так непредсказуемо. Может быть по «линиях жизни», что на ладонях и можно прочесть, но я такими способностями не владел.

Люба повела меня, как говорят, огородами ещё и потому, что село уже проснулось, ожило. Выгоняли коров в череду, то есть в гурт, а затем пастухи направляли стадо на пастбища. Любаша, как и любой местный житель, знала маршруты, где больше всего есть вероятность встретиться с односельчанами. В противном случае и до обеда не доживёшь, чтобы село не начало гудеть последними новостями из СМИ, под на-

званием «ОБС», что расшифровывается, как — «одна бабка сказала». А там, где одна слышали или, видела, будет знать всё село непременно.

Люба повела меня в те укромные места, что за пределами села, где она любила прятаться надёжно в том случае, когда хотелось уединиться, никого, не видя и не слыша. Это место было в роще, куда вела узкая тропка. Там имелись кое-какие сооружения, старательно выполненные неумелыми детскими руками. Где-то жерди были связаны бичевой или скручены проволокой. В центре зияло давно не выдавшее огня кострище. Мы присели на примитивных сиденьях.

— Может мне костёр развести? — спросил я, между прочим.

— Не стоит выдавать наше здесь присутствие, тем более дрова отсырели после дождя, будут дымить. Лучше сам меня согрей, друг!

Обращение «друг» Люба умышленно произнесла с ударением.

— Слушаюсь и повинуюсь, госпожа!

Мы провели вместе ещё несколько часов вплоть до обеда. Хоть и говорят, что «счастливые часов не замечают», но желудок напоминает о себе ворчанием. Да и просто нужно было домой возвращаться и чем дольше я об этом думал, тем больше меня посещала мысль, а дождётся ли нас наш транспорт или кто-то ему «ноги сделает» и приставит вместо колёс.

3. Листая жизни календарь и делая отметки

Сестра нас встретила с целым курсом лекций о том, как поступать некрасиво и что теперь делать, чтобы от её мамы, тёти Нюси, ей «влетело» меньше. Я предложил ей говорить правду. Во-первых, совесть не будет мучить после этого, а во-вторых, ведь всё равно влетит и не поверит она, хоть правду говори, хоть соври. На том и порешили и ещё, чтобы сестра на меня больше спирала, а я постараюсь подольше ей на глаза не попадаться.

Нас подруги, Таня и Любаша провожали до окраины села. Попрощались сдержанно, что касается моего расставания с Любой. А на множество вопросов по поводу, что случилось с её рукой, я сам придумал байку, что в темноте не заметили на скамье разбитую «розочкой» бутылки и Любаша на неё оперлась нечаянно рукой. Со мной всё было проще, так как и раны почти не было, и я обшлага рубахи откатил, хоть жара была. Но такой расклад вещей устроил всех.

«Орлик» нас встретил изрядно присохшей под крыльями грязью и... больше ему не судьба была мигать на поворотах красивыми указателями поворотов, их просто скрутил кто-то. Благо, что не более того, иначе нам бы пришлось и самим пешедрапом домой добираться и средство передвижения передвигать толканием.

Я проходил практику, встретил свою бывшую одноклассницу, с которой проучился всего два года,

в первом и втором классе, а затем их семья уехала за Урал. Я её даже не узнал, после девяти лет, которые мы не виделись. Так как из её одноклассников в селе в это время никого больше не было, то я взял над ней своеобразную опеку, чем вызвал раздражение у парней постарше. Они видели в приезжей блондинке объект для развлечения, не более того. Один мне так и сказал открытым текстом, после чего я стал Нину опекать ещё более пристально и всячески оберегать.

Само-собой Любашу я вспоминал всё реже и реже. Даже удивляюсь, почему «клятва на крови» не только не дала результата, а дала обратный результат, я как-то сделал такой вывод. Возможно, что я что-то не учёл, не прочувствовал или быстрая смена объекта внимания способствовала тому. Но, как получилось, так получилось.

Я уже учился в институте и переписывался с Наташкой из Новочеркасска и уралочкой Ниной. Но Нина, ничего не говорившая мне о своей личной жизни, объявила зимой, что она мне не хотела признаваться, когда мы были вместе, так как её устраивало моё внимание, но у неё тогда уже был парень, а сейчас она его проводила в армию и будет верно ждать.

Не могу сказать, что я стал равнодушен в женскому полу по этому случаю. Так же ходил с друзьями на танцы и встречался с девушками, хоть и серьёзных отношений ни с кем не получалось. Но о Любаше окончательно позабыл. И хоть бы однажды «крестик» на запястье зачесался и напомнил мне об той, не скажу, что красавице и не буду грешить, что уродине,

а обычной, симпатичной и, что очень важно, неповторимой и интересной в общении и не только, девушке.

Прошло довольно много времени, и я неожиданно получил письмо с незнакомым почерком — это было письмо от Любаши. Я удивился этому и из письма узнал, что она выпросила адрес у моей мамы, без подробностей, как это произошло. Будучи порядочной сволочью по отношению к этой девушке, но не потерявшим совсем человеческое достоинство, я ответил ей и у нас завязалась переписка. Наши письма занимали промежуточную нишу в пирамиде отношений, между дружескими и любовными. Всё зависело от настроения, но ни упреков, ни напоминаний о событиях, произошедших прошлым летом, не было.

В письмах мы сообщали об учёбе, каких-то мало-значимых мелочах, о погоде и новостях из дома и прочей говорильни. Заканчивали письма неизменными дежурными фразами: «Люблю! Целую! Жду ответа!».

И так продолжалось год, второй. Я бросил институт и служил в военно-морском флоте и здесь мне любые письма были бальзамом. Я переписывался одновременно с тремя и даже четырьмя девушками, а мои ответные письма были, чуть ли не через копирку. Но получать письма от них, как и из дома, было чертовски приятно. Кто это прошёл, испытал, тот согласится со мной.

Я о Любаше практически ничего нового не узнал. Она о себе ничего особенного из личного не рассказывали, но можно было понять, что она, как и три года

назад одна, одинока даже, но сказать об этом, скорее всего не позволяла гордость или ещё что-то, что мне не дано было понять.

Ей уже было двадцать и она, скорее всего уже окончила свою учёбу, получила диплом. Возможно, что она даже проходит практику или даже работает по специальности в той же больнице, где у нас происходило ночное тайной ритуально действо. Но я об этом ничего не знал, да и спрашивать было как-то неудобно. Если человек не желать открывать факты из своей личной жизни, значит и не стоит на том настаивать.

Иногда я задумывался над тем, а была ли любовь или мы её придумали! И стоит ли морочить девушке голову или откровенно поставить крест, не «крестик» на запястье, а крест на этих, тупиковых общениях по переписке. Возможно тогда, она, став свободной полностью от всяких гласных и негласных обязательств, устроит свою личную жизнь.

А у меня на службе становилось всё стабильнее и перспективнее во всех отношениях. Я мог себе позволить ходить в увольнения и встречаться с девушками, мог, при желании и устроить «самоход», ради двух-трёх часов, проведённых где-нибудь за территорией части, с поцелуями и обнимашками.

И однажды, после очередных раздумий, я решился на шаг, который по моему мнению, должен был разорвать нити связи, связывающие меня с Любашей. Но сделал я это, подсказанным мне товарищами, трусливым способом. Это было так. Один из моих друзей согласился написать Любе письмо, под мою диктовку.

Вкратце он объяснял, что я давно имею серьёзные отношения с другой девушкой и, даже заходит разговор о том, чтобы расписаться и для этого мне должны предоставить отпуск. Ну и всё в таком роде.

Трудно даже представить, как на это отреагирует Любаша. Думал ли я об этом? Да! Понимал ли я серьёзность и последствия такого поступка? Конечно, нет. Почему я не осмелился сам написать и расставить все точки над «и»? Я только одно понимал, что между нами существует какая-то невидимая связь и я её сам порвать не могу. Видимо и решился это сделать чужими руками. Было ли это подлостью с моей стороны? Скорее да, чем нет. Было бы честнее поговорить самому, пусть даже и в письмах. Это было бы тяжелее мне пережить, но легче, зато ей, чем вот таким способом, которым я воспользовался.

А зерно всё сыпалось на жернова судьбы. При этом менялось качество помола, сорт и пекарные свойства, количество отрубей и настроение после того, когда вкушаешь удовольствие, испробовав результат конечного продукта. Всё выше сказанное нужно было взять в скобки, но порой большая часть эпизодов жизни проходит именно внутри скобок, а не вне их. И эти эпизоды из жизни вычеркнуть нельзя, они были, они в какой-то степени могли повлиять на весь жизненный путь, изменив его направление, уклон дорожного полотна или вообще снести в кювет, из которого ты долго и мучительно выбираешься. Мы строим долговременные планы, а судьба нет-нет, да и поднесёт очередной сюрприз или череду оных, когда её полоса долго не меняет цвет.

«Эх, жизнь моя жестянка, ну её в болота!», если выражаться словами известного мультяшного героя. А когда, в какой момент ты погружаешься в это самое болото, можешь даже не заметить. Осознание приходит позже, когда появляется желание всё-таки выбраться из мерзкого месива, прикладывая невероятные усилия и не всегда это удаётся. Кто-то смиряется с этим, а кто-то так и барахтается всю оставшуюся жизнь в той самой грязи, и ему это даже нравится.

Заканчивался второй год службы. Жизнь на службе была кипучей: значимые взлёты и резкие падения, успехи и неудачи, благодарности от командования с отпуском домой и наказание, с разжалованием в звании, «губой» и доказательство самому себе, в первую очередь, что я вновь влечу, вновь всем докажу, что я в принципе другой и, имея жизненный стимул, горы могу свернуть одной лишь левой.

Одним из самых значимых для меня потрясений было то, что Наташка, девушка из Новочеркасска, на которую у меня были надежды, что она дождётся меня, оставался всего один год службы и я обрету с ней, душевный в первую очередь, покой. Мне казалось, что я её всё-таки любил и, несмотря на то, что любовь все эти годы была платоническая и никаких особых обязательств, тем более клятв мы не давали друг другу, но сказать, что мне было больно это осознать — ничего не сказать. И главным было то, что она

ни слухом, ни духом мне ничего не сказала, когда я приезжал к ней в отпуске. Только холод, с которым она меня встретила говорил об этом. И расставались, как чужие, вернее, она меня «выталкивала» из своей судьбы, как ненужный элемент. А через месяц пришло письмо от её подруги, которая, теперь уже в моём стиле, по отношению к Любаве, отписала, чтобы я забыл Наташку, она давно встречается с парнем и собираются пожениться. Вот он вам — жизненный бумеранг, возвратился к запустившему его ранее.

Если я и встречался с девушками в увольнении, то только лишь для того, чтобы снять стресс душевный, забыться, отвлечься от бурного кипения в душевном котле. Для этого мне нужен был «предохранительный» клапан, не допускающий «сноса башни». И это у меня получалось.

В итоге, к концу службы из пяти-шести девушек, которые вызывали у меня симпатии, как минимум и я поддерживал с ними связь по переписке, не осталось ни одной. Нужно было или начинать личную жизнь с чистого листа, или оставлять, вся, как есть.

И я выбрал для себя второй вариант, с формулировкой «бабы — зло», я их просто игнорировал, найдя отдушину душевную в другом, и эта «истина», которая, как известно «на дне бутылки», могла стубить мою молодую жизнь. Но, к счастью, случилось то, что и должно было когда-нибудь случиться — я из брызги, по отношению к женскому полу, превратился в горячо любящего молодого человека, влюбившись с первого взгляда. И только теперь я понял, чем

отличается влечение, влюбчивость, флирт и прочее, от настоящей любви, с тем прекрасным чувством, которое в разы сильнее и которым нужно дорожить. Оно даже не всем даётся, к сожалению, конечно. И тогда понимаешь, что до этого ты не жил — ты тлел.

Прошло лет восемь после службы. Зимним вечером, мы с женой и двумя детьми, ожидаем вечерний автобус, чтобы уехать на выходные к бабушке и дедушке моих детей, к моим теще и тестю, иначе говоря. Настоящая зима и разговор среди земляков о том, что если за Марьевкой, в сторону Камышовки дорогу не расчищают от снежных заносов, то придётся «куковать» в Марьевке. Для нас ничего смертельного не было, так как, хоть мы давно уже жили в райцентре, но в Марьевке у меня осталась родня, жила моя двоюродная сестра и родная сестра супруги. Только в этом случае, хлопоты бабушки, напекшей, в ожидании внуком пирогов, будут напрасны. А может быть, старички и не ждут нас в такую-то погоду.

Я, пританцовывая по рыхлому, постоянно увеличивающий снежный покров из-за того, что небо прорвало, а мороз с ветром, «подсушив» радость детскую, уносил его туда, где ему было угодно разместить, так называемые перемёты, т.е. сугробы. Отбросив воротник и повернувшись за ветром, делал неспешно затяжку за затяжкой, чтобы надышаться никотином на час

езды в автобусе. Автобус уехал на заправку и смену водителя. Люди, кто прятался от непогоды в вокзале, а кто-то ожидал, так же, как и я, последний вечерний рейс домой в село или в гости.

Меня кто-то похлопал по плечу:

— Саня, ты? — передо мной стоял мой земляк и тёзка, с натурально радостной улыбкой на лице.

— Привет, Саня! Сколько лет, сколько зим?! Что-то я о тебе давно ничего не слышал.

— Так я после службы женился и жить уехал в примы, как говорится, живу в Политотдельском. Да, больше десяти лет не виделись. Когда я на службу уходил, ты учился, не провожал меня, а когда я женился, то ты опять-таки не дома был, долг Родине отдавал. Вот так и молодость пролетела.

— Ты прав, зёма. Так и есть. Ты мамку проведать? Как там тётя Таня поживает?

— Да потихоньку, на пенсии. Я летом её часто навещаю, машиной с семьёй напрямик на Марьевку ездим. А сейчас, сам понимаешь, не проехать, дороги не успевают чистить на трассе, а просёлочные тем более. А это твоё потомство? — Саня указал в сторону киоска, за которым моя жена, пригорнув детей к себе, чтоб не продуло, с интересом смотрела на нас.

Саня тоже достал сигарету, а я уже не из-за того, что хотелось курить, а за компанию закурил с ним заодно.

— Пойдём, отойдём в сторонку, чтоб людей дымом не травить, — предложил мне товарищ, который учился в школе на класс младше и, конечно, в детстве мы дружили и жили рядом на одной улице.

— А у тебя, как дела, Саша? — спросил я у собеседника, когда отошли в сторонку.

— Да по-разному, Саня. Семейная жизнь, сам знаешь, всё бывает. Да ты же помнишь, какой я был ещё до армии, сколько мать слёз пролила, из-за моих выходов и походов. Один же был у мамки и воспитывался без батинного ремня. Баловала меня маманя, чего греха таить. А твоя жена кто? Что-то лицо знакомое.

— Да, ты её мог запомнить, она моложе намного, но ты же позже учился, чем я. У неё ещё две сестры старшие, а самая старшая — копия меньшей, т.е. моей жены. Камышовские они.

— А! Вспомнил, точно. А с сестрой её я учился.

— Верно, с сестрой средней ты мог учиться. Красивые у твоей тёщи девчата. Да и я не жалею, лишь бы на меня меньше обижались. Вот, как повзрослел, ума что ли набрался, хозяином стал, большое хозяйство держу, в колхозе работаю, в почёте у начальства. Будешь у нас, заезжай. Спросишь, любовью скажет.

— Лады! Если будет случай, то зайду. Будет возможность молодость вспомнить, только это нужно с ночёвкой.

— Приезжай с ночёвкой и всей семьёй. Я большой дом построил, чтобы не обзывали «примаком». Да, пока не забыл. Скажи, а ты Любаву видел?

— Ты кого имел ввиду, эту из Петровки? Нет, я с ней от нечего делать переписывался, пока служил. А когда пришёл на побывку, приехал, посмотрел, послушал — нет, не моё, не моя, вернее.

— Да я за эту и не знал. Ты, что забыл? Ай-я-яй! Любу из Политотделька, неужели забыл?

— Сразу бы так и сказал. Да не знаю, как тебе и сказать, как-то потерялись мы в жизни. Конечно, по моей вине больше. Девушка не должна набиваться, если у неё гордость имеется, не высокомерие, а гордость. А ты откуда о нас знаешь? Я тебе, если не ошибаюсь, не рассказывал. А, это сестра могла растрепать, она же твоей одноклассницей была.

— Какая разница, Саня. Я даже не знаю, стоит ли тебе говорить, но... — тёзка запнулся на полуслове.

— Сказал «А», говори и «Б», — понимая о ком, но не понимая о чём речь, с волнением, бросив взгляд на супругу с детьми, добавил, — ну не тяни же.

— Да не переживай ты так. Все живы и здоровы, слава Богу. Только Любава, походу тебя до сих пор ждёт. За-муж так и не вышла. Она кума моя, крестила дочку старшую. Вот такие-то дела, тёзка. Надеюсь, что эта новость никак не повлияет на всё дальнейшее? Я и так думал долго, говорить тебе это или нет. А ты, что не знал?

— Да я её всего сутки знал, ну переписывались правда долго. Но такого и представить не мог. Даже не верю, разве в наше время такое бывает?

— Видно, бывает! О, автобус. Бывай здоров, Саня! Извини, если что не так!

— Саня, о чём ты? Какие извинения. Это мне перед Любавой, не извинения — прощение просить, не вы-просить, если это правда.

— Ты мне не веришь? Зуб даю, даже коронку золотую не пожалею.

— Верю, Саша, верю! Дело не в тебе, во мне. Космонавты, загружаемся! — скомандовал я своим домо-
чадцам, подбежал, взял сумку и сына за руки.

4. Эпилог

С того дня, когда происходили события, которые почему-то именно сейчас всплыли в жизненном омуте моей памяти, прошло полвека. Ну всплыли бы и забылись. Но нет, не так всё просто. Весь вечер я обдумывал и анализировал один из наиболее важных аспектов, возможно ставший какой-то меткой в жизни, светлой или наоборот, чёрной, но по-моему мнению, в этом что-то судьбоносное было, если не для меня, то для того человека, с которым меня однажды связала судьба.

Полвека — это только в цифровом исчислении — 50 лет, а по большому счёту, если к этому прибавить возраст 18 лет, которые уже были прожиты до этого случая, то получается, что это целая жизнь. И как говорится, «пора собирать камни».

Много чего изменилось в мире, не только строй в нашей стране, но и в судьбах большинства людей. Многих уже нет с нами, среди них и дорогие нам, любимые, родные и просто знакомые, друзья. Наши дети давно выросли, да и внуки тоже, хоть и не все и не у всех. Кто-то стал прадедом.

Не судьба было моему меньшему брату стать отцом, а моему товарищу Сане, которого, после встречи

на автовокзале и сообщения мне им шокирующего известия, стать дедушкой, и я больше его, к сожалению, не видел. Не видел я со дня окончания школы даже своих одноклассников и многих уже, к сожалению, не увижу. Ни разу я, живя в одном регионе, сельском районе, где в каждом селе есть знакомые, а где-то и родственники, не встретил эту замечательную и неповторимую девушку, Любаву.

Возможно, что в её судьбе произошёл коренной поворот и она наконец поняла, что эта «клятва на крови» была лишь игрой и она сейчас нашла своё счастье. И, может быть, она живёт где-то рядом, просто мы об этом не догадываемся. Может и была когда-то мимолётная встреча с ней, и она могла меня узнав, не подать вида. Могло-могло, да что угодно могло за жизнь произойти, измениться. Одно невозможно сделать — вернуть то время назад, чтобы, если не изменить свою судьбу, но сделать так, чтобы отпустить от себя человека с лёгким сердцем, сняв с друг друга ритуальные клятвенные заклинания.

Господь призывает нас к всепрощению. Мы должны прощать всех, включая врагов своих. А друзей свои, близких и дорогих сердцу, тем более. И хорошо, когда есть такая возможность, чтобы раньше или позже сделать это, снять с души оковы, которые мучили и приносили порою нестерпимую боль обиды, предательства или другого греха, которые мы и за грехи не считаем.

О, Боже, прости нас грешных за грехи и прегрешения! Любава, прости меня, если я принёс тебе боль

и страдания! Мне оправдания нет, хоть в своих поступках, я и в мыслях ни в действиях не желал тебе зла. Как минимум, я так думаю, а может быть, даже этим сейчас грешу.

Понятно, что безгрешных людей нет. А вот признать свои грехи, покаяться и попросить прощение — это важно и нужно, и очень хорошо, если сделано вовремя, от души и сердца. Надеюсь, что и моя исповедь, хоть и не идеально, но максимально честна и откровенна.

Будьте счастливы, люди! Ищите свою любовь, боритесь за любовь, не отпускайте любимых, если это ваша судьба! Живите в любви и согласии! И пусть любовь торжествует в мире, ведь она творит чудеса! Да здравствует любовь!

Декабрь 2023 г.

СТИХИ

Ты мне больше не брат?!

Настанет день, обнимутся все братья:
Русский, украинец, третий — белорус.
Таковыми будут крепкими объятя,
Сплотиться воедино должна Русь.

Хотелось встретить мне родных, знакомых,
Собрав, чтоб их за круглым и большим столом,
И всех чтоб увидеть здоровых, весёлых,
В мире и в дружбе народов, за крымским вином.

Одесситу хотел пожать руку, Степану,
А Петра б расспросил, как сейчас на Днепре
И как обращаться к дружбану, как к пану?
К нам Серёга из Витебска примчится в купе...

Мы вспомним: учебку, Герой-Севастополь,
Его бухты и «шхеры», и Малахов Курган,
Камбуз, как чистили ротой картофель,
Военный парад — памятный ритуал.

Как мы дружно служили на Балтике, в Риге:
Грузин, молдаванин и с литовцем эстонец,
Экипаж, кроме русских был многоликий...
На подлодке, «ЭСке» — «Псковский комсомолец».

Хоть всем уже «за», ничего не забыли,
Как мирно мы жили, поверить нельзя...
Вы, подонки, зачем нашу дружбу сгубили,
Неужели забыли, разве можно, друзья?

Гражданские войны уже проходили,
Зачинщику нужно «предъяву кидать».
На долларах янки с ума посходили,
В кулак сожмём пальцы, отпор, чтоб им дать.

13.02.24 г.

Раскрыться нельзя мне замкнуться

Раскрыться пред вами или замкнуться?
Моя была настежь всё время душа.
От помыслов «чёрных» не увернуться,
Она — добродетель наивно-смешна.

Не быть никогда вам моим адвокатом,
Судьёю не будете вы для меня.
Рассвет позитива не станет закатом,
Под вашим давлением, мне дух теребя.

Раскрыться хочу, но не пред врагами,
Кто войны несёт — ни за что, никогда.
Должны удавиться они злобой сами,
Наш дух их сильнее, бит враг будет всегда.

Раскроюсь для всех я, но в творческом плане,
Готов поделиться, чем болеет душа.
Все чувства и мысли дарю неустанно,
Размеренным шагом, всё вперёд, неспеша.

13.02.24 г.

Зачем?

Дерьмовых не стану писать я стихов,
А других никогда не писал и не буду.
Хватит, набрался сверж крыши грехов
И всё виршеплётство, что кошмар позабуду.

Пусть гении пишут без «зазубрин» стихи,
Что напомним всем море, без шторма — так гладко.
Шлифовать их не нужно, излишни штрихи,
Наслаждайся ими, душевно, не гадко.

Двадцать лет, что бумаги марал — это срок,
Столько лет, что из жизни мне выкинуть?
Видно, это судьба, а не с умыслом рок —
Мой маразм, этот грех мне не вымолить.

Всяких вирш, и хвалебных, и слёзных в достатке,
И как память мою, их уже не порвать.
А на дне души горечь осталась в осадке —
Что и кто меня заставили их писать?

ВладиМиру

Внук! Ты должен, ты станешь великим,
ВладиМиром назвали тебя же не зря.
Ты был избран не мной — Многоликим,
Пусть Господь бережёт, внук, тебя!

В жизни твоей будет много соблазнов,
Испытаний, что нужно пройти,
Не упав в грязь излишеств, маразмов —
Сложные этапы предстоят в пути.

И я буду тобою гордиться,
Ты — целебный бальзам для души.

Я и жил, чтобы ты мог родиться,
И достичь, мной не взятых, вершин.

Тайна жизни

В потаённых души уголочках
Заветное желание храню.
В стихотворных пытаюсь строчках
Изложить то, о чём Бога молю.

Не хранить же секреты все вечно
И с собой забирать ни к чему.
Жизнь — лишь миг один, если честно,
Зачем тайны хранить одному?!

То, для всех будет жизненный опыт,
Мои взгляды на жизнь и любовь,
Где не смог протоптать даже тропы,
А, пробив магистраль — руки в кровь.

Поделюсь с вами всем и в достатке,
Под замком только в сердце табу.
Уплотнился в бетон ил в осадке
Я разрушить его не смогу.

Он мне свят и останется тайной,
Её знает один лишь Господь.
Страшно-прекрасна необычайно,
Вызывает и радость, и скорбь.

«Нянь»

Затронул мне душу игривый котёнок,
В глаза любознательно смотрит ребёнок,
Души моей мир пытаюсь познать,
Тот весь, что вокруг, заодно поиграть.

Ведь скучно котёнку и скучно ребёнку,
Стянул с вазой на пол котёнок скатёрку.
У меня до сего ни минутки свободной —
Игривость заложена в детях природой.

Тарарам, что устроен детишками в доме,
Был ими сделан к познанию в погоне.
Какой же огромен, что мир, целый дом —
«Мамай, что прошёлся» с ордою кругом.

Что же мне делать, как жене объяснить,
Что они так играли? «На дуру скосить»?!
Готовлюсь я встретить хозяйку свою
И отставку из «нянь», с разборкой, мою...

21.02.24 г.

Защитникам Отечества!

Вот и настал тот день в году,
Когда мужчинам весь почёт...
Был раньше, были на виду —
Сейчас бывает недочёт.

И праздник празднуют те дамы,
Кто платьям предпочёл мундир,
Не по призыву, сделали сами
Выбор — без красоты и мир — не мир.

Мы всех защитников поздравим,
Кто отдал долг свой и других;
За тех молиться, флаг, кто славит,
За Родину воюет, за родных.

Старшины, в рангах офицеры
И добровольцы наших дней,
Вы мужества для нас примером —
Защитники Родины, женщин, детей.

Всех поздравляем с днём сим важным,
Мирного неба желаем вам,
Живыми вернуться отважным
Бойцам с Победой, без ран!

Наши внуки, под мирным небом,
В жизни должны познать добро,
Войн не зная, поля, чтоб с хлебом,
Только в сказках, без крови зло.

Будьте здоровы, счастливы,
Будьте любимы, любите,
В защите страны участливы,
Мир на нашей земле храните!

23.02.24 г.

Не срослось

Не срослось, не сбылось, а хотелось,
«Замутить» эпизоды романа с тобой
И, казалось, желанье имелось —
Потерял все те чувства, причём с головой.

А любили ли мы или только казалось,
Просто молоды были, хотелось любви,
Но тепло от встреч в душе всё же осталось,
С адреналина позывом в нашей крови.

Как тебе, я не знаю, а мне так приятно
Вспомнить молодость, трепет свиданий.
Мы по-детски наивны и всё безвозвратно
Не вернуть остроту чувств, страданий.

24.02.24 г.

Один лишь день

Утро наше должно быть не хмурым,
Не «погодным» выраженье лица,
Что не всем и дано, только мудрым,
Но заложено всем по задумке Творца.

Да и день должен быть счастливым,
Люди все рождены не для мук — для того,
Чтобы быть, кроме Бога, любимым,
Тем, кто бы любил, но тебя одного.

Ну, а вечер для вас — упоенье,
За столом собралась бы семья
И эмоций прилив, без сомненья,
Вам очень уютно вдвоём у огня.

Ночь кому-то подарит покой
Или в страстных объятьях будет,
Чувств прибой вас накроет волной,
Позитивом рассвет вновь разбудит.

До того так хотелось дожить

Интересно, какой будет жизнь,
Ну примерно так, лет через двадцать?
Не желает «бурить» глубже мысль,
Когда сердце не хочет влюбляться.

Ведь так сильно изменится мир.
И те люди, жить коим судьба,
Кто для мира приложит немерено сил —
Путеводная светит им в небе звезда.

Чтоб поля без сражений — в ромашках,
Актуальные песни все о любви,
Чтоб чувства читались не по бумажке,
Радоваться жизни просто могли.

Правнуки б строили сказочный город,
Привлекая к тому нейросеть.

Буду стар я уже, душой молод
И готов в мир иной улететь.

До того так хотелось дожить,
Когда счастливы будут все люди,
Чтоб земные дела в сейф сложить,
С чистым сердцем уйти, ждут там Судьи...

25.02.24 г.

Примите мои поздравления

Мы снова перед вами стан сгибаем,
От уважения и с любовью
Безответной, от взгляда погибаем,
Страдая, обливаем сердце кровью.

Сдержать не в силах эмоций поток,
А с приливом их рождаются стихи.
Ты «пригуби» их, один лишь глоток —
Они от души, в них чувства — не грехи.

Примите же в дар мои поздравления
И пусть я заочно с вами знаком,
Получите, хоть миг наслаждения,
Представя — для вас, тет-а-тет и тайком...

08.03.24 г.

Диалог с читателем

— Может, хватит писать стихи.

Ты уже обещал: — Не буду!

— Не пишу, души стоны тихи,

Так остыла, требует шубу.

— Да ты давал табу, нам слово,

Будь мужиком, сдержи его!

То будет для тебя не ново,

Пообещал ведь так давно.

Хватит, стихоплёт, уймись!

Стал разборчивее читатель.

Ты, грешник, Богу помолишь,

Благословил, чтобы Создатель.

— Ты прав, конечно же, читатель,

И в твоих силах добро дать:

Пока не видел их издатель —

В отстой стихи или издать?!

— Раз «накосячил» — срочно правь,

Не отбирай хлеб у поэтов,

Богат иль скуден дара ларь...

Прислушайся, поэт, к советам.

08.03.24 г.

Проклинаю вас, террористы!

Вновь теракт и погибли люди.
Кровожаден вампир-терроризм!
Словно нити, порвались судьбы,
Преступленья столь низок цинизм.

Их найдут и за всё те заплатят,
Кто задумал ужасный теракт.
Ну, а мы, все сплотимся, братья,
Ощутит враг наш сжатый кулак.

Не удастся им нас запугать,
Всеим известен наш Русский Дух.
Мы сплотимся в могучую рать
И врагов разобьём всех в пух.

23.03.23 г.

Мир без поэзии?!

Вот, если бы я не писал стихи
И не начал писать романы?
Как они, хороши иль плохи,
Или пишутся для забавы.

Но об этом судить не мне,
Тут оценку мне даст читатель.
Лучом солнца иду во тьме,
Даровал, что, любя, Создатель.

И я этим, конечно, горжусь,
Среди сотен или же тысяч
Толики признания добыюсь,
Прогоняя тщеславия мысли.

Если я брошу писать стихи,
Для меня мир станет безликим
На события стану глухим,
Мир без поэзии будет диким.

Без поэзии жизнь так скучна,
Раз прекрасное не вдохновляет,
Не достигнута чувств глубина,
Нас поэзия окрыляет.

P.S.: За месяц мной написано всего четыре стихотворения — это антирекорд. Что происходит? Не знаю. И из этих стихов, одно посвящено теракту в «Крокус Сити Холле», потому что не написать об этом я просто не мог, не имел гражданского права. Второе посвящено женскому дню и это скорее всего экспромт. А два остальных, это и то, что я представляю на суд читателей сейчас и то, что я написал 8 марта — «Диалог с читателем», оба являются раздумьями на тему «писать или не писать стихи». И пока этот вопрос им и остаётся. Я прошу простить моих читателей за то, что я закрою комментарии к этим раздумьям. Считаю, что здесь жалость и советы излишни. Решение принять должен один я. Спасибо за то, что несмотря ни на что, вы мои друзья, со мной! Вы лучшие! Низкий вам поклон.

Стёжки-дорожки

Не сойдутся уже дорожки,
Если так вот расстались мы.
Наших судеб по ветру стёжки
Параллельны, что струны прямы.

Не завяжутся больше в узы,
Не сплести в косы наших встреч,
Ну а душу так давят грузы —
Равнодушья Долматов меч.

Нужно с этим смириться просто,
С сердца камень падёт и жить,
И не нужно колких вопросов,
Головой стены не пробить.

Нужно жить, радуясь жизни,
Добродушнее к людям быть,
В душе веру нести до тризны,
То, что ты — человек, не забудь.

Не сойдутся стёжки-дорожки,
Через тернии, что пролегли:
Как роман, от обложки к обложке,
Чтоб прожить с честью мы смогли.

04.04.24 г.

Счастье рядом

Расходятся бортами в море корабли
И птицы пролетают разным курсом,
Коль видели б мы цели, то б смогли
Союз создать без томного искуса.

Все мы в житейской суматохе
Снуём, не замечая в спешке никого.
Столкнувшись, замерев на вдохе —
«Как мог не замечать я счастья своего?»

Она ж, любовь, с которой рядом жил,
Здоровался, лишь вежливости ради.
В глаза-криницы глянул: — Боже! — полюбил!
С улыбкою разверзлись неба хляби.

«Морской узел»

Истории любви неповторимы,
Узорным кружевом переплелись,
Влюблённых чувствами они гонимы,
В древе семьи ветвями заплелись.

Истории любви — они прекрасны.
Венчаются не все, живя в союзе,
Но над своей судьбой мы властны.
Союз наш в браке держит «морской узел».

01.05.24 г.

Весенний рассвет

Всем хочется тепла весеннего,
И божьей твари, и траве.
Берёза, с чудною косою,
Росой умылась на заре.

В прохладу ночи трели льёт
Любви свидетель — соловей,
Раскрыть, чтоб чувства, нас зовёт
Любовной арией своей.

Душевное скопив тепло,
Весне поможем мир согреть,
Невгодам всем и холодам назло,
Чтоб мирный был всегда рассвет.

Жизнь

Расторопней, брат, будь, поспешай
В гонке той, что зовётся жизнь.
И все прелести в ней испытай,
Где шторма в ней бывают, и бриз.

Чтобы в ней преуспеть — меньше спи
И дерзай, если мысли светлые.
Обидел тебя, но без зла кто — прости,
Жни с почётом все лавры ответные.

Одарить жизнь сумеет сполна
За труды, благородство поступков,
И пусть к счастью любви чувств волна
Унесёт супротив предрассудков.

14.05.24 г.

Пришло время...

По-лебяжьи ко мне ты прижалась —
Душа в пятках моя оказалась.
Сердце замерло, я чуть живой,
Не владею своей головой.

Стало чётким биение сердца,
Потайная открылась дверца,
Сердца обнялись, в унисон
Мелодия любви звучит — не сон.

Взгляд от взгляда стыдливо пряча,
Поцелуи, до смеха, плача.
Через слёзы нечёткие лица,
Пришло время и нам влюбиться.

16.05.24 г.

Заключение контракта

Нет больше сил бороться с беспределом,
Нужно поспешать, уже выходит срок.
На этот поступок решился я смело —
Через дебри невежеств. Меня ждёт Пророк.

Рискую разбиться в высоком полёте,
Хочу побыть один лишь миг Икаром.
Смогу с восторгом, на высокой ноте,
Прожить со смыслом жизнь свою, не даром.

И сложатся тогда все в жизни пазлы
И, что пугало, подарит радости восторг,
И светом мрак рассеяв непролазный,
Контракт мой с Богом — бесовский расторг...

21.05.24 г.

Теплом души поделимся с весной

Конец весны, холодный май,
В поре цветенья отчий край,
Погода мая нас с ума свела,
Нам хочется комфортного тепла.

С теплом души рождается любовь,
Согреет тело, в коем стынет кровь.
Весна морозит, видно, неспроста,
Без поцелуев иссушив уста.

Предупреждает Бог нас о грехах,
Тепло хочу дарить я вам в стихах.
Попросим дружно мы: «Тепло приди!» —
Ответит Бог нам: «Лето впереди!»

Телом души поделимся с весной,
Чтоб трели соловья порой ночной
Могли в обнимку слушать до зари...
Тепла ж не ждите, люди, без любви.

Разберёмся в жизни, брат!

Разберёмся! Ты, брат, поостынь.
Пусть уляжется в ил обида
И не будет горчить полынь,
И кусать перестанет гнида.

Здесь горячность, брат, не нужна,
Не нужна суета и спешка.
Голь на выдумки, брат, вольна,
На болоте одна, в топи вешка.

Всё решить можно без суеты,
А эмоции — делу помеха.
Все сужденья людской клеветы
Станут поводом лишь для смеха.

Горечь вся растворится в усладе,
Пылко-страстном твоём поцелуе,

Потекут дни в другом все укладе —
Бог нам, грешникам, дни те дарует.

25.05.24 г.

Симптомы «хворобы»

Я снова стесняюсь, хоть уже старик,
Мужик в годах, да и жизнью «битый».
Одевай хоть на плешь мне парик,
Не вернуться в тот год подзабытый.

Я помню, краснея, иду к тебе, чтобы
Чувства излить, но с чего же начать?
И кто их придумал, симптомы «хворобы»,
Любовью привыкли её величать.

А, если прожили лет сорок и боле,
Как можно «прости и прощай!» сказать?
Как птица вольная, не в клетке — на воле,
В краю заморском о родине будет скучать.

И твоё сердце будет рваться на куски,
Когда твоя, в слезах тоскует половинка.
Ты зажимаешь разум свой в тиски,
А с нею брошенная тобой кровинка.

Хоть нет уже страсти, редки поцелуи,
Но дом — наша крепость, а верность — гранит.

Мы вместе взгрустнули, летят годы-пули,
А сердце, как прежде ту боль всё хранит.

29.05.24 г.

Финал

Расставанья горьки,
Но без них не бывает встреч,
Поцелуев не будет таких,
О любви же, конечно, речь.

Для меня день разлуки —
На душе томления груз:
Если сутки — ночью муки,
Дум замес на основе муз.

А, когда неделю вдали,
Опускаются просто руки,
Меня мысли туда всё вели,
Где очаг и субъект разлуки.

Но придёт иная разлука,
Мы, зная о ней, не хотим...
Я с тобой, но в образе внука
И в стихах тобою храним.

Придёт время нашей встречи,
Не под марш — под небесный хорал.

Впереди у нас вечность,
Царство на Небе — встреч всех финал.

29.05.24 г.

Нет проблем!

Скрупулёзно обдумав проблему,
Я скажу, что такой просто нет.
Позитив, негативу на смену,
Подключу — вот таков мой ответ.

И отвечу ещё: «Не дождётесь!
Я, по совести, жить желаю.
Если вы под кем-то прогнетесь,
Ради благ, лишь своих, полагаю...»

Ну, а мне всего выше мораль,
Честность и откровенность мнения.
Лицемерен ты, если и враль —
Души мир мой закрыт для общения.

Пока живы — решим все проблемы,
Чтоб холодной была голова.
А врагам остаются дилеммы
И лишь матом обиды слова.

31.05. 24 г.

Перезвон

— Привет, дружок! Не пишешь и не звонишь.

Неужто больше тебе я не подруга?!

— Ты сердца бой только мой услышь

И всё поймёшь без слов, моя голуба.

В коротком сообщении слышна обида.

Терпеть я ненавижу телефоны.

Тебе отвечу так, не для проформы вида —

Меня лишь раздражают перезвоны.

Другое ж дело, когда встречи при луне,

Когда, от поцелуев пьяный, на заре

Я был счастливей всех вокруг втройне,

В той, романтической юности поре.

— Мне говорят: «Старушка, как ты там живёшь?

Погода, как и по хозяйству, как дела?

А ноги, как? На лето внуков своих ждёшь?» —

А я совсем расклеилась, друг мой, слегла...

— Какие наши годы! Подруга, не грусти!

К вербе приди сегодня, к той, что у пруда.

Такой момент грешно нам упустить...

Нас заждалась одна, Полярная звезда.

07.06.24 г.

Не верю я...

Не верю я, что встречи случайны,
Нам жизни маршруты составил сам Бог.
Никогда не открыть нам тайны,
И кто нам встретиться вместе помог.

Как говорят — «обычный случай»
В перипетии множества событий
И сколько разум ты не мучай,
Не взломать всех тайн сокрытий.

В той хаотичности движений,
Что в совокупности зовётся жизнь,
Есть сотни тысяч сопряжений,
За нить своей судьбы держись.

На ней есть узелочки дружбы,
Надрывы испытания судьбы —
Попытка тех, которые нам чужды,
Стремленья к счастью и следы борьбы.

Кого мы встретили — те неслучайны,
Все в нашей жизни оставляют след.
У Бога в канцелярии все тайны
Хранит Господь наш брак от всяких бед.

09.06.24 г.

Радуйся!

Радуйся утру, солнцу и небу,
Дню улыбнись и тому, что ты жив;
Что мире живёшь, с хвалой хлебу,
И в радости к внукам, они — позитив.

Чтоб были все живы, здоровы родные,
За здоровье их, с утра помолись.
Питомцы домашние, озорные,
Добротою души с ними щедро делись.

Радуйся жизни, её ты люби,
Она же ответит взаимно, с лихвою.
Прожить хоть ты можешь и без любви,
Но жизнь будешь жалкой, родной.

Радуйся утру, счастьем любить,
Когда ты любишь, ты в эйфории.
Мы с верою, в радости будем все жить,
Желая рассвета и мира России.

12.06.24 г.

Звёзды сердце не согреют

Когда открываются звёзды,
Миганием шлют мне привет —
Скорее всего, это грёзы,
Я ж хочу получить ответ.

А ты стала и звезд неких выше,
Но холоден яркий твой свет.
Я кричу — ты меня не слышишь
И меня для тебя как бы нет.

Что звезда ты — это бесспорно
И родившись под знаком рыб,
Для тебя не стало зазорным —
Покоренье бездушных глыб.

Ну, а я к тебе остываю,
Холод космоса через тебя...
Я и в мыслях реже летаю
Там, где места нет для меня.

Открываются снова звёзды,
Я люблюсь их красотой,
Но не лью по тебе я слёзы
И ответ есть на то простой.

Не звезду полюбил я — земную,
И она всем, как есть, красива.
Бог в награду мне дал святую —
Не звезда — без ума любима.

14.06.24 г.

Выяснение отношений

— Несерьёзно всё это, ты знай,
Я не стану твоей никогда.
И уста ты мои не лобзай,
Не залечит мне ран слов вода.

Ты с любовью дружок не играй,
Не рань обманом моё сердце.
Счастье в любви, без любви — не рай,
В душе горечь от слов, что от перца.

— Стал теперь я намного мудрей,
Твоё имя звучит с утра гимном.
Я прошу, возвращайся скорей,
Спор решим в обстановке интимной.

Я безумно тебя лишь люблю!
Прости меня за несерьёзность
Поругай и ударь — всё стерплю,
Дай исправиться возможность.

Общаться стану лишь стихами:
«Позвольте мне ручки целовать?!
Я без ума! Я восхищаюсь вами!
Так вас люблю, что жизнь готов отдать!..»

— Вот дал же Бог мне наказание.
К тебе привыкла, без тебя тоска...

И я люблю... в стихах признание...
Согрей! Пусти под полу пиджака.

Всё в наших силах и в Божьей власти

Растрогался я, вновь нахлынули чувства,
Клокочет эмоций душевный родник.
Забил ключ игриво, но и без распутства,
Он чище слезы, мой к любви проводник.

— Испей! — Я прошу, и о том не жалею.
Должна ты понять, что жизнь тем прекрасна,
Что в ней есть любовь... пей скорей!
Ведь годы проходят так быстро напрасно.

Растрогался вновь, наливай мне вина!
Мы пьём за неё, чтоб царила любовь!
И выпьем за то, чтоб в сердцах всех она
Вызывала смешенья кровей в детях зов.

И выпьем за то, чтоб любовь спасла мир,
Красотою счастливых любимых, влюблённых.
В любовных романах, стихах, сюжетах картин,
Прекрасных героев, от любви окрылённых.

Влюблённым будь в жизнь и в тех, с кем судьба
Пройти вместе путь в любви вам и в счастье!
И души полёт, и слёзы радости в глазах —
Всё в наших силах и в Божьей власти.

Тепло улыбки

С холодом чувств опускается ночь
На мой раскалённый разум.
Ты лишь одна могла б мне помочь,
Улыбкой прогнав печаль сразу.

Мне в летнюю ночь зябко очень:
На разум нахлынула шторма волна,
Сердце сжимает печали осень
И перемен череда не видна.

А я жду поры, наступил чтоб рассвет,
Лучиком солнца прогнал души холод,
А ты, улыбаясь, сказала: «Привет!» —
Я сразу забуду, размолвки в чём повод.

04.07.24 г.

Что со мной...

Что со мной происходит?
Стал я древним, сухарь.
Время жизни стремглав проходит,
Лет прожитых оставив гарь.

Спохватился. Что я оставлю?
След так мелок, виден едва.
Может, точки над «и» расставлю,
Весь прогнав жизни текст сперва.

Написав стихов одну строчку,
«Дай нам мира!» — прошу я Бога
И тогда, я поставлю точку...
На Суде за всё спросят строго.

18.07.24 г.

Жизненный маршрут

Ты ушла, без намёка остаться,
Ну а я не понял, тупица, тогда.
Мне бы в счастье любви купаться,
Я ж транжирил нещадно молодые года.

Что экспресс, юность быстро промчалась,
В дымке бесплодности лет растаял вокзал.
О поре той печаль осталась,
Ведь я юность в лету навек провожал.

Был билет мною взят, без возврата,
Обратных маршрутов не знаю я в жизни.
Судьба подконтрольна, но и превратна,
И так интересна, от рожденья до тризны.

19.07.24 г.

«Жди меня» в Матвеевом Кургане

Рассказ

Пожалуй, нет такого человека, который мог бы спокойно смотреть передачу «Жди меня». Истории, рассказанные по ту сторону экрана, невольно, если и не выдавливают слезу сочувствия, то по крайней мере не оставляют нас равнодушными к ним. Конечно, как можно сравнить возможности центрального телевидения с его «густой паутиной» связи, с возможностями и средствами далекой глубинки, такой как наш, любимый нами поселок. Я тоже так думал, но события, которые непосредственно коснулись меня лично, перевернули все мои представления об этом.

Предыстория

21 ноября. понедельник, утро, телефонный звонок:

«Саня! Ваш Саша (сын) прислал через Машу (дочь) СМС-ку и просил перезвонить на «сотик» по номеру...», — сообщила кума Вера.

Звоню:»???».

«Па! Я на вахте. Ухитрился дать сообщение. Мне нужны кое-какие вещи: Вышлите!»

«Я постараюсь приехать к тебе на этот выходной или на следующий» — ответил сыну.

Начались подготовительные хлопоты. Вскоро, жене звонит с работы — Центра социального обслуживания (ЦСО) заведующая отделением Куценко Т. И.: «Ольга Егоровна, где служит твой сын? Мы хотим пригласить тебя на праздник посвященный дню Матери в пансионат „Надежда“. Дату и время сообщим позже».

24-е ноября, четверг, ж/д касса — «Билетов на Кисловодск на завтра нет!»

Жена: «Уток запекать?»

«Минутку!» — ищу в записной книжке номер телефона дежурного по части. Объясняю цель звонка.

«Вам приезжать сейчас не стоит. „Напряженку“ может быть снимут с 1 декабря, тогда...».

«Мать! Отбой — ложная тревога».

Неделя протекает в нетерпимом бездействии и «чемоданном настроении».

А в это время...

Но я еще и духом не ведал главного, того что в это время происходило в кабинете заместителя Главы Администрации района, комитете по делам молодежи. Там дали ход «машине», «шестерни» которой надолго

оставят отпечаток в виде глубоких эмоциональных переживаний.

Александр до службы принимал активное участие в работе агитационной бригады молодежного комитета под девизом «Нет, наркотикам!». Это (как я думаю) и явилось «стартером» запущенной «машины». «Комитетчики» собирали нужную информацию для проведения предстоящего праздника. намереваясь сделать огромный «сюрприз» родителям, т. е. нам с женой, пытаюсь связаться с войсковой частью, где служит наш сын без нашего ведома. Но вышла «осечка».

Тогда Демичева Ольга Николаевна вышла со мной «на прямой контакт», разыскав меня, в известных ей, посещаемых мной «шхерах» М-Кургана:

«Александр Иванович! Хотим сделать маме приятный «сюрприз», связаться с командованием в/части (толи с самим Сашей) и записать речь для озвучивания на празднике, посвященному дню Матери. Нам нужен номер телефона.

«Нет проблем! Лишь бы не получилось „накладки“, так как и я должен быть в это время в Кисловодске» — ответил ей, оживившись. Этот разговор состоялся в 11 часов 05 минут, в четверг, 1 декабря.

Время вперед

Кисловодск, горы, сосны, территория войсковой части, солдатская столовая, аврал — чистка картофеля.

«Рядовой Иванченко!»

«Я!»

«В отпуск хочешь поехать?», — улыбаясь, интересуется командир взвода, лейтенант Пастарев.

«Так, точно! товарищ лейтенант!»

«Собирайся, капитан Красинский тебе уже документы отпускные готовит».

Несколько раньше в кабинете командира части, полковника Цветкова Г. Е. телефонный звонок — «на проводе» М-Курган. Звонил зам. Главы районной Администрации Казьминов И. В.. Суть разговора понятна — конкретика опущена.

(Я на мин представил, как боевой командир, прошедший нелегкий ратный путь «от А до Я», разглаживает пальцами левой руки красивые, но уже седеющие усы. Почувствовал, как отец, пожалуй, то же, что и командир. Ведь под его офицерским мундиром бьется такое же отцовское сердце, с той лишь разницей, что оно заполнено вниманием, заботой и ответственностью не за одного сына, а за многоликий «сыновний» солдатский состав.)

М-Курган. Я, дома, как временно неработающий, после встречи с Ольгой Николаевной, обдумывал ситуацию у домашнего очага. Утром в пятницу нужно было любыми судьбами достать билет на поезд или Оттягивать поездку больше нет смысла, т. к. в понедельник у сына день рождения и ложка, как известно, дорога к обеду.

Звонок прервал мои мысли: «Александр Иванович? ... Я только что разговаривал с вашим сыном. Вы собираетесь ехать к нему?! Не стоит — он в субботу будет дома. С командованием договорено, ему предо-

ставлен отпуск. Матери пока ни слова, пусть будет приятная неожиданность».»??» — да, неожиданность — это легко сказано.

Это был звонок Казминова.

Как передать то, что я чувствовал тогда? Это невозможно. Каково будет матери? Думаю, а может это просто сон? Но нет. Адреналин «выплескивался» из меня, как магма из кратера вулкана и я не мог долго найти себе место. Теперь я представляю, что чувствуют люди, которые даже через десятки лет страданий, благодаря стараниям и бескорыстной помощи людей, встречаются со своими родными или просто близкими сердцу людьми. Как пройдет встреча сына с матерью в пансионате «Надежда» (название то какое?), не представляю?

«Подпольщики»

Как подготовить жену? Что делать с сумками: вещи собраны, продукты заготовлены? Ехать нужно завтра, но «продержаться на якоре» необходимо двое суток, без малого двое суток. С этого момента время показалось вечностью: часы — годами, минуты — днями. Ухожу в «оппозиционное подполье», — подумал я и начал придумывать небылицы. За всю свою семейную жизнь я не врал жене столько, сколько предстояло это сделать в эти дни. Чувствуя постоянный «прессинг» со стороны жены по поводу пассивности в решении вопросов, стараясь не выдавать «тайну» даже мимикой лица, не говоря уже «о бушующих» во мне эмоциях — делаю «вольные упражнения со скакалкой» с выражением штангиста на лице во время выполнения «рывка».

Вечером должен позвонить Казминов и сообщить, когда сын будет в Ростове. Время идет — звонка нет. Звоню в часть. «Выехал» — уже хорошо. Пытаюсь вздремнуть на диване рядом с телефоном — бесполезно.

А в это время, скорый поезд «Кисловодск — Симферополь» неумолимо приближал всех нас к незабываемой встрече. «Жди меня» — отстукивали вагонные колеса на стыках рельс. И сын, перед выездом, сообщил на сотовый Ивана Викторовича о времени прибытия в г. Ростов-на-Дону. Но ничего этого, как и многого другого я не знал. Только сейчас начал понимать: прав был Иван Викторович, поступив именно так, а не иначе. Да, мог бы он мне сообщить, когда приезжает сын и прислать даже за мной машину, чтобы его встретить. А, что потом? Труд людей, суета многих дней — «коту под хвост»?

Прошло 38 часов с момента первого звонка. В 2 часа 45 минут новый звонок с эхом «канонады»:

«Здравствуй папа! Спишь? Я уже в М-Кургане. Маме не говори -...».

Обернулся: за спиной жена, «сорвавшаяся» с постели, услышав звонок через две комнаты и закрытые двери — материнское сердце чуткое. Зажимаю трубку телефона до белизны в суставах, слышу голос Ивана Викторовича, вкратце объяснившего ситуацию. Что в данный момент они находятся на квартире у Саши Шевченко — водителя, который ночью «сбегал» в Ростов, встретил солдата и он будет находиться там до часа «Х».

«Кто звонил? Что случилось?» — беспокоилась жена.

«Все нормально. Утром в Ростов будет ехать «Нива» администрации и меня «берут на хвост».

«Оттуда действительно легче будет уехать в Кисловодск» — согласилась жена.

«В воскресенье буду у сына. Иди, отдыхай, а я в поезде высплюсь» — святая ложь. Мог ли я заснуть до утра?

Хмурое утро

С «бодрым» видом проверил — ничего не забыл? В сопровождении «почетного эскорта» в лице жены, выхожу за калитку. «Пока! Готовься к празднику. Дальше не провожай». Огляделся — никого, только хмурое утро с садящимся росой туманом. По пути, разбросав сумки по дворам родственников и обойдя сквер и площадь под темными еще окнами администрации, подался на «явочную» квартиру — к куму.

«Отсижусь чуток и пойду», — посетовав на погоду, ощутил пристальный взгляд Вовчика.

Поделился радостной новостью и ввел в курс моих «подпольных» злоклучений.

«Да, кум! Я тебе не завидую. Ольга убьет, когда узнает!» На этом и порешили — судьба, от нее не уйдешь.

Кофе, сигареты — сигареты, кофе. Томительно тянется время. 10 часов: пробираюсь, воровски оглядываясь, дворами, к зданию администрации.

Сталкиваюсь лицом к лицу с Иваном Викторовичем: «Не переживайте, все хорошо. Через час Саша будет здесь, встретитесь в моем кабинете».

Опять дворами. Встреча состоялась, но ожидаемая и предсказуемая. А главное еще впереди.

Час настал

«Пора!» — сказал неунывающий водитель, упаковывая «мобилу» и «трио» тёзок спустилось к припаркованной внизу «Ниве».

По многочисленным улыбкам встречающих нас нетрудно было догадаться, что многие в курсе происходящего. Но ничего не подозревает, вернее не знает, но догадывается о чём-то (усадили за отдельным столиком) — это она, единственная, ради которой мы так старательно разыгрывали маскарад — мама. И вот долгожданный час настал. Неописуемое, «щекотливое» зрелище — «сюрприз» удался.

В зале много матерей, которых мы знаем и помним — матери, чьи сыновья погибли в этой несправедливой, в первую очередь к ним — матерям, войне. некоторые не пришли — не хотят тревожить и так не заживающую душевную рану. Здесь и солдатские матери, сыны которых в данное время являются доблестными защитниками Родины, проходя воинскую службу в разных званиях и родах войск. Они тоже хотели бы видеть здесь своих сынов.

Ведущая, представив супругу, сказав, что сын служит в данный момент в армии и спрашивает:

«А вы хотели бы услышать сейчас голос сына? И увидеть его, наверное хотели бы, да?»

Ответ не мог быть противоположным, какая мать не хочет увидеть сына. И тут входит сын Саша, а уже за ним и я, чтобы самому не прозвать эту неповтори-

мую картину встречи и запомнить эмоции. А их был такой всплеск, что «Девятый вал отдышал». Все присутствующие приглашённые, конечно, рады и немножко завидуют этой женщине, которую обнимает и целует этот, еще до конца не верящий в то, что это явь, солдат — её сын, её кровинка. В зале долго царят эмоции.

Ансамбль «Добрый вечер» исполняет душевную песню. Сын приглашает маму на танец. Вновь всплеск эмоций зала. Я извиняюсь перед уважаемыми читателями за то, что описываю происходящее слишком «эгоистично», но эта «крупница» той кропотливой работы людей, по которой можно судить о ее масштабности, заслуживает внимания.

Пусть будет праздник в каждом доме

Нельзя, конечно, одним приказом отпустить сыновей-солдат к матерям, тем самым «обескровить» армию, ослабить боеготовность в такое еще пока очень сложное время. Родине нужны достойные воины-защитники, но мы не хотим видеть слез на глазах скорбящих матерей, а только слезы радости при встрече сыновей. Как становится радостно на душе, если видишь, когда по улице поселка или села спешит домой юный солдатик, пусть не твой сын, но живой и здоровый. Не нужно останавливать его расспросами. Он несет радость в чей-то дом, его ждет мама. Порадуемся и мы за них, особенно за нее, за маму. И, дай Бог, всем такое счастье!

С уважением, А. И. Иванченко, п. М-Курган.

P.S.: Сегодня понедельник, 5 декабря, собралась вся родня, отмечаем день рождения сына. И, конеч-

но же, тост за тех, кто в данный момент несет нелегкую воинскую службу, защищают наш покой и мир.

Пользуясь случаем, хочу выразить огромную отцовскую благодарность тем, кто делает очень нужное дело: администрации района и лично Казминову И. В., «неугомонных» энтузиастам Штода Т. М. и Демичевой О. Н., центру социального обслуживания и работникам пансионата «Надежда» и конечно командованию войсковой части в лице командира Цветкова Г. Е., без сердечного участия которого не было бы и такого запоминающегося праздника. Спасибо! Низкий Вам поклон.

Подарок

Как описать, безмерна радость:

Приехал сын-солдат домой.

Он возмужал, исчезла младость:

Осанки стать и взгляд прямой.

Не передать чувств материнских,

Переполняют через край.

Собрал в охапку своих близких,

Замкнул «звенном» семейный рай.

Кто ожидал такой подарок?

Хоть «краткосрочный», не совсем:

Домашний стол с поднятjem чарок

И перекрестный, слов, «галд-стрем».

До поздней ночи домочадца,
Эмоций пылкость остужа,
Всё угождали сына, братца,
С любовью «пчёлками» кружа.

2005 г.

Эссе

Микро-экосистема

Сегодня был пожар. Но сгорела не только трава, сгорела среда обитания тех птиц, которые заслужено можно будет скоро размещать на гербе района. Заинтриговал?! Да, это я о фазанах, дичи, ареолом обитания которой все чаще становятся, не степи и камыши,

а территория населенного пункта и не только дальних сел и городов, но самого районного центра. Но, опять же, это при условии, что у нас любителей фауны станет в разы больше, чем браконьеров и поджигателей, безжалостно жгущих всё, что горит, иногда из-за удовольствия созерцать. Или надеясь, что весной на выжженной земле появится молодая сочная трава, без каких-то сорняков. Они даже не задумываются над тем, что гумусный, плодородный слой выгорает и остается тот суглинок, который не даст ни урожая, ни хорошего укоса сена.

А все неделю или полторы тому назад, эти красивые птицы будили меня утром рано, как в деревне петухи на зорьке. И с ним перекликался самец горлицы, как бы соревнуясь в мастерстве сольного исполнения утренних арий. Сначала, я не мог понять, чей это необычный голос. Хоть я и длительное время был охотником, имел такой грех. Так вот эти звуки отличались от тех, что я многократно слышал на охоте, сигнализируя опасность или приглашение самке на свидание. Эти звуки имели дополнительный интервал между «нотами» (извините, я нотной грамоты не знаю, потому могу что-либо «ляпнуть» не по теме) или октаву. Иначе говоря, звуки были более продолжительны и имели другую, непривычную тональность. Я прекрасно знаю звуки, издаваемые сычами, скворцами, удодами, горлицами и прочими обитателями наших степных просторов. По интуиции понял — это фазан.

Фазаны и раньше навевались ко мне в гости и чаще всего я видел самок. Хотя, во дворе у матери

зимовал самец фазана на сосне и, когда я приходил к ней в гости, хлопал калиткой, закрывая её, он шумно с криком снимался и улетал. Мамы не стало и фазан, если жив еще, видимо избрал другое место для ночлега.

Окно моей комнаты выходит на огород, виден сарай и за ним деревья. Две старые абрикосы, мы называем их, жердели, на которых ежегодно гнездятся горлицы. Чем отличается выгодно моё подворье — это тем, что у меня нет, как таковых соседей сбоку и сзади усадьбы. С одной стороны, территория автотранспортного предприятия, с другой стороны огромные, холёные акации. За огородом пустырь, покрытий пыреем и другой травой, достигающей высоты по пояс человеку. А акации такие, из-за того, что междурядье деревьев находится, как бы во впадине из-за того, улицу постоянно засыпали твердым покрытием и ее уровень выше, чем на «оазисе» из десятка деревьев. А еще потому, что после многочисленных пожаров, практически вся лесополоса сгорела раньше или позже, а эти деревья я спасал, спасая и свой обжитый уже 30 лет домик.

Вот так и получилась мини-экосистема. Моей гордостью и достопримечательностью подворья было то, что в дупле старого тополя жили дятлы. Я в них души не чаял. Но в один год свершилось то, во что поверить невозможно. Дятлов выжили из дупла скворцы, да, именно скворцы. Не знаю, где переселились дятлы, но я их часто вижу, работающими на «санобработке» насаждений «оазиса». Но пришло время, тополь сгнил

изнутри, начал сильно раскачиваться. Из-за того, что у меня палисадник служит игровой площадкой для внуков, песочница недалеко, тополь пришлось наполовину, пока наполовину укоротить. Я отвлекся, извините.

На второй день, услышав уже знакомый голос, трубящий «подъём», я с интересом припал к окну, надеясь хотя бы понять, где он находится. Очевидно, что он голосил со старых абрикос. Через некоторое время с кличем «банзай» (в крайнем случае, мне так показалось) на середину огорода приземлился тот, о котором я повествую, красавец, самец фазана. Гордо прошёл к границе, где начиналась растительность. Это была граница огорода, но я ее периодически обкашивал. Всё лето трава не росла из-за засухи, а с дождями июльскими, траву попёрло, «мама не горюй». Зайдя в этот естественный «заказник», фазан поднял шею и призывно крикнул. Я в напряжении ожидал, кого он зовёт. Самка выбежала из травы, я не сразу понял, как она оказалась метрах в 10-ти от самца. Но к нему приближаться не собиралась, а оба беспокойно вращали головами и головы то поднимали выше из травы, то, наоборот, прятались в траву.

Что-то у меня в глазах «зарябило», протёр глаза — нет, не показалось. На «арене» появились серенькие цыплята фазанов. Им было примерно по два месяца от роду. Но меня насторожило то, что их было всего три цыплёнка. Насколько я знаю в природе они выводят около десятка или более цыплят. А здесь самое грустное. Территория, где обитают эти прекрасные

птицы, облюбованы и не без основания четвероногими нашими друзьями, с чем коренным образом не согласны первые. В автохозяйстве постоянно проживает около пяти собак, имеющих беспривязное содержание. Их любимое занятие — выполнять утренний и вечерний моцион, траектория пробежек пролегает строго через мой огород, чему совсем не рады мои домочадцы, поднимающие озлобленный лай. Вот только я не знаю, на кого они больше сердятся: на тех собак, которые ведут вольный образ жизни или на меня, не дающего им этого делать? Второе зло — это те, которых на цепь не посадишь, но для которых цыплята становятся легкой добычей — это кошки. Мои домочадцы и соседи были свидетелями трагических, для пернатых событий.

Не хочется заканчивать на грустной ноте. У меня нет хорошей оптики к фотокамере, но я снял на старенький фотик несколько кадров. При увеличении качество потерялось. Весь день и целую неделю я находился в возвышенном состоянии эйфории, благодаря тому, что я не теряю надежды на то, что всё-таки наши прекрасные места Примиусья будут заселены самой разнообразной живностью, когда дичь перестанет бояться человека. Почему? Да потому, что человек поймет, что отвести душу стрельбой можно и по летящим на полигоне тарелкам и всяческим мишеням. Когда у нас будет как можно меньше собак, предоставленных самим себе. А имеющиеся в наших подворьях собаки и кошки не будут надеяться на полное самовыживание, а будут вовремя и сытно кормиться хозяевами.

Хочется в это верить. И ещё хочу верить, что у нас рощи не будут вырубаться и лесополосы, и растительный мир, фауна наших примииусских степей не будет выгорать от палов. А оазисами станут наши села и поселки, где в изобилии будет водиться разнообразная дичь, радующая глаз, умиротворяющая душу и ласкающая пением слух. Вот этого мне очень и очень хочется. Хочется, чтобы мой маленький внук, когда подрастёт мог узнавать о растительном и животном мире родного края не только по учебникам и, упаси Боже, не по «Красной книге».

P.S: Эту заметку, вернее эссе, я планировал написать сразу, после описанных событий, но быт, повседневность, летние хлопоты отвлекли. И вот, сегодняшний пожар, серьёзно вмешавшийся в микроэкосистему заставило это сделать срочно, незамедлительно.

06.08.18 г.

А, собаки, они нас умнее?!

Весенний мартовский день с утра выдался пасмурный, не вызывающим позитива начала масленичной недели. Но после обеда погода в корне изменилась. Невидимый мне из окна моей комнаты, где я провел практически весь воскресный день за компьютером, с перерывами на телевизионные просмотры новостей и спортивных соревнований, ветродуй, разогнал все тучи и небо стало свинцово-голубым и безоблачным.

Солнце светило по-праздничному весело и манило собой на улицу, на природу.

Даже я, закоренелый домосед, не выдержал. Вспомнил — сегодня ведь совсем не дышал свежим воздухом. Оделся быстро по-домашнему, но тепло. Дорожки от ветра и солнца хорошо просохли, после стаявшего снега и недавних дождей. И теперь мои резиновые сапоги были излишними в моем гардеробе, можно было обойтись и обувью полегче. Но возвращаться не стал. И это. Как говорят, «на всякий случай» потому, что сразу за моей усадьбой расположена изрядно выжженная лесополоса, но при том образовавшийся «мертвый» пустырь был усеян недогоревшими пнями, редким кустарником и усеян сухой прошлогодней травой, чудом уцелевшей от ежегодных пожаров.

Дышалось очень легко и я с удовольствием «опьянял» себя свежим воздухом, глубокими затяжными вдохами. Радовался весне, солнцу и т. ому, что всё-таки догадался выбраться на вечер из своей «конуры». Обычно мой маршрут до скучного однообразен, уходил налево через мостик, вдоль пустыря, обильно усыянного мусором — показателем «мусорной реформы». Зимой из-за «примороженности» запахов дышится терпимо. А летом ... — не передать. Длина этого маршрута, не затрагивающего «спальные кварталы» и места культурного досуга граждан, составлял в одну сторону около 150-ти метров. Затем я возвращался назад. При желании мог разнообразить прогулку, приплюсовав к первому и маршрут №2, в другую сторону, протяженностью метров 50-ти всего.

Но сегодня что-то пошло не так. Ещё издали я заметил серую собаку, которая вышла из кустарников, расположенных за мостом и направилась, в отличие от обычного поведения бродящих собак — не от меня, а в мою сторону. В начале, я насторожился — не бешеная ли собака?! Но, когда она подошла ближе, я всё понял. Передо мной стояла недавно ошенившаяся лайка, возможно не чистокровная, но с хорошими данными, с обвисшими сосками и жалостным взглядом. Я протянул ей навстречу руку, она лизнула меня и начала тереться у ног.

Я раньше держал лаек много лет, у меня было последовательно два кобеля по имени Буран и две сучки, Терра и Дина. Они быстро всплыли в моей памяти. Самое страшное, что у всех была. Первый Буран, моя на-

дежда на удачные охотничьи трофеи пал на охоте от выстрела нерадивого охотника, который не мог отличить собаку лайка, гнавшего зайца от самого зайца. Потом я пожалел, что вторую собаку назвал в честь первой, тоже Бураном. Участь второго подобна, отличается лишь тем, что он был застрелен лично председателем общества охотников прямо возле моего дома. Третья, самая способная и обученная к охоте, Терра, ушла за подранком на охоте в начале первого ее сезона и... по сей день неизвестна ее судьба. Дина прослужила мне верой и правдой значительно дольше, лет 6—7, возможно потому, что после убийства второй собаки, я вышел из членов общества и собаку на охоту не брал. Она приводило мне ежегодно по шесть щенков. Щенки были красивые, но нечистой крови, так как она находила возможность удовлетворить жизненную потребность, как бы я ее не закрывал. Она перепрыгивала через любые заборы или перелезала, если высоты прыжка было недостаточно. Кожаные ошейники на ней держались, она их или снимала или разгрызала др самой бляшки и освобождалась таким образом. Перед тем, как привести щенят, она делала описанные выше действия и после этого я её больше не привязывал. Она делала в затененной стороне двора, вернее в палисаднике себе яму даже когда приводила щенков зимой. Местом для этого могли стать, например, сложенные доски, под которыми она и устраивала себе «роддом». Охотилась Дина ночью, уходя из дома и ловы дичь и грызунов, слепцы были также её трофеями. И, во время вскармливания щенков, не всякую предлагаемую мной пищу принима-

ла. Её судьба мне тоже не известна. Она ушла в очередной раз на охоту и не вернулась. Скорее всего стала жертвой любителей пострелять. Залезть в чей-то курятник за курами она не могла потому, что четко разбиралась в дичи и домашней птице. Мы держали уток шипунов. И как-то я заметил, что Дина постоянно, даже в дождь не прячется в конуру. Когда мы заглянули к ней в домик, то там вольготно восседала утка на нанесенных яйцах, вся в пуху. Дина охраняла птичье семейство. После Дины я перестал держать породистых и тем более охотничьих собак. Но после этого мой двор не перестал быть пристанищем для подброшенных собак и щенков. Мадонна, нынешняя моя «хозяйка усадьбы, живет уже лет восемь, Бой, кобелек, с которым Мадонна дружила, но Бог не дал им общих детей, пропал в прошлом году.

Вот почему, при виде этой собаки, я вспомнил именно Дину, единственную мою лайку, которая приводила потомство. Я всё сразу понял и мои предположения вскоре подтвердили пятеро симпатичных колобков, её щенят, выкатившихся из укрытия, где сидели смиренно до условного сигнала матери. Щенки залиристо лаяли, крутили хвостиками, вертелись у ног, задрав свои красивые мордочки... Слезы самопроизвольно потекли по обветренному годами лицу и седой бороде. Никто не видел эту трогательную картину. Только одна моя давнишняя привычка, брать с собой фотокамеру, помогла мне сделать несколько фото. Я приласкал малышей, их мама одобрительно тыкала своим носом мне в ладонь. Какие чувства я испытывал — не передать.

Затем малыши немного поразбежались, и я решил всё-таки пройти задуманный маршрут. Но их мама сопровождала меня весь маршрут, то приближаясь и лизнув руку, делала пару кругов вокруг меня, то отбежав к пустырю, в надежде поймать мышку. Когда мы вернулись к месту знакомства с малышами, они вновь окружили меня. Я вспомнил поговорку «соловья баснями не кормят», поспешил домой. Взяв кастрюльку супа и хлеба, поспешил к своим новым знакомым. Они меня ждали невдалеке от их «логова» и встретили вращающимися, как помело хвостиками. Матери от ужина почти ничего не осталось. Так сильно щенята проголодались, что ели с захлебываясь.

Теперь у меня появилась забота о беспомощных пока ещё малышах. Я думаю, а что, если я не вышел на прогулку? Ведь чаще всего, при решении любых вопросов жизнедеятельности, работа или посещение магазина, я осуществляю на машине. Ведь не в любых глазах людей, которые изредка проходят по этой безлюдной дороге, эта исхудалая от кормления и переживаний за своих детей, мать-лайка, увидит проявление добра и небезразличие. Смотрю я в эти грустные собачьи глаза и думаю — «А, собаки, они, могут быть даже нас, людей умнее.». Даже матери, которых трудно так называть, бросают своих детей на погибель. И большое счастье, если брошенного на умирание ребенка находят и спасают. И это в наше время, когда существуют более «человеческие» способы отказаться от своей кровинки. Жаль, что собаки не могут говорить. Что могла мне рассказать в таком случае эта за-

ботливая мама-лайка, которая голодными глазами смотрела, как едят из кормушки её детёныши и затем пошла по лесополосе «тропить» под старой листвой и травой мышек.

На приложенных к заметке фото вы можете убедиться в бесподобной красоте и хорошем состоянии щенков. Уверен, что их мать, как и когда-то моя Дина, глаз не сомкнула ночью, чтобы накормить своих малышей. Если найдутся добрые сердца и есть необходимость в приобретении хозяина или хозяйки двора, то обращайтесь. Лайки, хоть и не чистокровные очень умные собачки, поверьте мне. Они будут радовать вас своим присутствием. А если у вас есть дети, то они обязательно полюбят и привяжутся к ним. А пока вы думаете, я позабочусь о них и сделаю всё, чтобы они смогли пережить нелегкие дни в своей, только начавшейся жизни. Жаль, что первое, с чем им пришлось столкнуться — это бессердечность и безразличие, к братьям четвероногим, людей.

03.03.19 г.

Как прекрасен этот мир! Посмотри...

Кто не знает песни Давида Тухманова «Как прекрасен этот мир» в исполнении Юрия Антонова, «Самоцветов» или «Веселых ребят». Позволю себе напомнить, как начинается слова песни, текст которой написал Владимир Харитонов.

Ты проснешься на рассвете,

Мы с тобою вместе встретим
День рождения зари.
Как прекрасен этот мир, посмотри.
Как прекрасен этот мир...

Может быть не все согласятся, я, не желая обидеть молодежь, так как сам таким был, скажу — когда мы молоды, заняты устройством личных жизненно важных аспектов: учёба, выбор профессии, поиски своей половинке в этом же прекрасном мире, хлопоты воспитания детей и дальше их обучение и пр., пр. Потому и бытует выражение «в гору некогда плянуть». С годами некоторые проблемы отпадают, но появляются новые. И все же, мы уже не молоды и многое, что можно было реализовать в молодые годы упущено. Многие читатели удивляются — что это старички

пишут стихи о любви, им уже о вечном подумать пора. И я получал в комментариях такие советы. Молодым и невдомек, что у нас только сейчас появляется больше свободного времени, чтобы посвятить его «на себя любимого (ую)». Если позволяют мизерные пенсии, мы, сэкономив немного денег, стараемся летом отдохнуть на море, появляется возможность заняться собой, своей физической формой и внешностью (это все же, чаще, касается женщин). Многие раскрывают свои творческие способности, начиная от вязания и заканчивая поэзией, занятиями народным ремеслом или участием в художественной самодеятельности.

Мир творчества

Доказательством того, что средний возраст непрофессиональных творческих людей всё-таки, скажу необидно, зрелого возраста. Молодежь, если и увлекается поэзией и другими видами творчества, кроме художественной самодеятельности, стараются не выносить свои шедевры на показ. Видимо, им неудобно себя чувствовать среди, украшенных сединой людей. Сейчас, из-за коронавируса, и «Поэты Примиусья» перестали собираться «на завалинке», гостеприимно предоставленной нам районной библиотекой. А, если бы имели возможность подсмотреть «через замочную скважину» за их «тайным обществом», то увидели бы людей, которым давно «за»... Короче, людей, освобожденных, в большинстве своем, от «трудовой повинности».

В нашем современном мире, вовемя санкционной блокады, мирового кризиса и коронавируса, требовать

повышенного внимания к развитию творческого потенциала в глубинке говорить не приходится. Я за последние месяца три, пожалуй, из-за нехватки культурно-массовых мероприятий и не только у нас в районе, во всем мире, заметил, с каким желанием творческие люди пытаются самореализоваться, хоть в малом. То флешмобы по разным поводам и датам, то акции различные, которые быстро подхватываются по всей стране. Не исключение и наш район. Мне тоже не хватало «зрелищ». Я постоянно слежу за роликами, созданными работниками районного Дворца культуры, сельских домов культуры и клубов, библиотек района. И рад, что творческая «жила» не истощается, несмотря ни на что. Люди так засиделись в карантине, что рады сделать «глоток свежего воздуха творческой атмосферы» и сделать, с выдохом, свой вклад в общее дело. Лично я благодарен всем моим старым и новым друзьям, работникам сферы культурного отдыха и досуга населения. Спа-си-бо!

«Не дай себе закиснуть!» Я понимаю это так. Движение — жизнь. Возможно, что болезни отложили свой отпечаток на осознание этого. Мне стало не хватать сайта Стихи.ру и участия во всевозможных конкурсах, такие, как «Наследие», «Поэт года», «Георгиевская лента», «Русь моя». Мне тесно на сайте «Одноклассники» с двумя моими же поэтическими группами, я «не насыщаюсь» этим. Интересным показался мне сайт «Международный союз русскоязычных писателей». Сейчас принимаю активное участие в работе сайте и во многих конкурсах и блицконкурсах, проводимых организато-

рами. Здесь имеет место, кроме указанных конкурсов в жанре прозы и поэзии, викторины, арт-кафе, видео-записи клипов авторских работ и декламация стихов. Довольно интересно, но куда еще девать свободное время?

Кто-то скажет, вот мне бы его заботы. А тут «пашешь, как Папа Карло», что «некогда в гору глянуть». Везде, будь это клуб любителей поэзии «местного пошиба», так и там, где многие считают себя именитыми мастерами слова, я понял только одно, что их сближает, кроме желания писать, творить, иначе говоря. А в людях их объединяет то, как здесь, так и там следующее: «каждый — сам по себе», «поэт поэту соперник», «сам за себя и все против тебя». «Опустить» конкурента в конкурсе «на раз» можно, поставив «из добрых побуждений» один балл. И даже, если 9 других поставят высший балл — 10, ты с оценкой 9,1 «высоко не взлетишь». Когда интересуешься у организаторов конкурса, к примеру, а почему кто-то из членов жюри поставил за ваш «шедевр» всего два балла, вам ответят — «радуйтесь, что столько поставили», могли и вообще обойти стороной. И всё же, несмотря на эти неприятные моменты, здесь хорошо, жизнь кипит, бурлит и, бывает штормит, но в штале не бывает.

Что касаясь работы кружком и самодеятельности нашего Дворца культуры и школы искусств, то я всегда восторгаюсь местными талантами и, немаловажно, опытными педагогами, хоть танцев, хоть хорового, хоть изобразительного искусства. Просто, молодцы!

Слёзы на глазах появляются, если читаешь в газете, на сайте или слышишь в новостях по радио или телевидению об малой и большой победе очередной нашей «Звездочки» или опытных мастеров сцены. Гордость берет — это наши земляки, знай наших! Как я радуюсь работам своей внучки, и на стенде, в центре поселка, с работами детей к Дню Победы и лепкой из пластилина, если Людмила Викторовна разрешает им взять домой и порадовать родителей и дедушку с бабушкой. Способности развиваются с самого детства вот в таких кружках, а непередаваемое чувство победы — в конкурсах и турнирах, где они учатся не только побеждать, но и проигрывать. А второму научиться еще труднее, чем первое.

А, что касаясь нашего местного «бомонда», то я давно усвоил такое правило — «не выпячивайся и тебя не тронут», а «выпучишься — порвут». Это я, конечно, аллегорично выразился, но смысл в этом. Почему у меня много недругов? Люблю говорить то, о чем думаю в лоб. Из меня плохой дипломат, это правда. Если не нравится — скажу, если нравится — обязательно скажу и выражу эмоции. Короче, похож на мамонта я, на последнего, притом. Почему у нас, если вы скажите, что являлись в свое время пионером, были комсомольцем — воспринимается, как должное, как слой истории, на который уже наслоились свежие слои новейшей истории России. Если вы скажете, что поддерживаете КПРФ и (или) являетесь членом этой партии, кто-то вас поймёт и поддержит во взглядах, кто-то обругает коммунистов в целом

и «новых» в том числе, тоже самое, если вы являетесь членом общественной организации или профсоюза — воспринимается, как должное. У нас в районе много членов Союза журналистов России. Когда этих творческих людей представляют, то всегда представление начинается с «член Союза журналистов России, (даются, если есть заслуги, типа — Кавалер Ордена Дружбы народов, ..., Ф.И.О.) Есть у нас и один член Российского союза писателей, которого никогда и никто, при представлении так не называл. Почему, что он изгой? На это ответят пусть читатели. Я хочу сказать о другом, почему то, что для одних считается заслугой — для другого — что-то нечистоплотное и позорное.

Давайте разберемся. Почему я привел примеры организаций, партий и пр. Для того, чтобы все прекрасно поняли, в чем отличие артиста от заслуженного или народного артиста? Конечно, многие знают. Кто такие, люди (не буду называть «шаблонное» — члены), входящие в состав организаций или союзов. Конкретно, союзы СЖР (союз журналистов России) и РСП (Российский союз писателей) — это не академия наук, что собрались бородатые, в основном, академики, а союзы, объединившие, как и профсоюзы людей одной сферы деятельности, творческих пишущих людей, как и Союз композиторов, например и др. Кто входит в их состав. Там могут быть и именитые авторы стихов, романов и стихов, и начинающие. Что нужно для того, чтобы войти в такой союз. Немного. Нужно заниматься данным творчеством,

иметь печатные издания или рекомендации существующих членов Союзов; конечно же выполнять требования положений Устава Союза и пр.

Когда мы говорим — артист, то характеризуем человека по виду деятельности, как бухгалтер или инженер. Существует множество организаций, которые различают по различным признакам на:

1. Формальные и неформальные;
2. Коммерческие и некоммерческие;
3. Производственные, социальные, политические, интегрированные;
4. Товарищества, акционерные общества, кооперативы, объединения.

Названные мной союзы — формальные (юридически зарегистрированные), социальные, общественные организации. Получается, что нет криминала ни в одной организации, за которые я веду речь. А их члены по роду занятий: писатели, поэты или журналисты. И не стоит не превышать и не принижать людей, входящих в объединения, они, как врачи, сантехники или дорожники делают свою работу. Но эта работа, в отличие от профессиональных людей, журналистов и др., отличается тем, что они за свой интеллектуальный труд не получают денежного вознаграждения, за исключением тех, кто получает гонорары от издательств газет, журналов и за книги, если редакция имеет права обладателя тиража (насколько я в этом осведомлен, таких отношений не имел). А вот потом уже зрители и читателю поднимают славу артистов, писателей или поэтов, они становятся известными и популярными,

но не антирейтингом, как Михаил Ефремов, который не только стал преступником, но и потерял человеческое достоинство и уважение миллиона его поклонников, своим немужских поведением. Почет и уважение — не «манна небесная», с неба не падает, ее нужно заслужить. Стань дипломантом премии «Поэт года», лауреатом премии им. Чайковского, победителем творческого конкурса, международной олимпиады или другого вида испытаний на звание «лучший», если не победителем, то на ступень-две выше своих коллег по творческому «цеху». А политику и применение «закона курятника», где кто выше, тот и пан, или «облей другого грязью и на его фоне, чтобы выглядеть респектабельнее, как минимум. Раньше я думал, что только политика «грязная», а теперь вижу и в творчестве «грязи» хватает. Трамп вам пример подает. Шучу.

Что я терпеть ненавижу?

На этот вопрос отвечаю, не задумываясь на протяжении десятков лет одинаково — ложь и равнодушие. Если с ложью сталкиваемся мы часто, начиная с детской безобидной и заканчивая в той же политике. А вот равнодушие — это не только качество того человека, у которого оно наблюдается и приводит к очерствению, отмираю души, хоть и говорят, что душа бессмертна. Человек, не принимающих ни каких действий, не принимающий решений, живущий, подобно зомби, тем самым поощряет несправедливость, жестокость и другие пороки общества.

Работая четверть века преподавателем, хочу раскрыть, если кто-то не знает секрет образования.

Пусть меня проклинают мои коллеги, но это касается не всех педагогов. Я знаю прекрасных учителей и преподавателей. Что это? Это простое «очковтирательство». Раньше, как говорят и клеймят социалистический строй, называя то «временами застоя» повсеместно занимались приписками. Приписки или «очковтирательство» растёт, если не в геометрической, то в математической прогрессии. Можно давать знания, выкладываясь на все 100 и более процентов, а можно... показать на бумаге стахановский «интузизм», как говорил Аркадий Райкин, не напрягаясь. Плакать хочется, когда читаешь о высоких результатах в образовании, хотя бы по тем ЕГЭ. Да в лучшем случае, знания выпускника 11 класса соответствуют уровню 5 класса советской школы. Но, при том, их мозги «припудрены» всякой «трухой». Извините, я не люблю, когда речь опошляют матом, а при этом хочется выругаться. Но я не умею даже так, как, умело использует нецензурную лексику мальчуган лет 10—12, при этом не обращая внимание на то, что вокруг люди. Он же крут, он взрослый и ему все пофиг.

Я ужасно не люблю насилие в любых ее проявлениях. Ненавижу, когда проявляются, даже у молодых людей задатки расистского превосходства над другими, более слабыми, их унижение, оскорбление в физической и моральной формах. Из таких, не побоюсь этого слова, подонков, вырастают отпетые негодяи, преступники и насильники. Им не должно быть места в нашем цивилизованном обществе. Насилие по отношению женщины, ребенка — это такое омерзительное пре-

ступление, что не заслуживает никакого снисхождения, при наказании.

Что я люблю?

Здесь нужно назвать много вещей. Если не конкретизировать вопрос, например: «Что вы любите в людях? ... в природе? ... в еде? ...»), то скажу следующее. Люблю жизнь. Люблю жить, любить Родину, родной край, женщину, внуков, работу, любимое занятие — поэзию, люблю путешествовать, но не получается.

Если положить на чашу весов то, что я люблю, а на другую — то, что не люблю, то первая моментально перевесит. Скажу вам честно, истинную цену жизни узнаешь тогда, когда жизнь твоя или твоих родных была близка к завершению, в моменты, когда происходит моментальная переоценка ценностей. Все материальное, бытовое становится ничто, а цена жизни возрастает до значения, число которого прочесть невозможно.

Есть, конечно, есть люди, которые никого и ничего не любят. Бесспорно, есть, их мало, но есть. Мне их искренне жаль. Тлеть, как трухлый пень, ради того, чтобы сгореть бесследно, не оставив даже после себя молодого побегу взамен — это разве жизнь? В стихах «Как же без любви?» я пытался выразить по этому вопросу свое мнение.

Что же тогда будет, если вовсе не любить ни Родину, ни женщин, ни мать-природу? Таким вот нелюдиным зачем тогда и жить, Быть без душевных чувств — подобие уроду.

А, если, просто Богом дар вам сей не дан, Тогда мне

вас, конечно, очень будет жаль, И нет, как для компьютера таких программ, Чтоб можно было в розу переделать сталь.

...

Тема любви к женщине безгранична, как океан. О любви к женщине, если ты любишь можно писать и писать, говорить и говорить, петь и петь, делая это до тех пор, пока бьется сердце.

Эхо любви

Отзовись любовь мне долгим эхом, Чтоб она продлилась много лет; Отзовись улыбкой, лаской, смехом — Что согреет в стужу, словно плед. Пригласи к свиданью в теплый вечер, Под бескрайним небом лишь вдвоем. Легкой тканью ты прикроешь плечи, Лунный свет в ночь сделает проем.

Увлечешь собою в «белый танец», Млечный путь расправишь, что фату. Лик сияет, словно звездный глянец, Жар уст девичьих разносит за версту.

Отзовись любовь мне долгим эхом, Отзовись, я жду, к любви призыв. Без тебе мне мир бескрайний тесен, Я к тебе отдам все силы на прорыв.

Если взять и объединить тему любви в один блок, где будет любовная лирика, отношение к природе, родному краю и пр., то большая часть моих стихов будет отнесена именно к этому блоку.

Как прекрасен этот мир!

Я люблю путешествовать, как я ранее уже сказал. Но, сейчас есть, как и у многих финансовые затруднения и не могу себе позволить даже 3—5-ти дневный отдых на море. Я себя успокаиваю,

но не один же я?! Потому, я просто, стараюсь совершать ежедневные прогулки по знакомым улицам Матвеева Кургане. Почему я к этой теме привязал и творчество? Да потому, что есть люди внимательные и невнимательные. Чаще всего отличаются внимательностью те, кто попадает в незнакомые места впервые. Это обусловлено не только желанием не заблудиться, но и увидеть, запомнить даже название улиц, другие виды и достопримечательности. Когда восприятие первично — это отпечатывается в памяти надолго, а попадая в уже известные места, мы расслабляемся и находимся в данном территориальном пространстве или социуме, как «на автопилоте». В доказательство, когда я впервые попал на море, не как военный моряк, а как отдыхающий, то все было впервые, вызывало неподдельный интерес и я смог написать, под впечатлением, целый цикл стихов. Следующие посещения тех мест отдыха на море уже не вызывали таких эмоций и не были стимулом, не вдохновляли на творчество.

Наш бешеный век заставляет все делать оперативно. Только неработающий пенсионер может позволить себе отдыхающую, заряжающую позитивом прогулку по родному и любимому поселку. Это и то, что по медицинским показаниям мне полезны прогулки, заставляет меня делать их, но не просто и бесцельно, а с пользой. Я не выхожу из дома без фотокамеры и листка бумаги и карандаша. Именно, карандаша. Редко какая прогулка заканчивается без «трофеев». Самое главное, что я каждый раз, проходя по знако-

мым улицам, заставляю себя находить или что-то необычное само бросается в глаза.

Не перестаю радоваться за наш прекрасный поселок, за красоту его цветников, ухоженностью и красотой. Раньше этим отличался у нас только центр со сквером, затем улица Московская, встречающая гостей не только баннерами, но и ухоженными клумбами и цветниками, а теперь таких красивых мест все больше и больше. И в течение всего времени года, можно видеть, как изменяется пейзаж: весенние краски сменяют серость палитры, летние колориты приходят им на смену, кудесница осень в наших краях очень красива и вдохновляет на творчество. Зима, тоже, хоть ненадолго, но дает нам те эмоции, которые не может дать ни одно время года. Мир, в котором мы живём прекрасен! Нужно только замечать эту красоту.

Я уже не говорю, что я научился видеть красоту и простых растениях, в сорняках, растущих по обочинам дороги и являющихся головной болью коммунальщиков. В этом году я собрал целый альбом степной растительности, произрастающей, буквально в двух шагах от дома. Кто-то удивится, но у меня есть такая возможность. Я подхожу к цветущей полыни, разминаю ее в руках, прислоняю к лицу и жадно вдыхаю непередаваемый запах детства вместе с пылью. Как я радуюсь ромашке обычной или полевой, стройным цветущим кустам алтея, даже цветущий, ростом выше головы, татарник вызывает восторг. Я представляю его могучим воином-завоевателем, как Тамерлан. Прохожу мимо средней школы №1. Улица преобразилась.

Меня встречают с обеих сторон трафареты школьниц — замечательная и действенная задумка. Когда впервые проезжал мимо них и возле 3-й школы, то мурашки по коже пробегали — неужели дети выбегают на дорогу. Оградки замечательные, ограничивают выбегание детей в неустановленных местах, вне пешеходного перехода. Все подбелено, покрашено, включая и дорожную разметку.

Скоро праздник, День освобождения Матвеева Кургана и области от немецко-фашистских захватчиков. Состоится ли этот праздник у нас, как обычно, не знаю. Но праздничное настроение в душе есть.

Без «ложки дёгтя» никуда

Прохожу дальше. Между улицами 40 лет Пионерии и Таганрогской красивый цветник. Дальше... А что дальше? Этим летом два проезда, соединяющие названные улицы перекрыты металлическими оградами. Я люблю ограждения из металла. Хорошо смотрятся такие там, где я уже сказал, в районе школы и на пересечении улиц 40 лет Пионерии и ул. Пугачева, в районе светофора.

Я вспомнил, как выводил студентов М-Курганского филиала РАДК на практических занятиях на этот перекресток, на перекресток Московской и Таганрогской и другие, с целью изучения интенсивности движения, выявления нарушения, как правил уличного движения, так и правил расстановки дорожных знаков, нанесение разметок и пр. знаний, необходимых специалистам-дорожникам. Это были занятия по дисциплине «Организация и безопасность дорожного

движения». Сейчас эту дисциплину убрали из программы. Может быть и те, кто принимал решение об установке заграждений на проезды между двумя улицами, тоже не знакомы с такими вещами, как безопасность дорожного движения? Там же изучались и рассматривались причины возникновения аварийных ситуаций и пр.

К чему это я? Кто возил и возит детей в садик «Аленушка» и заезжает со стороны ул. Таганрогская на ул. 40 лет Пионерии, уже догадался, о чем я говорю. Даже раньше, когда проезды были открыты, особенно, когда выпадал снег, в этих местах создавались аварийные ситуации. Уже этим летом, благо, что я везу внуков напрямую, без поворота, замечал, как автомобили, не вписываясь в поворот, создают пробки и сдавая назад, аварийные ситуации. Многие, кто прочтет это, если будет такая возможность, вспомнят меня через неделю, когда начнется учебный год и массы автомобилей со школьниками ринутся в поворот, в «час пик», где улицы сходятся под углом в 30 градусов и повернуть, без маневра или выезда на «встречку» не получится.

За зиму лучше и не думать, так как предчувствую проклятья водителей и побитые облицовки машин. Упаси. Господи! Но этого избежать будет практически невозможно. И тогда «день жестянщика» может начаться еще задолго до выпадения снега или гололеда на дорогах.

Что можно посоветовать автомобилистам, кроме жалоб в соответствующие органы? Первое, можно вы-

езжать минут на 20 раньше, чтобы на попасть в это место в «час пик». Второе, можно изменить маршрут, поднявшись изначально на улицу Пугачева, чтобы потом въезжать по прямой через опасный участок. Но тогда, есть второе, но. Увеличится пробка и на самом светофоре ул. Пугачева и на перекрестке ул. 40 лет Пионерии с ул. Гагарина. Третье, в садик можно заезжать по ул Гагарина. Но там и сейчас, в районе магазина «Симба» «яблоку негде упасть». Четвертое и самое верное, если дети взрослые, то пусть идут пешком в школу, соблюдая ПДД. Малышей в школу и в садик тоже можно водить за руку.

Вот такое Ай-я-яй я вам рассказал. Хотите верьте, хотите нет. Но время покажет. И удачи всем на дорогах и пешеходных тротуарах и переходах тоже, особенно детям. Всех с наступающим праздником, матвеево-курганцы и жители района! Будьте здоровы и счастливы!

Пенсионер из Матвеева Кургана, Александр Иванченко.

25.08.2020 г.

P.S.: После выхода заметки в районной газете, Администрацией района приняты меры по крайнему абзацу о «дѣгте» и замечания исправлены. Мелочь, а приятно!

О «гениях» и «изгоях»

«А, я, круче тебя! А, я круче тебя!» — кричит человек, избивая, поскользнувшегося и упавшего на землю другого человека, с которым до этого был неразрешимый спор в плане, кто круче, а силы до этого и положение были равны. Это я привёл вам отрывок из анекдота, который часто рассказываю своим студентам в воспитательных целях.

Вот сейчас я хочу высказать свое мнение по одному из больших вопросов, не снимаемых с повестки дня в культуре, литературе и других творческих направлениях сферы жизни общества. И я не хочу обсуждать наших кино- или эстрадных звезд. А вопрос намного прозаичнее, о «звездности» местного разлива. Сразу скажу, что моя точка мнения и высказывания многим не понравятся и, возможна, что эта заметка, как и предыдущие на подобную тему не увидит свет в местной печати. Хотя, к счастью, сейчас мы можем использовать необъятные сети, опутавшие нашу, ранее скучную обывательскую жизнь в насыщенную и, что не есть хорошо, заразившей многих пользователей, сделал их зависимыми. Страшно это или нет — это вопрос второй. Хотя в двух словах можно ответить так — всё нужно делать в меру!

В настоящее время я очень плотно контактирую с одним из приятелей, с кем, несмотря на то, что мы живём в непосредственной близости друг от друга на одной улице и в одном жилом квартале, ранее, кроме обычного «привет», отношений не было. Отноше-

ния завязались тесные около года назад. А причиной тому стало то, что я, как-то в одночасье стал «изгоем» местного «бомонда», как я в шутку называю людей, относящихся к культурным и литературным слоям общества. Я думаю, что это понятно: певцы, музыканты, писатели, поэты, публицисты и др. Этот вопрос я уже поднимал в неопубликованных в СМИ эссе, которые размещены на моей страничке на сайте Проза.ру под названием «Мысли вслух или послевкусие от праздника» и «Воля провидения».

Но вкратце, может быть уже с другого ракурса видения, введу вас в курс дела. Дело в том, что в современном обществе, я имею ввиду наше российское общество, произошли серьезные изменения и не только в экономике. Раньше все было государственное, существовали контрольные органы, была чёткая структура управления и подчинения отделов и служб. Сейчас мы столкнулись с тем, что производитель может не нести ответственность за качество своего товара, в продукты питания вложить все, что ему захочется, не неся по существу требуемой ответственности. Открещиваясь тем, что продукция не подлежит обязательной сертификации, они кормят нас, если ничего не сказать, заменителями натуральных продуктов.

Но об этом все и многое знаем, читаем и слышим. Я об другом. Возвращаясь к общению со своим новым приятелем и даже больше, коллеге, с кем у нас сейчас тесный творческий союз. Звать моего коллегу Владимир, он, как и я пишет стихи. Вернее, возобновил свое творчество после того, как я «убедительно» с ним пого-

ворил. Рукоприкладства с моей стороны не было, хотя он изначально руками и ногами открещивался от моей затеи продолжить писать. И вот, «поварился» в нашей поэтической кухне менее года он сделал мне следующее натуралистическое признание: «Я раньше думал, что поэзия и всё, что с ней связано — это что-то высокое, святое. А оказалось, что в ней столько грязи...». Он своим пытливым умом пытался, подобно ученику с большим желанием освоить интересующий его материал и в результате столкнулся с тем, что в корне изменило его первоначальное мнение, но, к счастью, не убило желание писать. Я ему очень благодарен за то, что он, как и я, в крайнем случае в спорах и диспутах со мной, очень объективно оценивает различные аспекты и по всем вопросам имеет свое личное мнение. Хотя, в некоторых случаях оно и расходится с моим. Но так и должно быть. Мы же индивидуумы по многим критериям.

У нас, в нашем поселке, у кого-то в селе по соседству, бывает живут люди, о которых мы практически ничего не знаем и сами о себе они тоже не любят рассказывать. А потом, узнав случайно со стороны, удивляемся. А всё потому, что эти люди очень скромные и боятся о себе большой огласки. Другие, наоборот, стараются всячески выпучить своё «Я!» Сами понимаете, что из сказанного лучше, а что хуже. Я думаю, что плохо и то, и другое. Но, знаете, как бывает обидно, думаю и тем, кто не привык выставляться на показ, когда откровенная бездарь бьёт себя в грудь кулаком и кричит — «Я, гений! Я —Талантище!...» Если и не кричать

на всех перекрестках, то сильно заостряют на этом внимание оппонентов. Мой дорогой читатель скажет: «Да, ты сам такой! Что о других говорить?...» Не знаю, возможно я и перехожу грань приличия в разряд хвастовства? Если я на поэтических чтениях, когда мне предоставили слово, объявил, что можете поздравить, меня приняли недавно в РСП (Российский союз писателе) и после этого в перемешку с поздравлениями, услышал откровенные усмешки, чуть ли не обвинения в измене Родины. Кто-то от души радовался, кто-то молчал, но по выражению глаз было понятно его внутреннее духовное состояние. Как бы вы себя чувствовали в такой обстановке? Вы скажете, не нужно было выпячиваться, пусть бы на похоронах всем бы и объявили, что вот так-то и так-то, был и жил среди нас... Но, сразу поясню, что это не награда. Это принятие в ряды профессиональных писателей и поэтов, лишь аванс или, как в современном обществе, вступление в какую-либо партию, которой вы симпатизируете. Разве я не имею право в свободной стране вступить в то объединение, к которому, не скорою, у меня лежит душа. А споры по поводу всяческих союзов были, есть и будут в дальнейшем. Скажу больше, экономическая составляющая общества пробралась повсюду и творческие союзы не исключение. Хоть из другой сферы, но могу привести пример на актуальную тему — пенсионный фонд. Наверное, многие слышали и читали, что он банкрот. Как так? Такие отчисления идут и банкрот? А сколько дармоедов нужно кормить и зарплаты, я вас умоляю, не наши «минималки».

Простите, отвлекся! Вот, опять к примеру, жил в с. Мало-Кирсаново наш коллега, которого и я бы не знал, не случись поэтического конкурса, которое организовала газета «Деловой Миус» в прошлом году, не знал бы о нём. Это Евгений Евгеньевич Остапов. Я только успел сдружиться с ним, после того, как встретились на подведении итогов и вручении призов, где он стал победителем в одной из номинаций. К сожалению, его уже более трех месяцев, как не стало и многие, уверен, ничего о нем не знают. Он немного написал стихов. Благо есть сайт Стихи.ру, где можно познакомиться с его творчеством и творчеством его тоже покойной мамы. С виду серьезный человек, а каким он юмором обладал, а хотелось сказать обладает, но увы... Достаточно почитать его пародии на бездарные стихи, лучше сказать даже — вирши. Почитайте, не пожалеете. Юмор «Кривого зеркала» отдыхает, я вас уверяю. Благо, что у меня есть возможность в память о замечательном поэте, член Союза писателей Дона, член Таганрогского литературного объединения «Чайка», автор трёх книг, автор и исполнитель собственных песен. А, что мы о нём знали при жизни?

Остановите в Матвеево-Кургане любого человека и спросите, каких писателей и поэтов они знают, уверен, что назовут, в лучшем случае три-четыре фамилии. Другой пример, об этом человеке знают большинство жителей посёлка и района. Это Владимир Москаленко. Почему привожу в качестве примера нашего, без преувеличения, знаменитого земляка, авто-

ра монументальных романов? Да потому, что он, в отличие от многих других, не имеет каких-либо званий, регалий, проще говоря — он сам по себе. Что это значит? Когда даже собираемся мы, авторы стихов (я умышленно стараюсь обходить это слово — поэты), то Владимир часто повторяет, но я же не столько поэт, я писатель в первую очередь. В прошлом году было решено исправить эту несправедливость, организовать литературное объединение, в которое планировалось включить всех пишущих людей, авторов прозы, поэзии, публицистики. Что из этого получилось, не хочется и вспоминать. Ну, если не нравилась всем кандидатура председателя в моем лице, предложили бы другого или не голосовали за выдвинутую на собрании. Но самое обидное, что впоследствии те, кто голосовал за меня, пошли в открытую конфронтацию отношений. Владимир просто делает и делает очень хорошо то, что пишет романы и рассказы. Но в современном обществе быть затворником, как Диоген или бирюком, как волк одиночка, непозволительная роскошь траты драгоценного времени впустую практически. Почему я так категоричен? Да, потому, что организовала газета экспресс-интервью с Владимиром. Было приятно читать, хотя все сказанное конкретно о нем, я давно знаю из его же высказываний при встречах в беседе. А где преемственность поколений, передача опять молодым авторам? Вот в этом и должно бы помочь объединение, у которого задачи намного обширнее, чем просто встречи, я их называю посиделки в поэтическом клубе. И пока вспомнил

за это единственное место в Матвеевом Кургане и районе, где постоянно встречаются авторы стихов, откуда и название клуба «Поэзия Примиусья», хочу выразить работникам Межпоселенческой центральной библиотеки огромную благодарность за их непосредственное участие в поддержании «искры» поэзии в районе. Слово искра вызвало другое воспоминание, о названии несостоявшегося объединения. Мы его тогда большинством голосов назвали «Данко», то есть объединение людей, дарующих все свет своей души и жар сердца, как это сделал в свое время, пусть и как литературный герой, Данко. Были и сторонники, желающие назвать объединение «Гений». Лично у меня это вызвало не возмущение, негодование. О каких гениях идет речь?

Ну и раз те события постоянно всплывают в памяти, и я о них немного уже сообщил, то, как говорят «сказал «а», говори и...». Хорошо. На одном из мероприятий, состоявшихся в стенах библиотеки, я попросил остаться всех, кто относит себя к поэтам Примиусья. Это было сделано для того, чтобы ознакомить всех, не присутствующих на собрании, на котором было организовано литературное объединение (я даже поспешил такую новость разместить в газете, и заметка вышла в свет), смогли познакомиться с Уставом и задачами. Нападкам я был подвергнут в основном со стороны двух человек, один из которых мой заместитель. Ну, не угоден человек, соберите то же собрание, подговорите тех, кто может поменять свое мнение и сделайте все цивилизовано. Нет, нужно сделать так,

как на «Майдане». Именно по таким же технологиям, каким в настоящее время не брезгают ни в политике, ни в других сферах общества. Это я называю так — «Облей грязью другого и пусть он потом попробует еще отмыться, если захочет». А вы бы работали в том коллективе, где вас незаслуженно облили грязью, а весь коллектив тихо созерцал на это. В чем причина? Вы будете смеяться — членские взносы. Все помнят комсомол, КПСС или различные общества, типа «Охрана памятников», где повсеместно были взносы, иначе объединение не сможет просто существовать. Не хотите, чтобы в нашем районе развивалась поэзия, появлялись новые имена — не нужно. Они, если сильно захотят, как «росток, пробив асфальт», пробьются сами, но кого они вспомнят добрым словом? Кто им подал руку помощи? Вы, Гении?

Как бы не странно прозвучало, но я благодарен «гениям» и тем, кто своим молчанием помог вершить суд за то, что этот инцидент стал толчком и началом изменения не только тактики — стратегии, я поставил стратегические задачи и с помощью Господа их осуществляли. А вы «гении» думали, что раз вы гениальны, то в РСП или других союзах и объединениях, низко кланяясь вам, зная вашу гениальность, будут бесплатно печатать ваши гениальные вирши? Это я мог бескорыстно изготавливать самиздатовские брошюры с вашими стихами. А я там плачу 200 рублей ежемесячно и имею, конечно, кое-какие привилегии по сравнению с теми, кто не является членом союза. Заплатив ту же сумму, как и год раньше в сборниках «Стихи» мне

предоставляют 4 печатные страницы вместо одно-двух. А бесплатного сыра в наше время нет даже в мышеловке. Есть еще льготы, о которых здесь говорить нет смысла.

Еще на одном хочу заострить внимание читателей. Вот иногда в регалиях я читаю, что этот человек является членом Союза журналистов. Интересно, как их мнение по вот этой теме, которую я пытаюсь поднять и скажу честно, не в первый раз. Опять же иногда слышу название «Объединение творческих сил Примиусья». Я на полном серьезе не знаю — это что-то надуманное и неработающие или действующий союз, объединение? И по поводу «гениев», почему — то мне кажется, что у нас, как минимум на бумаге есть такое объединение талантов, о которых хотелось бы узнать побольше. Я серьезно, без иронии. Знаю, что журналисты, в отличие от другой пишушей братии более пронырливые и смогут узнав, проинформировать меня об этом. Я буду им за это очень благодарен. Хотя понимаю, что с такой репутацией, да еще припозорившись званием «член РСП», мне нет места среди гениев, но хотя бы о их гениальных работах можно где-то ознакомиться. Я не скрываю, например, что издал три книги, третью книгу «Счастье жить» получил буквально вчера. А сегодня со сборником можно ознакомиться в центральной библиотеке. Кроме того, на сайтах Стихи.ру, Проза.ру, в группе «Поэзия Примиусья» в которой я являюсь администратором уже пять лет. И, по понятным причинам, там не желают размещать свои стихи «гении». Кто желает иметь дело с изгоем.

Если что-то не так, простите. Я человек прямой и юлить, в отличие от некоторых или менять «лошадей на переправе» не привык, какой есть — такой есть. Если, о чем я сильно сомневаюсь, заметка выйдет в печати, не судите меня строго, уважаемые читатели. Я и так «срок тяну». Христос завещал нам каждому нести свой крест до конца. Что я и делаю. И вам желаю того же.

30.06.18 г.

Моя хата с краю... или улица родная, Первомайская, моя

Обе Родины малые дороги мне

Существует два распространенных толкований поговорки — моя хата с краю...

Первое значение поговорки, бытующей в лексиконе украинского козачества было таким: «Моя хата з краю, першим ворога зустрічаю!» Затем стали говорить иначе: «Моя хата с краю, ничего не знаю», «Я тут не при делах». В нашей семье издавна, сколько помню из уст отца, она звучала так: «Моя хата с краю — всю беду я знаю».

Я, хоть человек не такой уж и древний, есть немало «древнее» люди, не обиды ради скажу, а, наоборот, желая им здоровья и долголетия, но суеверный и придерживаюсь норм и жизненных канонов предков. Наша семья переехала в Матвеев Курган в 1975 году. И родители стремились купить дом на ул. 1 Мая. Хотя рассматривали и другие варианты. Меня мнения ни-

кто, не спрашивая, решили родители — я тогда служил в ВМФ. До этого мы жили в с. Марьевка, в начале села, на въезде в село наша хата, 1927 г. постройки, в последствии обложенная кирпичом, стояла второй с краю, и была расположена, в отличие от современных правил, фасадом не на улицу, а на восток, а на улицу смотрело одно окно из кухни. Через это окно, в основном мы и познавали мир.

А в детстве мир обогащался не с помощью интернета — видением окружающего мира (телевизора, даже света в селе долго не было), из рассказов родителей или балагурства стариков на вечерних посиделках. Своего деда я не помню, к сожалению, был мал, когда его не стало. А вот байки соседского деда Духана, после неспешного раскуривания трубки и пары смачных затяжек самосада, с «выхлопом» клубов дерюжного и одновременно знакомого нам с детства дыма, мы слушали с большим вниманием. Память имеет свойство забывать малозначимые события и информацию и запоминать на всю жизнь то, что забыть невозможно.

Рядом располагался небольшой пруд, где все лето на нем обитали гуси и утки, как наши, так и тех, кто жил недалеко. У этого прудка часто практически ежегодно летом останавливался цыганский табор. Нам не нужно было кино, мы, затаив дыхание, из нехитрых естественных укрытий наблюдали за тем действием, которое происходило на поляне, с разосланными коврами и самоваром до поздней ночи. Пару раз в неделю привозили кино, которое изначально прокручивали с помощью «ЗИД»ка (двигатель завода имени Димит-

рова), а потом построили новый клуб, провели электричество и мы, идя в клуб дождливой осенью, перелезали через глубокую, кое-где по пояс, колею или под уличными фонарями или с помощью карманных фонариков. Если ты — пацан настоящий, то должен был иметь свой фонарик и, желательно, не «жучок» какой-то, а «китайский» на три!!! батарейки, с отличной оптикой и фокусировкой.

Моя хата с краю

Раньше деревни располагались длинной линией домов вдоль дороги. И на живших с краю людях была особая ответственность — первыми встречать любую опасность и, при необходимости, давать отпор любой опасности. Поэтому, заявляя «моя хата с краю» крестьянин на самом деле говорил: «я готов своей жизнью

охранять покой своей деревни». Приведенное выше высказывание я позаимствовал из интернета. Хочу просто сказать, что в Марьевке мы жили на ул. Первомайской.

Почему сейчас я живу неизменно на ул. 1 Мая? Да потому, что моя мама жила с родителями еще до войны на ул. 1 Мая, только номера домов менялись. Это потому, что изначально люди строились не так густо и домовладения имели приличные земельные наделы. Я помню, что домик, отстроенный после войны моей же мамой, а она была тогда хрупкой 16—17 летней девушкой и бабушкой, ее мамой Варварой, носил номер — 8, потом 12, 16, 20, 26. На 26 номере, пока нумерация замерла. Конечно, того домика, с двумя маленькими комнатушками и земляным полом, давно уже нет. На его месте стоит большой дом новых хозяев. Но первая хатенка помнила обстрелы и, когда родные отсиживались в подвале, в нее попал снаряд. Что могло уцелеть от того времени «куренья»? Дед Петр и тетя Лида ушли на фронт, а вскоре, весной 1944 года проводили и среднего, брата Василия. Бабушка пережила, сначала пропажу детей, сына Василия и дочери Марии (моей мамы), которые, пока Матвеев Курган был занят нашими войсками, ушли в сторону ст. Успенской для того, чтобы обменять вещи на продукты и в с. Первомайском их война задержала на долгие 9 месяцев (если не ошибаюсь с датами). Фронт двинулся и правобережье Миуса оказалось изначально занято немецкими оккупантами. Где было сердце ма-

тери, которая была в неведении, что случилось с ее детьми. Василию было тогда 16 лет, маме 14.

После освобождения Матвеева Кургана от захватчиков, вскорости ушел на фронт Василий, вытянулся за счёт скудной пищи, пока был на оккупационной немцами территории на пару сантиметров, которых не хватало, чтобы он ушел добровольцем туда, где давно воевал отец Василия и старшая сестра Лидия — на фронт. Бабушка и мама остались одни с могилкой захороненного на усадьбе участника боев на «Миус-фронте». Это был молодой лейтенант, останки которого перезахоронили в братскую могилу в сквере Матвеева Кургана.

Очень любил я свою, хоть и узкую, но тихую и одновременно шумную улицу 1 Мая, когда молодежь шла на очередной сеанс или после него, когда под бледным светом фонарей, по бульжнику улицы прогуливались влюблённые парочки. Я жил у бабушки с 1970 года, учился в средней школе №1, и как в далеком детстве, также любил сидеть за столом на кухне и смотреть в такое же одно окошко, выходящее на улицу, с той лишь разницей от сельской хаты, что здесь хата смотрела «лицом» в сторону центра поселка, на запад. Не считая годов учебы в институте, службы в военно-морском флоте, через неделю буду отмечать полувековой юбилей, как я являюсь жителем Матвеева Кургана. Поэтому я одинаково люблю и малую родину, где родился, с болью в сердце вижу, как валятся стены неухоженной хаты в родном селе и ту хатку в центре поселка, в которой мне еще приш-

лось пожить уже семьей с двумя детьми около двух лет.

Ещё, почему выбор родителей выпал именно на доме, который располагался в самом конце улицы и всего поселка с его восточной границы — это потому, что мои предки всю жизнь прожили в селе, отец любил просторы степные, природу рядом с домом. А маму устраивало, что её мать жила на этой же улице и так уж далеко. Мы долгое время держали подсобное хозяйство, без которого в 70-80-е годы, да и позже было трудно прожить на небольшие зарплаты (мама работала лаборантом в школе №2, отец оператором котельной).

От деда Прасола до наших дней.

Вот, если сейчас вы проведёте опрос, а в наше время это сделать «проще пареной репы», то вряд ли кто даст правильное определение слову прасол. Вот только люди старшего поколения, проживающие в селе, ставшим мне родным в прямом смысле, так как я в нём родился, то они ответят, что знают Прасолов — это семья, никого из членов которой в ней не проживает, если брать родственные связи по мужской линии. Во многих селах и в наше время людей называют не по фамилиям, а по прозвищам. Часто, даже те, кого называют по прозвищу, не знают истинного его значения. Но, если не дали «кликуху» хромому, из-за травмы человеку, как Ванька Хромой.

Вот и я, до 15-летнего возраста, как минимум, пока я жил и учился в селе, меня иначе, чем Саня Прасол не звали. Точно так и моих братьев, и отца. Если да-

вать краткую расшифровку прозвища, то она означает следующее. Прасол — человек, занимающийся оптовой скупкой мяса или рыбы, с целью ее дальнейшей реализации. Самый простой пример, купил окорока, засолил их и потом, закоптив, продав на рынке или, если имеется, то в своем ларьке; засолить, купленную свежую рыбу, засолить, провялить или закоптить и т. п. Как я слышал от сторожил села, прадеды мои этим и занимались. Есть версия, что они ездили на побережье Таганрогского лимана или дальше, закупали рыбу оптом. Чтобы она не испортилась, естественно, ее сразу просаливали и везли домой. Транспорт, сами понимаете, был не такой уж скоростной. Вот потому и прозывали таких людей прасолами, по виду занимаемого промысла. Эти прозвища, как клеймо прилипали ко всему роду, только, если я не забыл окончательно грамматику, что касаясь обращения к человеку, то нужно писать, как минимум с большой буквы.

Очень жалею, что я, из-за малого возраста, мне не исполнилось и трех лет, как не стала деда — я его не помню. Судя по фото, это был мужественный, уверенный в себе человек, но, как большинство людей того поколения, добрый и безобидный. Его жена, уроженка села Милость Куракина, ныне село Политотдельское, была хрупкая женщина, родившая ему 12 детей. Но не всем судьба была выжить. Этому причина — голод. Выжили половина, три сына и три дочери. Старший сын пропал без вести на фронте, средний, окончивший перед самой войной Азово-Черноморский институт, стал главным инженером

военного завода и был с ним эвакуирован в Среднюю Азию. Мой отец, самый младший, 1927 года рождения, был призван в конце 1944 года в Армию и боевых действиях участия не принимал.

Дед Федор был хозяином, а потому в его хозяйстве и отмеренных на каждого «едока» аршинах земли был порядок и достойный, по тем временам урожай. Достаточно сказать, что отца бабушка Анастасия родила под копной во время работ по вязке и уборке снопов. Так, что день его рождения я считаю приблизительным. Она говорила: «Я Ваню родила под копной, во время косовицы...». В те годы было незазорно, взяв на плечи оклунок (неполный мешок) продовольственного товара, пеши идти в г. Таганрог на рынок, чтобы там продать товар и купить всего необходимого. Не всегда по дороге попадалась попутная подвода, а путь, даже на простец был более 50 км. Как правило, в Таганроге приходилось ночевать у знакомых людей или тех, кто брал на постой. Видимо, еще с тех далёких дореволюционных и послереволюционных лет, у бабушки вошло в привычку привозить из города какие-либо сладости, типа «петушка на палочке» и вяленых бычков. Не знаю почему, но я кроме них, другой рыбы не помню. Во время коллективизации деда Прасола, хоть и не раскулачивали, но прилично «потрясли», как «средняка». И это за то, что он трудился лучше других и потому хозяйство было более зажиточное. Конечно, Советская власть ликвидировала эту «несправедливость», отобрав коров, лошадей и сделав его, как всех, «голым и босым».

В послевоенное время дед Прасол работал пожарным. Даже в те тяжелые годы, в селе была каланча, были дежурные, конные повозки с бочкой воды и ручным насосом. Пожарный экипаж выезжал на все возможные пожары.

За годы проживания на окраине поселка и после того, как Матвеев Курган разросся поселками: и за 2 школой, и за М-Курганским ВДПО, которое изначально располагалось на возвышенной окраине М-Кургана, и за М-Курганским АТП с нашим домом на противоположной стороне улицы, и за 3-й школой и за Транссельхозтехникой, лично мне приходилось тушить с десятков серьезных пожаров. Чаще всего, это были неотложные действия по нераспространению пожара на жилые дома. Доходило до смешного, хоть при пожаре места для смеху нет, после того, когда у нас появился телефон и мы оперативно звонили по 01, и называли адрес пожара — на том конце провода говорили: «Это Иванченко звонит?!» Возможно, нашу семью Прасолов записали в народную пожарную дружину, не поставив нас в известность. Как бы там не было, но то, что на пересечении улиц 1 Мая и Шолохова, т.е. напротив родительского дома и нынешнего моего, а они ровно напротив и за ними лесополоса и дорога, только здесь и сохранились лесонасаждения. Это те деревья, которые нашей «семейной пожарной команде» удалось за все годы отстоять у пожаров.

Августовская ночь

По горькому опыту мы знаем, что август — самый пожароопасный месяц года. Жара, сухая трава и вет-

ра — основная почва для случайных или преднамеренных пожаров. Как-то мне удалось поймать даже поджигателей. Они осмелились прибежать и посмотреть на плоды их «подвига», т.е. поджога травы и деревьев в лесополосе. Крайний раз до прошлой ночи был пожар в августе на пустыре за АТП, при южном ветре он стремительно надвигался на мой дом. Отстояли и, практически затушили с женой и подросшим на помощь соседом с поселка. Я тогда сильно надышался дымом, но пламя до приезда пожарной команды остановили.

Сегодня я собирался ехать к г. Таганрог, в больницу, по решению вопроса оперативного вмешательства, для устранения катаракты глаза. Не судьба. В 01—45 жена негромко позвала, чтобы избежать стресса и сказала причину — пожар! После перенесенного инфаркта, я вам скажу — не самое хорошее известие. Благо цивилизации — телефон под рукой. Языки пламени, поднимающиеся над производственным корпусом автотранспортного предприятия — моего «соседа», поднимались высоко над крышей. Пыхало все здание, стоял специфичный завывающий гул ветра с языками пламени и треск лопающихся оконных стекол. 112 принял вызов, уточнив отчество. Подзабыли уже меня за два-то года — подумал я.

Действия у нас с женой отлаженные и отработанные до автоматизма. Через 3—5 минут мы уже заливали сухую траву, деревья и все, что было в досягаемости 45 метров поливочного шланга. К нашему счастью, если так можно сказать в данной ситуации, нам повезло —

ветер дул в сторону двора АТП. Трава от горевшего здания до ограждения территории выгорела, в сторону нашего участка ему путь преградило орошение, которое мы производили с женой поочередно, меняясь в пожарном расчете местами, как у пулеметчиков, первый и второй номер. Я это знаю потому, что отец служил пулеметчиком, первым номером — это стрелок и переносящий ствол, второй номер переносит станину и подает патроны. У нас был даже не пожарный ствол, но первичное средство пожаротушения, которое, наравне с ведрами, наполненными водой — незаменимы в таком случае.

Слышу голос из темноты: «Иваныч, доброй ночи!...»

Узнав голос своего студента, ответил: «Сереза, ты так считаешь, что эту ночь можно назвать доброй?!...».

«Это у нас второй вызов за ночь. Первый пожар был в Ряженом. Трава горела, машиной по буеракам не подъедешь...».

Вот теперь, думаю, мы с женой Олей можем расслабиться, спецы приступили к делу. Если после бессонной ночи не разучился считать, то в пожарной части в Матвеевом Кургане работают шесть бывших студентов. На каждого можно положиться и работают они уже в основном более 10 лет. Сколько у них за время службы, а для них это служба, вот таких пожаров и более сложных? Не счесть. Может быть у них, как и у летчиков считается количество пожаров или часов работы на пожаре, как у летчиков? Не знаю. Знаю одно — на месте профессионалы. Можно теперь и расслабиться.

Время — четвертый час. Заснуть бы, но... Видимо — не судьба сегодня спать. И Таганрог отложить придется. Лежу, открыв шторы. Окно выходит ровно на огород и на то здание, в котором сторело и пришло в негодность оборудование, материальные ценности. Специалисты, конечно, разберутся и установят причину пожара. Уже светает, но рассветная заря пока еще не может соперничать с яркостью пожара, освещающего заодно и мою комнату. И когда затих рев машин и работающих насосов, а с ними и крики тушащих пожар, зарево с востока одержало победу над заревом пожарища. Пожар локализован, но окончательно не ликвидирован. Это я вам говорю, почти что, как профи. Большой стаж тушения пожаров и помощи специалистам в этом, чего не кому не хочу желать. А знать меры предосторожности нужно.

Еще один случай. Стучит знакомый парень ночью. Я узнал голос:

«Дядя Саша, просыпайтесь!»

Первое, что приходит в голову — парень набрался изрядно и ищет, где бы добавить. Выхожу и слышу:

«Вы спите, а дом вашей матери скоро загорится...».

Не раздумывая, бежим с женой в материно подворье, где огонь подступает к подсобным постройкам. Сотовых не было, наполовину затушили пожар ведрами и остановили его до прихода пожарных машин. Это только еще один пример из десятка (а кто их считал, может быть и больше).

Своё крещение, как пожарного я получил в далёком 1973 году, когда на тракторе Т-4А с плугом тушил

опашкой и сносом корпусом плуга горящие строения птичника у села Петровка, где неподалеку я работал на поле.

А жара-то не унимается. Обещают на пару дней дождя. Но их нет, как всегда. Будем бдительны, не пройдем мимо начинающегося очага пожара, и не будем стоять, включив гаджет, чтобы только снять шокирующее видео или сделать фото. Держите наготове подручные средства пожаротушения и желательно запас воды. Помню, когда даже на домовладениях, на домах ВДПО развешивало таблички, что должен иметь наготове хозяин этого дома и какие его действия в случае пожара. Крупных организаций уже нет, где были организованы отряды добровольных пожарных дружин, как в СХТ, например. Стихия сильна. Мы можем с ней справиться, только сплотившись общими усилиями. Я так думаю, а вы?

21.08.2020 г.

Просто равнодушный

Если я скажу: «Моряк моряка видит из далека!», — то меня поправят, сказав, что эта поговорка о рыбаках. Хотя мог бы и поспорить, так как видимость на море до горизонта в разы превышает видимость на суше, из-за множества преград и рельефа. А уровень моря, без учёта волнения на нём — он и в Африке, и в Америке, и на Балтике, где я служил, и на морях Северного флота, где служил Владимир Брагин.

Так вот и мы с Володей, называю его так, потому что с некоторых пор мы с ним дружим и, вероятно, что причина понятна — мы с ним братишки, не братья — братишки. Кто с Владимиром Юрьевичем не знаком, я по большому флотскому секрету могу подсказать, как вы сможете и где увидеть, и, если захотите познакомиться, то уверен, что при виде его, у вас появится такое желание.

Владимир, высокий и стройный мужчина, с красивыми усами, с позитивной доброй улыбкой и очень общительный. Не верите? А вы его только затроньте и убедитесь. Где? Если вы в субботу решили, с пользой дела, прогуляться по центральному рынку в Матвеевом Кургане и зайдёте не с западного входа и не с центрально, а с восточного, от магазина «Зималето», увидите слева от прохода кресла-качалки. Они изготовленные с любовью умельцем, который, с теплом рук, вложил в сплетения лозы и звенящий

на ней, что на струнах восточный ветер, и ласку южного солнца, напоённую в половодье водой стропитового Миуса, и блаженство отдыха, после трудового дня, с газетой в руках, станет для вас таким незабываемым наслаждением.

Владимир проживает в х. Шапошниково, что расположено в живописной местности окраины Донецкого края с высокими, скруглёнными отрогами, с целебными травами, шиповником, родниками и вьющимся, «як мий ус», нашим любимым и славным Миусом. Если бы я родился и вырос в таких красивых местах, то стал бы, или художником, или поэтом, а может быть, как и у Владимира, у меня бы открылись способности мастера-лозоплетельщика. Но не судьба!

Когда-то у нас, северо-западнее М-Кургана, между старым руслом реки Миус и х. Староротовка располагалось М-Курганское лесничество. И на этих землях выращивали венечное сорго, помимо саженцев лесонасаждений, сосны, берёзы, акации и других деревьев, высаживалась лоза ивы и других кустарников. Из лозы вязали корзины.

Этим июльским утром, когда в голове у Владимира, отслужившего 10 лет на подводном ракетоносце старшиной команды дизель-генераторных установках, уже были мысли о поездке на открытие памятника ветеранам ВМФ, он спешил с супругой Екатериной заготовить, пока не жарко, лозу, для будущих кресел. В районе отстойников, где прорастала лоза на заросшей и бурьяном территории, Владимир не заметил, как без малого не провалился в открытый канализационный

колодец. И, пожалуй, что провалился бы, если бы не то, что заставило, не совсем молодого человека, но со спортивной выправкой и реакцией, подобно Мюнхгаузену, выдернуть себя из неминуемого «костолома» и, благодаря каким-то цирковым кульбитам, удержаться наверху.

Но то, что он увидел на двухметровой глубине, заставило не несколько секунд потерять дар речи. В колодце что-то неведомое пыталось толи ухватить Владимира, толи... Мурашки невольно пробежали по спине. Он не из робкого семейства. Достаточно сказать, что более 20 лет назад, Владимир, в одиночку справился с двумя вооружёнными ножами грабителями, набросившимися на одинокую женщину, обездвигив их и сдав сотрудникам милиции. Об этом случае земляки узнали из заметки «Шёл моряк по хутору...» в газете «Родник». Но момент неожиданности, конечно, был. В колодце безрезультатно пытался выпрыгнуть младенец косули. Ограниченное пространство не давало ему сделать разгон для прыжка, и он уже выбился из сил.

— Катя! Иди скорее сюда... Жаль, ни верёвки нет, ничего. Когда эмоции остыли и мысли приобрели способность рассуждать аналитически прагматично, Владимир добавил командным голосом, как будто стоял на боевом посту в своём отсеке АПЛ:

— Катя, звони в МЧС, 112!

Дежурный долго не мог понять, не прикалывается ли человек, который быстро и слегка сбивчиво пытался объяснить ситуацию. Это Владимир, взяв ко-

мандование на себя и заодно телефон из рук супруги, объяснял в чём должна состоять помощь сотрудников МЧС. В конце концов, уточнив место происшествия, дежурный ответил коротко:

— Машина вышла! Встречайте. Когда в автомобиле УАЗ с отличительными полосами вышел один водитель, люди, нашедшие животное, нуждающееся в спасении, вначале опешили, предполагая увидеть, как минимум двоих-троих спасателей. Но благо, что в колодец попала не взрослая косуля.

— Показывайте, что тут у вас! — спросил улыбающийся молодой человек в спецодежде, ростом под два метра.

— Благо, что не тигр, волк или бешенная собака, — улыбаясь и шутя успокоил сотрудник МЧС.

А у молчаливых, после сказанного, присутствующих вновь появилось сомнение, толи он и правды со всем перечисленным успел столкнуться, толи — это всё образное сравнение.

Попытка завести под брюхо верёвку не удалась успехом и тогда специалист примел «ловчую петлю», применяемую для отлова собак. Ловким движением петля была накинута и мужчины освободили пленницу или пленника из заточения в бетонной «темнице». Секунда замешательства и стартовым высоким прыжком, испуганный, но не ставший от этого менее грациозном, при беге косулёнок, резко остановился на асфальтированной проезжей части дороги, подарил благодарный и благородный одновременно взгляд спасителям, через два-три прыжка скрылся в густой

травянистой растительности нашего родного, богато-го к тому же и дичью, Примиусья.

То чувство, которое испытали все, присутствующие при этом, невозможно передать. Я могу только догадываться об этом.

В воскресенье, на празднике Дня ВМФ и открытия памятника ветеранам, где Владимир был заслуженно награждён медалью «Ветеран-подводник», в двух словах мне рассказал эту историю. Но со временем она забылась, затёрлась и смешалась с житейскими вопросами в «слоённый пирог». А сегодня, в телефонном разговоре мы вспомнили эту историю. А поводом к тому послужил случай, показанный по ТВ о спасении тигрёнке на трассе. Надеюсь, что вы тоже это видели. И я верю, что не только Владимир Брагин, не оставил бедного малыша красивой благородной породы в беде, он просто этого никогда не позволит себе, он тоже из благородного рода равнодушных людей, но и каждый из нас, не так ли, сделать маленькое доброе, из которого будет складываться большое, в мировых масштабах.

P.S.: Сегодня с работы шёл на протец и чуть не наступил на фазана. Его характерные громкие хлопанья меня приятно испугали. И испуг моментально переформатировался в добрую умиротворённую улыбку.

2023 г.

Общества устои и люди-изгой

От том, что служба в Военно-морском флоте является одной из трудных в физическом, но главное — в моральном качестве, в психологическом напряжении, хоть и почётной, бесспорно.

Вот о этой бесспорности и хотелось бы мне с Вами поговорить, обсудить вопросы о ВМФ в широком смысле и в рамках нашего региона, района, посёлка, села. Какое у нас уделяется военно-патриотическому воспитанию будущих защитников нашей Родине, в качестве почётных представителей от нашего примиусского края в рядах ВМФ.

Немного об истории.

Многие знают, что заслуга в этом нашего одного из первого, но однозначно самого великого реформатора России, Петра Первого. Его огромная заслуга в том, что Россия стала великой морской державой. Историки иногда спорят, какой город считать колыбелью Российского флота.

Многие считают и не без основания, что Воронеж — «колыбель русского флота». Петром Первым в 1695 году была заложена здесь верфь и уже 2 апреля 1696 года на воду спущена первая галера «Принципиум», а затем и «Святой апостол Пётр» 26 апреля того же года. Почему в Воронеже? Царь Пётр имел план, после неудачной осады турецкой крепости Азов, усилить своё влияние на воде. Корабли с р.

Воронеж легко перегонялись по р. Дон в Азовское море.

Архангельск также оспаривает право называться «колыбелью русского флота», т.к. там в 1693 году Петром I заложен первый фрегат, а в 1694 г. уже сошёл со стапелей «Святой Павел».

А многие ли знают, что первым Российским флотом был... какой? Балтийский!? Не-а! Не угадали ни разу.

Первым был создан Азовский флот, который в апреле 1696 г. состоял из 22 галер, галеаса (галеас — большая галера) «Святой апостол Пётр» и 4-х брадеров (название плавательных средств взято от слов пожар, горение — судно, нагруженное легковоспламеняющимися и взрывчатыми веществами, предназначенное для поджога или подрыва вражеских кораблей).

В походе на Азов 22 мая 1696 г. русские одержали свою первую победу под Азовом. Боевые действия с участием Азовского флота проводились и в устье Дона. Потерпев поражение, турецкий флот отошёл в море, а Азов с 12 июня по 19 июля находился в блокаде. После блокады турки сдали город-крепость.

Это была первая победа русского флота. И это произошло даже раньше, чем официально был создан флот. Датой создания регулярного военного флота России считается решение Думы от 20 октября и 4 ноября 1696 г.

В 1699 году был осуществлён первый поход Азовского флота. Русский флот показал Турции силу, кото-

рая до этого беспрепятственно властвовала в Чёрном и Азовском морях. А в 1700 году с ними был заключён мирный договор на 30 лет. После смещения интересов России на север, в сторону Балтики, Азовский флот, просуществовав около 10 лет, прекратив своё существование, русские оставили Азов и по договору с Турцией была разрушена до фундамента Таганрогская крепость, основанная также Петром I.

Мне лично очень жаль, что произошли последние, описанные мной события, так как сейчас мы и Азов, и Таганрог, как и всеми любимый город Ростов-на-Дону считаем нашими самыми любимыми, с глубокими историческими корнями городами. Я бы гордился ещё больше, если бы мне довелось служить не на Балтике, а рядом с домом, на Азовском море, в том же Таганроге или Азове. Не судьба!

Из своей службы.

Скажу честно, три года для меня тянулись, как 33, скучно не было — было трудно и интересно. А, главное в том, что не жалею ни разу о том, что служил моряком-подводником Дважды Краснознамённого Балтийского флота. Свой дух укрепил до такого уровня, что всю оставшуюся жизнь легко справляюсь с трудностями, от которых другие опускали руки и пасовали.

Чем существенно отличается служба в ВМФ от других родов войск? Первое, одно из главных — отличное здоровье, как физическое, так и психологическое состояние. Второе, бегать и стрелять на ходу — нужны

Ветераны ВМФ Пруцев Н. А. и Пужалин И.П.

определённые умения и навыки, но обслуживать сложное оборудование ПЛ и кораблей куда сложнее и, главное — ответственнее. Чей-то промах или, как говорят: «косяк» в море может иметь непоправимые последствия. Потому, более важным, чем первое, является то, что на службу в ВМФ, как минимум в моё время брали физически здоровых парней, часто возрастом 19—20, так как призывники успевали мореходку закончить, кто-то имел штурманские навыки в гражданском судоходстве или торговом флоте, кто-то моториста, многие были со средне-профессиональным образованием, окончили техникумы, в большинстве своем технические или связи. Я призывался с незаконченным высшим образованием. Главным критерием отбора было

образование. После полугода обучения в учебке мы, сдав выпускные квалификационные экзамены и получив военную специальность, уже попадая на корабли и подводные лодки, за месяц на месте изучали материальную часть всего корабля, заведование всех боевых постов, боевых частей и служб. И после этого сдавали более важный экзамен допуска «на самоуправление кораблём (ПЛ — подводной лодкой)».

Вот самая главная причина того, что, когда в наше время приходит молодой «дембель» со службы, весь напыщенный и бьёт себя в грудь, завешанную медалями, и говорит: «Я — мореман!»

Я, улыбаясь, спрашиваю: «За что награды получил?».

Отвечает гордо: «За посещение Греции», «За парад на 9 Мая»!

И после пары вопросов, которые устанавливают все «точки над «и», понимаю, что у нас с ним одно только общее было — это то, что он был матросом и я был. А дальше он стал старшим матросом, не дослужившись до сержанта (в морском десанте только два низовых звания роднят матросов с «десантурой», а у меня были звания старшина 2-й статьи, старшина 1-й статьи... и... три года во флоте, на море, а не на суше и без получения медалей — нам за успешное выполнение таких заданий, в лучшем случае объявляли благодарность, устно перед строем и все дела. А вообще-то, лучшей наградой для тебя, когда ты ещё до дослужил до 2 лет службы, не став «подгодком» — это отбиться вовремя без «наряда без

очереди», которыми «награждали» не стесняясь за дело и без дела.

Чтобы получить отпуск нужно было совершить что невероятное и для большинства сослуживцев, как небо недостижимое. Но и это не главное, не то, о чём хочется сказать. А о чём?

ВМФ в наши дни.

Что сейчас для нас означает ВМФ? Разрешите начать с цифр. Чтобы сравнить на каком уровне находится наш ВМФ, скажу, что всё изменилось и существенно. На конец 1980 г. состав сил флота (стратегических и общего назначения) входило более 100 эскадр и дивизий, а общая численность личного состава ВМФ СССР составляла около 450 000 (в том числе 12,6 тыс. в морской пехоте).

В боевом строю флота находилось 160 надводных кораблей океанской и дальней морской зоны, 83 стратегических атомных подводных ракетноносцев второго поколения, 113 многоцелевых атомных подводных лодок и 254 дизель-электрических. На Балтике военноморские базы были в Балтийске, Лиенае, Риге, Палдиски, Кронштадте. То-есть на территории всех союзных республик и РФ. Я служил в Риге. В нашем 107 Отдельном дивизионе ПЛ, входящем в состав 78-й бригады ОВРа, кроме кораблей действующих, выполняющих непосредственно задачи охраны водных рубежей, находились и корабли резерва и хранения. Общая численность ПЛ в дивизионе доходила до 20 единиц.

Если представить, сколько ещё единиц дизель-электрических ПЛ находилось на названных выше военно-морских базах, то становится понятным, что от агрессивных замыслов наших натовских противников мы были надёжно защищены.

Что сейчас я нашел в доступных источниках: на Балтике сейчас 3 ПЛ, одна только в действии! И это в то время, когда Балтика прочно замкнёт нас в натовское окружение, с вступлением в её члены Финляндии и Швеции. А было время, когда мы виражировали там, где только возможно, отрабатывая учебные задачи и, как когда-то, более 300 лет назад, наш петровский боевой корабль вольготно «прогуливался» по Чёрному морю, напрягая нашего постоянного врага в этом регионе, Турцию, посетив Константинополь и принеся своим походом и эскадры Азовского флота, хоть и временный, но мир. Поговорка не устарела: «Хочешь мира — готовься к войне!». «За тех, кто в море!»

Какие праздники, связанные так или иначе, я отмечаю и, если не отмечаю, то имею, хоть малое к ни отношение? 23 Февраля, названный праздником Защитника, но отмечают его все, даже те, кто год назад родился и ему дают бутылку с соской, в котором «праздничное молоко». Из-за этого и не только, он мне всё больше не нравится. Не зря его стали часто называть «День мужчин», что тоже не справедливо, сами понимаете, почему.

Уважаю и считаю по-настоящему своим День подводника, отмечаемый 19 марта, так как в этот день в 1906 году Императорским указом Николая II подвод-

ные лодки были включены в классификацию судов морского флота. И, слава Богу, на него, кроме военных водолазов, пока никто не претендует.

День Военно-морского флота, не имеющего даты, отмечаемого в последнее воскресенье июля, для меня также был святым до некоторого времени. Кто его отмечает сейчас? Все! Это разве плохо? Нет, это замечательно, но как бы я хотел видеть этот праздник? Простите меня, десантура, я имею в виду ВДВ, которые, по-моему мнению просто позорят свой облик и частично элементы воинской формы (майки, береты, флаги и пр.), окуная свои тучные, зачатую далеко от трезвых, тела в фонтаны в парках и местах культурного отдыха горожан (а скоро и у нас такое может в моду войти, фонтаны есть и в центре, и в парке...). Десантура, только уже морская, своими «якорями» заполоняет весь посёлок, автомобили через один с флагом, имеющем соответствующую символику. Кто-то скажет, что они же тоже часть ВМФ. Согласен, но какая? Если взять статистику 1980 года, то они составляли менее 3% от всем мореманов, в большей части тех, кто видел море не только с берега. Согласен, что сейчас по некоторым данным состав морского десанта возрос до 5—6%. Но, братушки мои, мы не то, что отдыхаем, мы — динозавры в шерстяных клешах и суконных голландках. Мы «вымирающий» в переносном и прямом смысле, бывший воинский контингент, которых когда-то уважительно называли мореманы или братишки. Кончились мы, время десантуры пришло. А теперь серьёзно.

Спасибо бывшим воинам-морским пехотинцам за то, что отмечают по большому счёту и наш праздник, праздник тех, кто тоже имел когда-то отношение к ВМФ — это в знак «шефской помощи», так как День морской пехоты, отмечаемый 27 ноября. Согласен, праздник в конце осени — не праздник. Спасибо вам за то, что вы чтите память павшим героям-освободителям нашего посёлка и района во время боевых действий 1941—1943 гг.! Спасибо от души!

Если опять серьёзно вспомнить, какие войсковые подразделения входят в состав ВМФ, то получим следующее: надводные силы, подводные силы, морская авиация (береговая и палубная); береговые войска флота: морская пехота, береговые ракетные и артиллерийские войска.

Братва, а-у! Где вы все? Где надводники — наши постоянные противники в учениях и наяву, если со стороны противника? Где вы, подводники — элита флота, как можно слышать с высоких трибун и на праздники? А-у-у! Толи не слышат, толи даже слышать не хотят, а может просто привыкли, что к ним никто и никогда не обращается? Вспоминают чаще только в дни траурные и такие дни, к сожалению есть и в мирное время. Статистика трагедий, с гибелью подводников: С-117 в 1952 году в Японском море с 52 подводниками; К-129 в Тихом океане, недалеко от Гавайских островов в 1968 г., погибло 96 (98) подводников; АПЛ К-8 погибла в Средиземном море с экипажем в 52 человека в 1970 г.; К-278 «Комсомолец» в 1989 г. в Норвежском море погибло 42 чел.;

К-141 «Курск» в Баренцевом море в 2000 году, 118 человек погибло. Это только в послевоенное, мирное время. Дай, Бог, чтобы этот список не продолжался.

Когда нас вспоминают, подводников и надводников? Покажут на праздник фильм «Командир счастливой шуки», хороший отечественный, патриотический фильм, который я впервые увидел в 1975 году, в Севастополе, в учебке подводного плавания, как раз в такое время года, душным вечером, в открытом кинотеатре. Надо же, 47 лет прошло, помню, как вчера. «Секретный фарватер», «Слушать в отсеках», «72 метра» и даже американцы сняли фильм о наших подводниках «К-19». Эти фильмы я знаю наизусть и могу сравнить, насколько правдиво снят фильм и какие эпизоды снимали в павильонах, а какие в реальных условиях ПЛ. Вспоминают флот, когда спешно пытаются восстановить состав флота новыми надводными и подводными кораблями. Было время, когда безжалостно вырезали на судорезках те корабли, которые сдерживали распространение НАТО на восток и не только, возможно и в одностороннем порядке. Спасибо Владимиру Владимировичу и тем из высшего руководства ВС РФ, кто болеет душой за наш флот, авиацию, армию РФ в целом.

Всем нам хочется отмечать праздники родов войск в мирное время, от души и с радостью, что они у нас самые мощные, самые современные и потому мы спокойны за мир и за наши вооружённые силы, которые всегда начеку и могут дать отпор незваному агрессору. Морские пехотинцы, это и ваш праздник, отмечайте

его широко, как вы умеете, в отличии от нас..., я даже растерялся, не найдусь, как нас назвать, нас, тех кто отдал священный долг Родине и он был равен трём и четырём, а с довоенных лет до 1949 в ВМФ служили пять лет, нас, кто не попал «под девальвацию» призыва, сроком до одного года, но тех, кто за полсотни лет ещё не успел смыть с тела соль морей и океанов — мы этого делать за полвека никак не научились, в отличие от умения преданно Родину защищать.

Мы не вешаем ордена и медали, так как не смогли за три года заслужить столько наград, как те, кто служил в ПВ (погранвойсках), не имея ввиду тех, кто кровь проливал в «горячих точках» и сейчас это делает, ради мира и нераспространения национализма, и за то, чтобы люди могли свободно разговаривать на своём родном языке, а тех, кто из суворовского училища вышел с тремя медалями, да ещё ежегодно за парад по одной добавляет — видимо мы плохо служили. Плохо служили, потому что курс доллара к рублю был: 1 доллар = 63 копейки. Потому мы так долго и служили, и не за ордена — за честь, за доблесть, за независимость! Выпьем «за тех, кто в море!», кто несет нелегкую службу, выпьем «за тех, кто в море!» и море стало им навеки постоянным жильём и принял их не только Всевышний, но и Царь Морской.

Кто о нас помнит?

Мы помним, а о нас помнят? Военкомат, когда присылал повестки — помнил, когда мы сняты с учёта,

но в своё время отдали долг Родине — «использованный материал». Мы же не погранцы, не десантура, не морская пехота, которых трогать даже в фонтанах нельзя, они неуправляемые, могут бутылку не на своей голове разбить — оно вам не надо, как и мы. Мы тихие мирные. Не зря говорят: «Моряк ребёнка не обидит!» Да, мы можем натянуть бескозырку на голову (остальное лично на меня не налезет уже) и сфоткавшись, выставить в качестве аватарки. А на другой день, после дня ВМФ уберём в альбом, не зная, получится ли на следующий год проделать тоже самое.

Военно-морской флот России — это гордость страны и великая сила, которая во все времена заставляла о себе говорить и прислушиваться. На деле или высокопарные слова с трибуны? Как сказать?!

За годы ВОВ более 350 тыс. моряков были награждены орденами и медалями, из них 600 человек — Герои Советского Союза, а семь человек стали Героями дважды. Даже среди подводников есть Герой не Советского даже Союза, а уже Герой России...

А, что с более низкой трибуны? Ну, скажем с районной, с поселковой? Вот тут я от души опять хочу поблагодарить местные власти за то, что жизнь глубинки стала краше и веселей. С весны в поселениях проходят самые разнообразные мероприятия, фестивали, конкурсы, отмечаются праздники и памятные дни. Хорошо прошло, триумфально и празднование Дня пограничников — утром парад с оркестром и почётным караулом, речи, тосты, вручение наград. Заслужили — не против, получите. А что же у вас, у тех,

у кого жизнь, как тельняшка морская, то чёрная полоса, то белая прорвалась — сделали «заплату» и опять чёрная...? Всё так же, жизнь течёт, как море и ничего не меняется. Как в той сказке на новый лад: «Сидит моряк у моря, а перед ним разбитое корыто...». Видимо тем, от кого зависит наш досуг и то, чтобы нам, хоть раз в жизни праздник кто-то организовал, не нравится, что мы им «яблочко» не станцевали. Я вам и всем скажу — не верьте в байки о том, что мореманы любят, ну прям не могут без того, чтобы «яблочко» не станцевать. Эта такая же неправда, как и то, что страус прячет голову в песок, а верблюд плюётся, если чё — чушь и «провокация». Вот под чужую дудку, что плясать откажемся — однозначно, правда, что не держим ни на кого зла — правда, но обидно всё-таки, понимаешь ли. Обидно, мы одновременно и «гордость» Отечества и «изгои», те о которых, как и покойник можно говорить хорошо, когда нас нет, когда нас Родина, вернее чьё-то властное распоряжение высшего командования — «не позволить иностранным спасательным службам помочь нашим подводникам...», дабы не раскрыть секреты суперсовременного подводного крейсера. Не знаю, может это и правильно. Лучше через время поднять лодку с останками подводником, похоронить с почестями, срезать рубку с АПЛ и соорудить памятник — я сомневаюсь, как минимум, но не мне судить. Кто я такой?

Я задал вопрос и попробую сам, хоть как-то попытаться ответить. Ну нужен нам, мужики-братишки тот

руководитель моряков-ветеранов, который душой не будет равнодушен и «раскачает» всех, кто имеет отношение к празднику десятков и сотен тех, кто бывшим не бывает, хоть и давно уже числятся, как «спи- санные», снятые с воинского учёта, моряков, да и тех, кто ещё пока не снят и имеет силы и желание «раска- чать» эту ситуацию. И уверен, я не всех знаю, так как мы не встречаемся десятками на праздники, в лучшем случае 2—3 и-то, это ребята, которые в сыны годятся, которые, если и видели корабли, БПК, крейсера, ра- кетные катера, подводные многоцелевые ПЛ или ди- зель-электрические ПЛ, что есть у нас в районе и морские офицеры запасы и мичманы, и матросы, старшины запасы или снятые уже с учёта, но энергич- ные, те, кто мог бы заняться проблемой сплочения тех, для кого море, что для водителей — дорога. Не преуменьшаю важность проведения «Дня красок» для детей и «Дня зонтиков» и надеюсь дожить до того дня, когда не просто от одной соседки или СМИ, а из личного приглашения узнаю, что меня приглаша- ют, как и многих братишек на праздник и я заспешу приводить себя в порядок, гладить гюйс так, как толь- ко я умею и натирать советские значки: «Отличник ВМФ», значок классности, «За дальний поход» — а чем они хуже медали «За участие в параде 9 Мая» — да ничем, а может быть даже достойнее. Их заслужить было сложнее, а потому и почётнее награда.

Три недели осталось!? Что же делать? Молодёжь- десантура, морские десантники пригласили на празд- ник, но... Но я на Волкову гору не поднимусь уже, здо-

ровычка не столь, сколько у них. Да и, если «За тех, кто в море!» предложат тост потянуть — не смогу, а отказываться нельзя. Хоть плач, а что же делать.

— Ваня, слышь! Ты, это, положи за меня деньги на цветы, венки, скоко нужно и можно немного больше, как с работающего пенсионера, но и немного меньше, чем с молодых и здоровых, как с инвалида... Да к чёрту инвалидность! Купи от меня цветы или венок и водрузите морякам-пехотинцам или курсантам морского училища, всем павшим за освобождение нашей малой и большой Родины.

— ...

— Что?! Да, Ваня, я скорее всего не смогу лично принять участие: жара невыносимая, сердечко выскакивает из груди моряка, да еще волнения... Да, чуть не забыл, если будут мужики 50+, хоть и не обязательно, но желательно постарше, расскажи им, чего я хочу, а вдруг и поддержат и кто-то решится взяться за нелёгкое, но нужное дело. И ещё, поговорите с Ташпулатовым Виталием Акбаровичем, председателем организации ветеранов боевых действий «Саланг», он человек действия и знающий многое — поможет.

— ...

— Что? Нет, я не прощаюсь. Это я мысли набросал, чтоб не забыть. Было бы здоровье, хотя бы 5—6 лет назад, может быть и взялся за это дело. Сейчас, однозначно — нет. Не смогу. Чем помочь, что в силах — с дорогой душой. Старый, Ваня, я, старый! Теле поизносилось, да и душенька поистрепалось в волнительных переживаниях... Нет, не в любовных! Ну, ты

и шутник! Чего-то, вот устал я. А правнуков хочу дождаться. Дождусь! Скажет мне старшая внучка, а ещё лучше, если старший внук: «Дед, ты кем бы по званию в армии?» — я отвечу: «Внучок, не служил я в армии...».

Тогда он мне с недовольством: «Чего, откосил, небось или как?!» «Или как! — отвечу ему, — на флоте я служил. Ты разницу видишь?» — «А, что флот не входит в армию?» — «Получается, что нет!» — отвечу ему и добавлю, — «Старшина первой статьи, я был командиром отделения мотористов правого дизеля, заместителем командира команды...».

«Товарищ старшина первой статьи! Я вам приказываю дожить до правнука, до рождения моего сына! Хочешь, в твою честь его назову?..». «Не нужно, внук. Но спасибо тебе! Я постараюсь, я буду сильно стараться, — глянув внуку в глаза, — есть, дожить до рождения своего правнука, товарищ будущий комдив!»

...

10.07.22 г.

Старшина 1-й статьи, командир отделения мотористов команды Рекста (фамилия командира ПЛ), 107-го Отдельного дивизиона подводных лодок, 78-й бригады ОВР, Александр Иванченко

А судьи кто или горе от ума

Размышления опального поэта, публициста и неизвестного писателя

В чем меня никто не может упрекнуть, так это в двуличии, лживости, ради собственных благ, откровенной лжи и лицемерии. Кто попробует обвинить меня в пиаре и лжи, я, будь сейчас на дворе 19 век, вызвал бы на дуэль, чтобы защитить свою честь и достоинство.

К сожалению, мы живём в те времена, когда стремление быть у власти, чтобы вершить судьбы, быть первым и незаслуженно-заслуженным, даже если для этого нужно будет и переступить через трупы своих соперников, в переносном и даже прямом смысле тех, которые также претендуют на тоже самое, но без чёрных мыслей, и имеют на то, ещё более убедительные аргументы. О каких страстях-мудростях я начал говорить? Обо всём по порядку.

Насколько кто обладает способности организаторскими, руководящими или творческими, об этом должны судить люди: избиратели, те, кем будут руководить и кого будет зависеть благосостояние, жилищно-коммунальные условия, культурно-социальный облик села или посёлка, целого региона, если речь идёт о народном избраннике в Государственную Думу или ещё куда-то. Но я не об избранниках, хотя и тут есть много того, что заставляет не просто задуматься, но и откровенно разочароваться. Вот сейчас проходят выборы. Выпускают агитки, в которых о кандидате во-

обще ничего, кроме тех обещаний, которые, скорее всего таковыми и останутся без решения, забудутся или найдутся уважительные причины их невыполнения. Ни даты рождения кандидата, ни его краткой автобиографии, ни образования, ни за что сидел (а, что и такое возможно). Как будто кандидат не натуральный, а виртуальный. Но я и не об этом.

Я о культурной жизни, о том, что происходит на её «кухне», как я это вижу и понимаю. Сразу скажу, всё мною сказанное — это моё мнение, на основе жизненного опыта и множества случаев ситуаций, в которых я оказывался не простым наблюдателем, а непосредственным участником.

«Мафия бессмертна» — это не только название фильма начала 90-х годов, с участием актёра Дмитрия Певцова — это неоспоримое утверждение. А понимание «мафия» может быть отнесено ко всем сферам деятельности, ко всем структурам властным, финансовым, производственным, культурным и прочим. Может я и ошибаюсь, но то, что коррупция непобедима, как спрут достала своими «щупальцами» все сферы государственные и общественные органы в большой или меньшей степени, но мало кто будет спорить. Если кто будет — берите его «под белые рученьки», он первый взяточник, так как «на воре шапка горит». Трудно найти человека, который, хоть однажды не давал взятку, не «благодарил» за услугу, продвижение, «ослабление режима прессинга» со стороны властных структур, когда вопрос по-другому просто решить не получается, но очень «хосися».

Знаете, чем отличается творческий человек от обычного, практичного и прагматичного обывателя? Он изъясняется не прямо, а витиевато, применяя правила написания от эссе до романа. Начиная от интригующей завязки, конфликтной ситуации, кульминации и развязки. Это правило знать должны те, кто в какой-то мере считает себя писателем, прозаиком или поэтом, публицистом или простым обывателем, читателем или любителем просмотра фильмов.

Сразу скажу, что я — человек наблюдательный, обладающий аналитическим складом ума и, как педагог всегда оцениваю не только способности студентов, но и то, что происходит в мире, в стране, у нас в посёлке, на работе, в семье. Как человек творческий, хоть меня в Матвеевом Кургане мало кто знает, как и районе, видимо мало пиарился, а это сейчас самое главное, хочу сказать, что довольно неплохо известен, как в Российском союзе писателей, так и Международном союзе русскоязычных писателей, членом которых я являюсь более пяти лет.

Вы думаете, что там всё ровно и гладко? Как бы не так. Неоднократно принимая участие в различных конкурсах, хочу сказать, что, когда становятся известны члены жюри, оценивающие работы, невольно вырывается из груди: «А судьи кто?». Когда интересуешься творчеством самих «судей», заходишь на их страницу, дабы «нахвататься неоценимого опыта стихосложения» или написания романов и узнаешь, что «гений» полгода всего, как стал членом данного известного союза, а из «гениальных перлов» ку него па-

ра десятков посредственных, а порой и бездарных творений... Господи, прости! Прости за то, что сам, им уподобляясь, становлюсь судьёй. Вы мне тоже скажете: не суди — несудимым будешь. Всё верно, но меня судят и порой бесщадно, даже несправедливо, если проанализировать работы победителей. Возможно, что тут, как и в законодательной системе: судья — лицо неприкосновенное и он всегда прав?!

Возможно из более, чем двух тысяч стихов, трёх поэм и двух романов, написанных мной, нет ни одного значимого произведения? Может быть судьи местного пошиба более строги, чем судьи всероссийского значения, так как более профессиональны? Ну не знаю даже. Тут важно найти ответ на вопрос, а кто назначает, утверждает этих судей и почему они являются, во-первых, «инкогнито», в отличие от всероссийских, а во-вторых, они судят, без переизбрания годами и десятилетиями? Даже в значимых конкурсах на телевидении и там меняются члены жюри. И главное, участники конкурсов их и знаю, и в зависимости от конкурса, даже видят воочию.

Опять мне скажут: что ты равняешь, наши должны быть защищены от возможности оспаривания результатов. А, что эти, хоть и представляют союзы, название которых у всех на слуху, им ещё до наших, как светлячкам до звёзд.

Ну и что с того, что ты, то есть я, являешься многократным номинантом национальных литературных премий «Поэт года» и «Наследие», начиная с 2016 года. Ну и что с того, что ещё ранее, ты, в 2015 году победил

в Международном конкурсе «Поэт года — 2015». А вот сколько раз ты победил в районных фестивалях и конкурсах, начиная с 2009 года? Один раз и то, из-за того, что председатель жюри разрешил самим участникам отдать свои голоса за лучшего, по их мнению, или ещё была какая-то причина, по которой твою кандидатуру пропустили, прошляпили? «Тут, парнишка, — как любил меня, сначала 55-ти летнего «пацана», а потом уже и 60, 65-ти летнего называть председатель жюри, хлопывая по плечу или пожимая руку, — вот уже твои стихи чуть лучше, учись...». И даже как-то назвал имя начинающего поэта, написавшего, в лучшем случае десяток «сырых» стихов, а я уже начинал работать над десятым сборником стихов. Ну я понимаю, что я молодой поэт, хоть и пенсионер, но в творчестве-то всего ничего, менее 20 лет, хотя «примеру» для подражания чуть больше, чем моему творческому стажу. Да и сам учитель в разы меньше написал своих гениальных творений. Возможно, что все они столь значимы, что мой тёзка, Саша Пушкин отдыхает?! Ну не знаю я. Не буду судить.

Я не знаю, какие и сколько мой наставник имеет общественных наград, но судя по разнице в творческом стаже, то, как минимум 10—15, если даже у меня четыре медали от РСП. А ведь хорошо, что те, кто меня и мне подобных «судит» здесь, не могут нас достать там, в тех организациях, где они — никто, в отличие от нас, чьи стихи размещают в «Антологиях русской поэзии». Лично мои размещались трижды, в 2018, 2020 и 2022 годах.

Конечно, мне с «метрами» не тягаться. Но всё же интересно. Складывается впечатление, что если человек когда-то, пусть и уже давно, работал в управленческих структурах, отделах или секторах, пусть и района, то на него распространяется «почётное тавро» на всю оставшуюся жизнь. Иногда смотришь на «свиту» бывших управленцев, которым почётные места в зале РДК и на всяческих мероприятиях, их отмечают и поздравляют в местной печати, они висят на досках в ряду заслуженных и почётных граждан М-Кургана и района. Раз ты был большим начальником, значит заслужил. Не скажу, что труженики совсем не отмечены, есть, но их меньше. Раньше были квоте и поступающих в партию и на награждение государственными наградами. А сейчас видимо всё становится с ног на голову. Если награждают, то, как правило: начальника почетной медалью, труженика — благодарственным письмом. «Начальник Богом дан» — говорят в народе. Что ж, будем молиться ликам тех, от кого зависят наши судьбы, благосостояние, карьерный успех и успехи в творчестве, коли так.

Понятия протеже, «кумовство» и «рука руку моет, чтобы обе грязными были, есть и будут и, как «мафия», бессмертны. Я знаю много случаев, когда человек за свои убеждение, непокорность, «плохую» привычку говорить прямо в лицо, поплатились успешной карьерой и до пенсионера, в лучшем случае, перебивались случайными заработками или мелким бизнесом, вне поля зрения тех, кто «наказал» непокорных, присвоив, повесив и заковав цепями, как Петр Первый

пьяниц, без возможности устроиться на престижную работу по месту жительства. В каком-то смысле и я им составляю компанию, но благо, что только в определенных сферах трудовой и творческой деятельности.

Хоть мне этого не понять, но уверен, что те, кто имеет возможность своей властью, прописанной должностными обязанностями, а чаще даже, совершенно негласными правилами и законами волчьей стаи, получают истинное удовольствие, подобно хищнику, сломившему хребет жертве и пустив струю свежей, горячей крови, подобно вампиру. О ком это я и о чём это я? Уверен, что те, о ком это, сразу узнают по описанию себя и на их заливках хищников вздыбится шерсть и с клыков «правосудия» забрызжет слюна в такт изрыганий звериного рыка.

Мне скажут, что ты всё за себя и за себя. Не только и не столько. Просто то, что пережито мной, а не рассказанное кем-то из случаев, произошедших с ним, имеют меньше потерь сущности вопроса и меньше того, что «для красного словца» или «сгущения красок». Ближе к теме.

У нас в районе есть много талантливых творческих людей, среди писателей, поэтов, публицистов, композиторов, художников, занимающихся какими-либо видами народного творчества, умельцев, даже «самородков». И там, где у них нет конкуренции, они лишены такой «привилегии» быть «облитым грязью», дабы на общем фоне бездарь выглядела привлекательно.

В вот в тех, где желающих проявить себя много, а способности более, чем скромные, вот тут-то и идёт,

я бы сказал» нездоровое соперничество. Опять же таки, я не судья — это не моя ипостась, но мнение высказать могу. Среди тех «гениев», кто мнит себя лучшим и давно уже заложил даже не первый камень в фундамент пьедестала себе любимому 70% тех, кто откровенно бездарен, а остальные среднего пошиба, как и большинство, кто себя таковыми не считает. Иначе говоря, писателей в районе раз-два и обчёлся. Поэтов или тех, кто себя таковым считает больше, но при прослушивании их стихов лучше заблаговременно вставить в уши «белуши». Когда к нам приезжают поэты из литературного объединения «Степь» из Неклиновского района и перед ними становится неудобно, когда наши самопровозглашённые «гении» не читают, а «несут» невесть что, не «белые стихи» и даже не «серые», а вовсе не стихи. Изредка это звучит, как речитатив, а чаще, как попытка донести прозу, но красиво, получив в награду аплодисменты, которые слушатели, скрипя зубами выбивают ладонями, изгоняя из души «червя» бездарности. Но он засел глубоко и, к сожалению, надолго. И я понимаю тех из десятка людей, пишущих достойные, как минимум, для нашей глубинки, стихи, которым неуютно среди «гениальных» и также стыдно, что они представляют наш посёлок и район где-то за их пределами.

Прозаиков у нас в разы меньше, так как писать большими формами произведения не так уж просто, это кропотливая, требующая терпения и усидчивости, не говоря об умениях писать не в такт строевой песни, а имея свой почерк и элементарную грамотность

и умения сплести сюжеты в единую «косу» ленты сюжетных линий и судеб героев. И понятно, по какой причине в этом жанре «судей» практически нет, не считая самых справедливых из числа читателей, при условии, что читатель не является также прозаиком и ревностно будет судить коллегу, восхваляя, как «кулик своё болото».

А вот, что касается публицистов, то, если к ним причислять всех, начиная от тех, кто пишет на стенах и заборах, на своих страничках в соцсетях, кляузы-анонимки начальству, иногда даже в местную печать и стенгазеты школьные, если эта мода со времён пионерии и комсомола не прошла, то их огромное количество. И даже, когда представляют кого-то из тех же поэтов, то можно услышать, «член союза журналистов». Только непонятно, тут есть какая-то невидимая прямая связь или только на уровне на уровне телепатии. Что характерно в этом виде творчества мне, как не члену союза публицистов, написавшему десятки эссе и очерков, большая часть которых была опубликована в местных СМИ. Здесь также нужно отметить, что в одной редакции мне всегда рады, а в фойе другой, нужно полагать, висит мой портрет с надписью крупными буквами: «Таким нет места в обществе и на полосах нашей газеты!». Благо, что у нас, слава Богу, не додумались до того, что делают на Украине, занося инакомыслящих и по другим причинам в список сайта «Миротворец». А, что же те, кто имеет звание «член союза журналистов», иначе говоря, публицистов? Вот как-то не наблюдаю их имена на страницах газет

и в соцсетях, кроме тех, конечно, для кого это работа и они прекрасно с ней справляются и, кроме того, успевают «в неурочное время» заниматься творчеством, поэзией, прозой или фотографией, например.

Вы устали от меня? Вижу, и именно, как экстрасенс, вижу, как некоторых уже коробит, и не только потому, что кто себя узнаёт, а даже от того, что такой объём «брёда» им приходилось читать, при подготовке к урокам литературы в советской школы, во время изучения гениальных творений наших классиков, например, Льва Толстого «Война и мир». Даже больше скажу, в газету я это размещать не буду и не потому, что не хочу — не пропустят, а в соцсетях и на сайтах, где намереваюсь это сделать, прочтут единицы, но и они зачастую не земляки: из Хабаровска или мыса Дежнёва, из Крыма и Германии, Израиля и Молдавии, Украины, Барнаула, Екатеринбурга и Москвы. Это мои друзья и истинно-преданные читатели и почитатели моего творчества. Лицемерят?! Иногда и частично, но чаще присылают душевные отзывы.

А так хочется, чтобы был наведён порядок в культурной жизни района, я не имею ввиду культработников, им хвала и слава. Я о конкурсах, фестивалях и творческих вечерах поэзии или презентации новой книги прозаиков. Я о том, когда они будут разрабатываться грамотно и соблюдаться по всем пунктам, согласно положениям. Я о том, что, когда будут «на переправе меняться лошади», а правила и положения «на колене» переписываться, если что-то

пошло не так, как было задумано организаторами. И как хотелось, чтобы, при проведении выше названных мероприятий всё было понятно и «прозрачно», а участники знали, какие «метры» будут оценивать их способности, если не талант. Даже на тех площадках сети интернета, которые не у всех на слуху и то с этим дело обстоит, как следует. И даже в случае, если возникает спорная ситуация, участник обращается к членам жюри и те дают разъяснение, почему оценка произведения именно такая. Если в жюри входят те, чьи подписи стоят в положении о конкурсе или фестивале, то это нужно как-то отразить в пунктах, не одним словом «жюри», а, как я понимаю: жюри, в составе:..., перечислив тех заслуженных и почётных, авторитетных людей, при вынесении вердикта которых не должно быть никаких вопросов. Вот я держу в руках положение о проведении фестиваля, на заглавном листе которого названы восемь! Представительных руководителей самых разных подразделений, как Администрации, так и культурной сферы и утверждено Главой Администрации района. Назван и председатель оргкомитета, а жюри? Инкогнито.

И поневоле возникает вопрос: «А судьи кто?».

Не примите нижеуказанное, как пиар, хвастовство, просто я констатирую то, что есть по факту, без завывания, а порядка ради.

Поэт, писатель, публицист, член Российского союза писателей, житель п. Матвеев Курган, работающий пенсионер: А. И. Иванченко

10.09.23 г.

Размышления ворчуна

Интервью газете «Деловой Миус»

интервью брала главный редактор газеты Мотыжева Е. Н.

1. Расскажите немного о себе и супруге.

Иванченко Александр Иванович, 1955 г. рождения. Родился в с. Марьевка, М-Курганского района, работающий пенсионер, мастер производственного обучения, преподаватель М-Курганского филиала РАДК.

Иванченко Ольга Егоровна, 1961 г. рождения. Родилась в с. Камышовка, М-Курганского района, пенсионерка, последние 24 года работала сотрудником ЦСО по обслуживанию населения.

21 февраля этого года отметили 43-ю годовщину совместной жизни. Двое детей, дочь Мария, 42 года и сын Александр, 40 лет. Четверо внуков. Дочь подарила нам старшую внучку Наташу, 20 лет; меньшую Екатерину, 9 лет, 7 месяцев; внука Владимира 8 лет. У Александра один сын Даниил, 13 лет.

2. Вы с супругой много лет вместе. Ощущаете прожитые годы? Когда легче жить в браке: в молодости или в зрелом возрасте?

Бесспорно, годы пролетели так быстро, хотя и вместили в себя всю взрослую сознательную жизнь. И в молодые годы, конечно, ощущения были такими, что впереди вся вечность, мы молоды, оптимистичны и энергичны, все двери открываются нам и встречают везде объятьями. И по большому счёту, это было именно так. Мы жили в счастливое время, с уверенностью в завтрашнем дне и в том, что хлеб серый в хлебном магазине, что на углу улиц 2-й Пятилетки и Кооперативной, что за «скобяным», т.е. хозяйственным магазином и культмагом, будет стоить 16 копеек, а «кирпичик» белого 20 копеек, булочка с изюмом 3 копейки.

Как и любая молодежь, мы планировали иметь много детей, чуть ли не с футбольную команду, как я однажды «пригрозил» отцу. На что он покачал головой и сказал: «Да это дело нехитрое. А вот воспитать, прокормить, одеть и обучить, на ноги поставить сможете,

когда жена уже со вторым в декрет пойдёт, а оклад инженера 130 рублей на четверых?»

Дети ходили в садик, жена работала помощником воспитателя в детском садике, когда вся страна переживала эпоху карточек и распределения, оплаты труда натуральными продуктами, мукой, сахаром и прочим. Но мы были полны сил и нас трудности не пугали. Мы на дробилку измельчали дома пшеницу, которую получали в колхозе родители супруги, я разделял её на фракции: одна шла на кашу, другая домашней птице на корм. Я до сих пор люблю пшеничную кашу. И кукурузную делали. С сахаром — неплохое блюдо.

Дети ещё учились в школе, а грянули «лихие 90-е», развал и безденежье. Резкий рост цен на товары, когда ценники сменяли дважды в день. Утром ещё мог купить что-то, а после работы заходишь в магазин и на те деньги уже и булку хлеба не купишь. Но мы были все «миллионеры» и полны оптимизма. Мы не унывали, когда на страховки до совершеннолетия детей, которая советскими крепкими некогда рублями оценивалась в 1000 рублей, а мотоцикл «Восход-2» стоил 420 рублей, при закрытии их, невозможно стало купить ту же булку хлеба, она стоила в два раза дороже. Мы верили в то, что «чёрная полоса» для нас, как и для всей страны пройдёт и все заживут вновь счастливо и ни в чём не будут нуждаться.

Многие производства закрывали, сокращали работников, в первую очередь ИТР и служащих. Жена обслуживала бабушек и дедушек, и она очень лестно обзывались о ней. Старики — это те же дети, только

сильно повзрослевшие. Я работаю преподавателем в СПТУ-80. Работа нравится, отдаюсь ей полностью. Не платят месяцами зарплату, задержки — выжили, но начали понимать, что обещанные блага приватизации для избранных, олигархов, а мы нищаем, но держимся. Я после основной работы, занимаюсь ремонтом кузовов легковых автомобилей, занимаюсь изготовлением отопления и водопроводов в домах, копаю траншеи, делаю любую работу, чтобы прокормить семью. Жена — мой тыл и дети, домашнее хозяйство на ней, кроме основной работы.

Двухтысячные. Мы в возрасте, который называют «расцветом сил» и все трудности решаем сообща, плечо к плечу. Было не легко, но дали детям доступное образование. Затем дети повзрослели, дочь вышла замуж, сын женился. И так уж было суждено, что их семьи, при рождении внуков проживали у нас. Бабушка была помощницей и опорой молодым мамам и нашим любимым внучатам.

И вот мы, с разницей в один год пенсионеры. Жене дали после достижения пенсионного возраста ещё поработать целых два месяца, а мне пришлось работать продолжать, что и делаю до сих пор.

С годами и менялось отношение друг к другу. Как? Трудно сказать, как объяснить. Сказать, что на протяжении многих лет, мы ни разу не поспорили, не высказали обиды пол мелочным поводам и потом полдня делали напускные, надутые, обиженные лица, ожидая кто раньше не выдержит и толкнув легонько в плечо, посмотрит в глаза и улыбнётся. Или заведёт разговор

на важную тему, как будто до этого не было напускной обиды. А обиды-то мелочные.

Мы каждый год обещали детям, когда были малышами — свозить в цирк, когда становились взрослее — ещё куда-то, но увы и ах. Наступали каникулы, а у нас отпуск в 18 дней и спеша переделать все дела за это время, сделать текущий ремонт или что-то пристроить к домику.

Да, мы жили честно, получали небольшие зарплаты, как бюджетники и не только с работы что-то я, к примеру мог принести или своровать, как делали в колхозах, или на производствах, а наоборот, мог из дома для работы и инструмент отнести, где учащиеся его растянут, что мастерил из скудного строительного материала для наглядных пособий.

На море мы с супругой впервые поехали, когда мне уже было 56 лет и-то переживали, как там невестка справится с козой, которую нужно было кормить и доить. Как мы были счастливы, впервые за 30 лет супружеской жизни провести отпуск на море. Радовались, как дети. Я даже на время ощутил себя молодожёном и представил, что вот таким должен был быть наш «медовый месяц», который я провёл 30 лет назад на весенней сессии в институте.

Сейчас мы очень дорожим друг другом, а раньше всё было как-то обыденно, жили как все: работа, огород, домашнее хозяйство, дети и времени на то, чтобы просто присесть на диван, посидеть в отстроенном за десяток лет, уютном домике вдвоём, поговорить о планах, внуках, порадоваться их успехам.

Вот я написал десятки, да нет же, сотни стихов о любви. Но я не могу объяснить, как любовь может обрастать тем, что может проявляться в виде боли за близкого человека, тревоги, если жена пошла за хлебом в ближайший магазин и уже полчаса не возвращаешься, а ты выходишь и сморишь вдаль улицы, ожидая — вот сейчас она появится из-за угла. Или, когда ты идёшь с работы, задержавшись всего на 10—15 минут, а у калитки стоит супруга и с таким же переживанием смотрит вдоль улицы, хоть мне до работы 100 метров всего и случится ничего не должно. Хотя может, как случилось в прошлом году в декабре, во время гололёда. Тогда я отошёл 15 метром от дома и, поскользнувшись, упал, сломав руку. Жена с тревогой наблюдала, как я удалялся, и я почувствовал с болью в руке, при падении и боль, которая пронзила сердце жены, когда она стала свидетелем падения. И она хотела броситься мне помогать, но я резко остановил. Две «калеки» одновременно — перебор.

Но я же не мог не то, чтобы не пойти на работу, даже опоздать. А на следующий день, договорившись о замене, обратился в поликлинику. Когда мы были молоды, с интересом наблюдали за старичками. А сейчас мы становимся такими же. Как мне нравилось наблюдать за престарелыми семейными парами, когда они или идут неспеша, опираясь на палочки или сидят тихо-мирно на скамье у дома. И вот приходит уже и наша пора. Когда жизнь пролетела?

Сейчас, когда жена появляется без меня в нашем «семейном» магазине или на рынке, то продавцы обя-

зательно спросят: «А, где ваша половина? Что-то случилось?» Мы любим везде бывать вместе: на концерте в ДК, на празднике в центре, выполнять совместно покупки, прогулять внуков в парке. Жаль, что выбраться куда-то дальше для культурного отдыха и даже съездить на море, всё никак не получается. То нездоровится, то снова на лето много планов: стройка, ремонт, необходимость траты отпускных денег на важную и необходимую покупку. И снова, как в молодости грезили, так и сейчас живём планами, но не столь перспективными, перенося невыполненное на следующий год, а раз есть мечта, то будем жить.

3. Как Вы познакомились друг с другом? Сразу ли удалось понять, что перед Вами — Ваша половинка, любовь и судьба?

Я служил три года в ВМФ. После двух лет службы узнал, что моя девушка собирается выйти замуж, хотя мне ещё писала сухие письма ни о чём. Я мог ещё встречать в увольнениях с девушками, но лишь, чтобы потанцевать, обниматься, поцеловаться даже не прочь. Но к девушкам отношение изменилось и, даже придя на «гражданку» меня девушки не интересовали. Я к ним относился чуть ли не, как к «классовому элементу».

Прошло два года. Я работаю инженером в «М-Курганском РТП», летом еду со своими коллегами, звеном, в родной некогда колхоз на уборку, в качестве комбайнёра. Помните фильм «Три плюс два»? Вот точно такое у нас было уборочное звено, в котором трое мужчин из четырёх обязуются не сбривать бороды

до поры массовой жатвы, пока ремонтировали и готовили комбайны. Отличие от героев фильма в том, что двое из троих были женаты, один я — молодой, неженатый и презирающий всех, кому предписано носить юбки, то бишь девушек.

Вечером в сельском клубе трое рыжебородых командировочных и четвёртый, аккуратно и чисто выбритый семьянин, играют в бильярд. В клубе фильма в этот день не было. В библиотеке с заведующей сидят дети, подростки разного возраста, которых ещё не загнали по домам. Скучновато.

Открывается со скрипом разошедшаяся от жары и от того, что давно не смазывались навесы, дверь. Быстро входят, даже лучше сказать — стремительно две девушки. Резко останавливаются при виде незнакомцев, сменяют смех на хихиканье и быстро юркнули в открытые двери библиотеки.

Я успел за три-пять секунд рассмотреть их. А вернее я смотрел на одну, на чернявую смуглянку, с контрастом губной помады на губах, с короткой стрижкой, в голубом приталенном сарафане. Я потерял на время дар речи, товарищ толкал меня в плечо, напоминая, что моя очередь выполнить удар в бильярде. Я повернулся к товарищу, который настороженно смотрел на меня и произнёс:

«Это она, Саня!»

«Кто?» — не понимая о чём я, спросил товарищ.

«Это она! Моя жена. Она будет моей женой...»

Впервые за много лет вид красивой девушки не оставил меня равнодушным, у меня ёкнуло сердце

и забилося так учащённо. Я отдал кий ожидающему очередь для игры и стал неотрывно наблюдать через открытые двери библиотеки за той, оторваться от которой уже не мог.

Девушки долго не задержались в клубе и менее шумно, не привлекая особого внимание, удалились. Я пошёл за ними, на ходу завязывая разговором знакомство. В этом, к своим 25 годкам я был довольно опытен. Это было первое свидание, а вернее посиделки на лавочке у двора той, с которой я не мог отвести глаз. Она в это время больше молчала, опустив стеснительно глаза, в отличие от её подруги, которая «стрекотала» за двоих, но я её не слушал. Я нашёл ту, которая проживала в 7 км от моего села, но была настолько моложе, что я с ней даже по школе не успел познакомиться. Вот такая она, любовь с первого взгляда.

4. Помните ли вы день вашей свадьбы? Какой она была для вас обоих?

Такие дни никто не забудет, хотя они не всегда запоминаются чем-то феерическим. Регистрация проходила в М-Курганском ЗАГСе. Когда мы подали заявление, заведующая ЗАГСом, узнав, где я работаю, попросила меня о одолжении:

«Вы сможете изготовить корпус печати? Этот пластмассовый лопнул и...».

«Конечно!» — оборвав заведующую на полуслове, пообещал я. Токарь выточил мне, с обещанием магарыча за свадьбу бронзовую оправку — не печать — музейный экспонат.

21 февраля был морозный. После благословения отца и матери и регистрации свадьбу решено было гулять в селе, в доме невесты. Не знаю, как другим, а, как по мне, так это очень утомительная процедура «издевательства» над молодыми.

Свадьба ещё долго гуляла во дворе невесты и мы, находясь в доме соседей до утра слышали музыку и гуляния.

5. Приходилось ли вам прощать друг друга за годы семейной жизни?

Да, конечно! Святых людей не бывает, как и безгрешных. Но по поводу серьёзных конфликтов, то можно назвать только один, виновником которого был я. Я искренне попросил у жены прощение, объяснив, без утайки все нюансы и почему всё произошло так. Как сейчас модно говорить — кризисный период. К счастью, он закончился благополучно и большая заслуга в этом моей половинки. Взаимопонимание, честность, искренность и умение поверить, простить, пойти на уступку, ради главного — спасения семьи — это то, что было нужно и мы до сих пор вместе. И теперь нас сможет разлучить только одно. Хотелось бы, чтобы это произошло, как можно позже.

6. Когда люди начинают жить вместе, они обычно начинают замечать все недостатки друг друга. Есть привычки, которые вас друг в друге раздражали и до сих пор могут вывести из себя?

Есть такие привычки, которые в разной степени могут раздражать. Мы в этом не исключение. Жена к моим вредным привычкам, которых уже почти

не осталось, по разным причинам, более терпима, чем я. Я, как эмоциональный, иногда даже с элементами взрывного характера могу «позудеть на ухо», чем также вызвать раздражение. Но всё это заканчивается через две-три минуты. Небольшая «встряска» иногда полезна, иначе скучновато могут дни проходить. Это я и шутку и всерьёз.

7. Одни люди считают, что без семейной жизни не бывает счастья, а другие говорят, что семья — это бесконечное поле для работы, прежде всего — над собой. Что такое семья в вашем понимании? (Почему-то пропустил... но этот вопрос объёмный и его лучше отложить на потом, чтобы было что-то обязывающее дожить до следующего жизненного этапа и тогда ответить может быть, коротко, но ёмко и убедительно).

8. Как по-вашему, существуют ли какие-то определённые правила и условия, соблюдая которые, можно обеспечить успешный брак?

Безусловно есть те правила, с которыми мы, практически все соглашаемся, но иногда, а кто-то и часто нарушает, не придерживается. Важно, чтобы в момент раздражения, а порой даже негодования, уметь не выплеснуть агрессивность, а сдержаться. Лучше просто уйти, отойти в сторону, отложить выяснение отношений. Даже через час, когда мы успокоимся, мы будем сдержаннее. Не стоит делать «из мухи слона». Не нужно доставать друг друга упрёками. Входить в положение, разобраться в ситуации, а иногда даже не придать ей значение. Если хватит смелости, попросить у половинки прощение, хотя вы уверены, что вашей вины

нет. Возможно, что этот поступок будет первым шагом на сближение и ответный шаг по урегулированию спорной ситуации.

9. Сегодня старшее поколение с гораздо большим трепетом относится к браку, в сравнении с молодежью, которая и женится реже, и разводится много чаще. В чём причина, на ваш взгляд?

Вот с этим я полностью согласен. Работая 30 лет педагогом, мне интересно, при встрече с бывшими учащимися и студентами узнать, как сложилась их судьба, кем стали, как сложилась трудовая карьера, семейная жизнь. И знаете, я не вёл учёт статистики, но сильно не ошибусь, если скажу, что более 70% созданных впервые браков распадаются. И это происходит в первые годы семейной жизни, при появлении первого ребёнка, а иногда и второго. Не называя имён, скажу, что у одного из моих бывших учащихся ПУ-80 с первой женой вскорости после рождения ребёнка жизнь не заладилась, разошлись. Видеться с ребёнком бывшая супруга не даёт. Он нашёл другую женщину, сошлись, родился совместный ребёнок. Живи — не хочу, но не судьба. Жена болеет и умирает. Опять трагедия. Теперь молодой папа сам воспитывает маленького сыночка, а с первым ребёнком так и не может видеться.

В связи с ситуацией в обществе, трудностями с трудоустройством и обеспечением семей часто распадаются семьи. Слышал недавно случай, когда из-за сложного финансового положения молодой человек пошёл добровольцем, дабы обеспечить семью. Недавно. Хоть

и не назовешь хорошим то, что в случае регистрации их брака, если таковая есть, семья получит на гибель кормильца.

Что говорить о проблемах чужих людей. У меня у обоих детей первый брак распался. Живут дети во втором браке. Одна радость нам, старичкам, когда радуют нас внуками. А во внуках есть наш стимул жизни. Ради них хочется жить и жить, и отдавать душевное тепло, ну и по возможности скрашивать их детство, в отличие от детства их родителей всякими приятными подарками и вниманием.

10. Представьте, что вы встретили пару, которая находится на грани развода, что бы вы сказали им?

Я бы попытался уговорить их просто расстаться на время, на неделю так, чтобы по возможности не видеть друг друга. И тогда бессонными ночами осознать холодным умом всю ситуацию, попробовать неспешно разобраться, может быть получится найти тот «камень преклонения», который можно совместными усилиями убрать. Порой для этого не нужно прикладывать больших усилий, а просто быть внимательным друг другу, не быть эгоистом. Важно учитывать интересы детей, постараться не ранить их душевный мир в первую очередь. Ведь для них вы оба дороги. И боль разлуки может остаться на всю жизнь. Нужно прощать и, даже отпуская от себя, не держать зла, оставаться людьми и желать только добра, пусть и в мыслях — они материализуются. Это же мать или отец вашего ребёнка. Не приносите боль человеку или нескольким одновременно, если

есть дети. Прощайте друг друга. Любите друг друга. Будьте счастливы!

11. Что бы вы пожелали тем парам, кто еще только думает о возможном браке? И тем, кто, как и вы, живет в нем много лет? Молодые люди, по-моему мнению, очень легкомысленно подходят в большинстве своем к вопросу брака и семьи. Они рано вступают в близкие отношения, живут в гражданском браке, порою не достигнув совершеннолетия, зрелости во многих планах. У них и представления о жизни складываются на основе тех фильмов, которые они смотрят, той красивой жизни, к которой они стремятся, находясь на полном иждивении родителей, а порою и бабушек с дедушками. Тут я знаю много примеров, не буду приводить, не стоит. А с другой стороны, сложное финансовое положение и неуверенность в содержании семьи, коли сами себя с трудом обеспечивают, да и жить негде. Проблема в жилье, трудоустройстве. Мои нынешние студенты вынуждены подрабатывать и не только на Wildberries, Магнитах у нас, в М-Кургане, но и в Москве, где даже отсутствует родительский контроль. А красиво жить не запретишь.

В государстве занимаются молодёжной политикой и есть организации, но такого подхода, как был во времена нашей молодости нет. С той же работой, квартирах для молодых специалистов и семейным парам, особенно в сельской местности. Молодым парням на селе предоставляли новые тракторы и автомобили. И была уверенность, семьи были прочнее, процент разводов был в разы ниже.

Хочу пожелать молодым более серьёзно подходить к ответственному шагу, создания семьи. Вам труднее строить долгосрочные планы, мы не можем быть не только в том, что будет через 5—10 лет, но и через год, месяц, завтра. Советуйтесь со старшими, прислушивайтесь к их опыту, они плохого не посоветуют. Я уверен в этом. Чтобы сделать себя счастливым, сделайте счастливым того человека, который рядом и тогда семья будет прочной и все в ней будут счастливы.

Тем, кто живёт много лет хочется пожелать здоровья и благополучия. Раз они до сих пор вместе, значит они знают жизненный секрет, как сохранить чувства друг к другу на многие десятилетия, и они сами могли бы этим поделиться. Сохраните и постарайтесь быть примером для молодёжи, ненавязчиво, а простой демонстрацией везде и всюду. Тут и слов не нужно, когда мы видим счастливые лица пожилых людей, не бабушек, сидящих где-то на скамье или общающихся по телефону с подругами, а именно со своими половинками в социальной сфере, в повседневной жизни, на людях, а не только на огороде, с бурчанием друг на друга. Живите долго! Социологи говорят, что семейные люди живут дольше. Это правда.

В преддверии праздника, Дня любви, семьи и верности хочу пожелать всем здоровья, мира безусловно, пожилым людям — долголетия, молодым — целеустремленности, любви и счастья в любви, светлого будущего!

P.S.: Спрашиваю у супруги: «Скажи пару слов, ответь хоть на один вопрос интервью». В ответ, с улыб-

кой: «Я тебе полностью доверяю и согласна со всем, что ты скажешь».

Спасибо, дорогая! Я самый счастливый человек в мире, потому что у меня есть ты, и у нас есть любимые дети и замечательные внуки.

28.06.24 г.

Александр Иванченко, с молчаливого согласия моей дорогой, любимой половинки Олечки.

Размышления ворчуна

Мы стали сейчас жить богаче и комфортнее, с «удобствами» не во дворе в виде водопроводной колонки и тем более не общей, уличной, на полквартиры и реже пользоваться туалетом, расположенным поближе к меже с соседом. Почему к меже? Ну не среди же двора нужно было размещать «сантрест».

А сейчас, как? Нет ни русской печи посреди четырёхкомнатных «хоромов», ни даже двухкомфорочной кирпичной, отопительно-варочной печи с духовкой и с многоходовыми обогревательными щитами — газовая четырёхкомфорочная, с грилем или электроплита, с прекрасным гарнитуром кухонной мебели и утвари.

В комнатах, вместо форточек со шпингалетами, пластиковые шумоизолирующие стеклопакеты со стёклами-«хамелеонами». Кругом новые технологии. Вместо экологических натуральных стройматериалов, глины и соломы, для приготовления самана —

непонятно из чего и с каким классом токсичности. Даже кирпич и железобетон стали редко применяться. Металлический каркас зашивают лёгкими и легковоспламеняющимися материалами, а потому и сгорают такие конструкции так же быстро, как и строились. И было бы смешно, если бы не множество жертв, погибающих от удушья.

А за подписание актов приёмки и при этом «закрывают глаза» на выявленные нарушения норм, правил и требований, да и кто их выявлял? Разве, что за столом в кабинете у хозяина открывающегося предприятия или в более привлекательном, располагающем на обоюдную договорённость месте. А потом мы включаем «ящик» и слышим; «Задержан. Подозревается в получении большой суммы...» — и называются фамилии заместителей министров, губернаторов и прочие высокопоставленные чиновники. О наШальниках пониже и говорить не приходится.

Я помню, когда я в 16 лет получил права мотоциклиста и пару дней не поездил, как останавливает меня гаишник. Проверил новенькие права и поздравил с покупкой нового мотоцикла «Восход-2М». Я честно признался, что моей заслуги в том нет, родители по случаю окончания десятилетки купили за 420 рублей. Почти разошлись миром, но он машинально тронул рычаг ручного тормоза, а тот возьми и провалились. Тросик-то как раз утром лопнул.

— О! — оживился гаишник, — приехали! А почему тормоз не работает? Штраф полагается. Будем дырочку в талоне пробивать.

Он вертел талон в одной руке, а второй держал наготове «компостер» -дырокол. Долго ходил вокруг меня, восседающего на мягком сиденье мотоцикла. У меня даже голова начала кружиться, но я не мог понять, в голову не приходила простая вещь, что он от меня хотел. А он от меня ждал ни мало, ни много, а один «деревянный», но обеспеченный золотым эквивалентом, рубль. Откуда он у меня мог взяться? У меня и 20 копеек в кармане не звенело. Тогда я предложил закончить «цирковой аттракцион»:

— Надо?! Значит делайте дырочку. Я экзамен сегодня в школе сдавал, кушать уже хочется. А мне домой ещё 25 километров ехать.

До сих пор помню характерный звук пробиваемого картона талона к правам. Отвлёкся от главного чуток.

Когда я, как и мои сверстники, осваивал «ареал» обитания, который ограничивался изначально даже не границами села, а лишь его частью — «краем», как тогда называли сельские кварталы. В него входил дом, двор, огород, сад, сады тех соседей, у которых произрастали ранние сорта яблонь (поздние были и в своём саду), малый пруд, что в 100 метрах от хаты и большой — в 250 метрах, если по тропинке, через выгон и два ручья с криницами, подпитывающими речку Каменку. Выгон, покрытый молодой сочной травой, на котором бабуля на цепи припинала стальным штырём телка, косогором спускался к малому пруду, а с другой стороны, к оврагу. За оврагом начинались самые таинственные и дремучие места, с воронками и осыпавшимися окопами — следами войны, и зарос-

шие кустами бузины и тёрна. Это было излюбленное место для игры в прятки и «военных баталий».

Нас трудно было загнать вечерами домой, потому что, это такая скука — проводить вечера под светом керосинки, а чаще, испив парного молока, укладываться на покой. Электричества долго не было и два года мне с братом-двойней приходилось учить уроки. А старший брат при лампе окончить успел шесть классов.

После того, как уроки были выучены, мать брала две лампы, ставила их так, чтобы можно было заниматься шитьём. Она обшивала полсела модниц и тем самым, хоть немного зарабатывала. В те годы, когда работу оценивали трудоднями, денег у колхозников почти не было, только у служащих, которых в селе раз-два и обчёлся.

У детворы обязательно была школьная одежда, форма. Мы с братом носили суконную форму, с форменными фуражками и ремнями. И нас сразу прозвали офицерами. Как же жарко в ней было, особенно в сентябре. Но порядок — есть порядок. Терпели. А после школы одевали всё, что угодно: отцовское, старшего брата, гетры, вместо носков, изготовленных из старых чулок матери. Солдатское галифе шло в ход и кирзовые или резиновые сапоги, с дюжиной портянок, чтобы не спадали. Одежда, из-за постоянных лазаний по зарослям колючих кустарников, постоянно раздиралась, а потому на ней иногда заплат было больше, чем фабричного материала.

Сейчас звучит дико то, что говорила нам учительница: «Пусть ваша одежда не новая, пусть с заплатами,

но должна быть чистой и опрятной». И при появлении утром в школе, классный санитар, чаще это была девочка, проверяла у всех чистоту не только одежды, рук, лица, головы, заглядывала в уши и заносила «санбюлетень», вывешенный в классном уголке, напротив фамилий чёрные или красные квадратики или квадратик делился по диагонали, если один показатель выходил за пределы «санминимума», а другой был в норме.

Из обуви осенью и зимой — сапоги, часто размера на два больше размера самой ноги («на вырост») и валенки «безразмерные», дедовские. Летняя обувь — сандалии «на выход», например, в кино, а дома гулять, т.е. по всем местам, куда только может ступить босая нога и куда не может, но должна — босиком.

Скоро уже никто не будет знать, почему люди старшего поколения называют детство «босоногим». Для нас летом, кроме трусов, никакой одежды и обуви не требовалось. Мы выросли из земли, земля нас питала, мы грызли землю, когда давали клятву, засыпали раны и порезы землёй и оборачивали, вместо бинтов, в листья подорожника, мы «купались» в горячей, от палящего летнего солнца и мягкой, что пух дорожной пыли. А в пруду, во время купания, вместо мыла использовали глину и донный ил, измазываясь с ног до головы и знали запах болотной грязи, как и её целебные свойства, за исключением «цыпок» на ногах, которую мать удаляла пензой, с криками, раздирая ноги до крови.

Какая благодать «искупаться» в дорожных лужах, после летнего ливневого дождя, оставляя на их донной

поверхности следы своих босых ног. Наши волосы не знали шампуней, а чаще всего, весь летний сезон голова их не имела, нас стригли отцы «под Котовского». Наша кожа за лето, успевала, что у ящериц два-три раза сменяться. А варёные раки, пойманные в пруду, яркостью окраски отдыхали по сравнению со спинами шумной ватаги, принимающие испепеляющий загар, лёжа на шелковичном коврикe спорыша вдоль кромки пруда с обрывистым берегом.

А вечером матери применяли к новоиспечённым «ракам» народное средство, для снятия болей и жара — намазывали спину свежими молочными сливками или уже загустевшими, в виде сметаны, в которой ложка держится в любом положении, не опираясь, как хромой старик на палку, на стенку макитры или другой, чаще глиняной посуды для молочных продуктов. И что было очень важным — не оставить кошек в доме, иначе...

Но, если «банда» с вечера запланировала «диверсионный поход», а, если проще сказать — набег на колхозный сад, то тогда все собирались с утра по форме одежды — «майки и трусы». Кто-то даже прихватывал шаровары, в них столько черешен или ранних яблок влезало... Конечно! А для чего же нужны были майки и шаровары? Их использовали в качестве вещмешков.

Как мы были счастливы летом из-за того, что часов 15 можно было вообще домой не появляться. Это сейчас, если полчаса пацана во дворе нет, родители поднимают грандиозный кипиш, звонят родителям друзей и не только. Тогда они были заняты с зари до зари

на работе, а после ещё и с домашним хозяйством. Поэтому, вспоминали о детях только когда «заползали» от усталости в дом, а вернее в летнюю кухню, а кто-то и ужинал во дворе, под навесом. Деревня, однако — это вам не город.

А когда солнышко закатывалось за горой, что круто спускалась к берегу, поросшей кугой и камышом, маленькой речке Каменке, а через мостки, переброшенные с одного берега на другой, неспешно от криницы, на коромысле, девица возраста «кофе с молоком», покачивая бёдрами и ведрами на коромысле, несла холодную ключевую воду, которую использовали только для питья и приготовления пищи. Её дивную красоту и стройность фигуры «обсуждали» говорливые на вечер лягушки, не упуская возможность заглянуть ей под платье и плюхаясь от испуга на гладь воды с кочек, когда мостки издавали скрип от ритмичных шагов девицы.

Недоенные коровы издавали мычание, напоминая хозяйкам о себе. Собаки то там, то здесь издавали стихийный лай, больше из-за солидарности, чем по делу. А порой и по делу, когда предупреждали хозяев о проникновении в их сад незваных гостей, т.е. тех, кому не то, что мало показалось добытых вылазкой в колхозный сад яблук, захотелось просто перед сном грядущим пошкодить, чтобы сон был крепким и безмятежным.

Село замирало, только у клуба, наоборот, жизнь только оживлялась. Самые бойкие пацаны, те, за которых и родители сильно не переживали, и не кричали

на всю улицу: «Вовка, сатана, до дому!» — шныряли среди взрослых. Они больше других хотели тоже стать взрослыми, а потому перенимали у старших всё, начиная с попрошайничества — «дай докурить».

Летом ночи короткие, а для механизатора, тем паче. Казалось, только голову на подушку прислонил, а уже коровы вместо будильника будят, зовут хозяйку на дойку. И вот уже сонное стадо угрюмо следует с одного края села на другой, где в середине сходятся два потока в один. А рассвет они встретят уже за селом, вниз по течению речки Каменки, в которой они и водопой устраивают и остывают в знойный полдень и, смочив кисточку хвоста, отгоняют от себя назойливых, кровососущих гнусов.

Чаще в выходные привозили фильмы, которые мы смотрели с восторгом и неподдельными эмоциями. Сюжеты таких фильмов, как «Чапаев» или «Котовский» после просмотра разыгрывались потом уже на тех «подмостках», где после долгих споров утверждался «актёрский состав» и «главные герои». Не секрет, Чапаями и Котовскими хотели быть все. «Беляками» и «фашистами» не очень и чаще, соблюдая очерёдность смены неблагодарных ролей.

Что касалось вечерних сеансов, то родители категорически не настаивали на отказе в их посещении. Если нет ограничения «дети до 16 лет...», то «гуляй вальсом», если желаешь, но денег на кино не проси. Двадцать копеек — это тогда были деньги. Тем более, что родители работали на «трудодни» или имели мизерные зарплаты, да и «нахлебников» в семье, как у нас сразу трое.

После уговоров, обычно мать говорила: «Ладно! Ступайте, но, если сможете бесплатно прошмыгнуть...». А способов «бесплатно прошмыгнуть» было несколько. Самый элементарный — проскочить между ног взрослых, под носом у киномеханика. Но, упаси Бог, если он тебя за ухо успеет ухватить. Тогда точно долго не захочется без билета в зал пролазить между ног.

Более сложным был способ — вытащить стекло из оконной рамы, что напротив сцены. Нужно было незаметно влезть, пока товарищ стоит на шухере, через окно на сцену, спрятаться там. Киномеханик знал все наши хитрости и порой прежде, чем начать «крутить» кино, обходил и весь зал, и за сцену наведывался. Но «игра стоила свеч». Когда в зале выключали свет, а когда электричества ещё не было, прикручивали фитили керосиновых ламп. Тогда нужно было пулей шмыгнуть в зал и где-нибудь зашухариться, пока обстановка не успокоится.

Мы почти никогда не болели. Даже в метель и сильные морозы, когда школу из-за этого закрывали и школьников отправляли по домам, мы все гурьбой мчались на горку и на лёд пруда. Мы, что «Тарзаны» лазили по деревьям, прыгали, бегали, плавали и ныряли, что утки и потому нормативы БГТО и ГТО сдавались нами «одной левой».

Мы были счастливы так, как не будут уже счастливы никто и никогда, хоть мне в этом так хочется ошибаться.

Мы пили сырую, студёную ключевую воду из множества криниц, не оборудованных никак и ничем. Мы

припадали на сырую землю, делаю «упор лёжа» и, наклонивши голову ниже уровня плеч, пили воду прямо из источника, как это делают те же парнокопытные, но только стоя или братья наши меньшие, но жадно лакая воду языком. Или «цивилизованно» с листа лопуха вы когда-нибудь пили эту живительную влагу, когда крупные хрустально-прозрачные капли, срываясь со среза листа, большей частью не утоляют изначально вашу жажду, а окропляют шею и грудь разгорячённого тела, приводя вас в восторг, с эмоциями, вырывающимися пронзительным криком радости оттого, что вы та малая частица этого огромного мира и мир непременно должен вас заметить, потому что вы в нём обязательно оставите свой неповторимый след?

А вы натирали кожуру зелёных яблок о майку на животе, до блеска и с хрустом откусывая добрую половину, кривясь, на вопрос товарища: «Что, Москву видно?!» — Отвечали, прикрыв глаза: «Не-а! Як мэд!» А, чтобы зелёные яблоки были по ощущению действительно слаще, обстукивали яблоко по кругу до превращения мякоти яблока в натуральную, порыжевшую мякоть, легко кусаемую и брызжущую соком.

И тогда мы не наблюдали обилие невыводимого сорняка, амброзии. Но на огородах обильно цвёл мак, а пустыри были заросшими коноплей. Но мы не знали, что за мак скоро могут привлечь к ответственности, оштрафовать или даже посадить, не говоря о конопле. Мы, даже когда уже слышали, что где-то там есть наркомания, но понятия не имели о том, в чём они присутствуют и как достигается эффект, который позже

будут называть, как кайф. Мы кайфовали от того, что были и так счастливы, молоды, влюблены. Ну разве, повзрослев, начинали баловаться винчишком.

Мы знали, как пахнет сено и любили ночевать на сеновале, после длительного инструктажа отца по пожарной безопасности. Не знаю, как кто, но я лет с 10 полюбил косить сено. И когда научился косить косякой «на полную ручку», видя, как сено ложится ровным валком, получал истинное удовольствие. А в 14 лет первая загонка на комбайне СК-4, при косовице «на свал» — это тоже нужно просто ощутить и прочувствовать.

У нас были крепкие зубы, которыми мы кусали всё: зелёные, кислые яблоки, макуху, которую напилили для донок и леску, при закреплении крючков, и свинец грузиков... У нас были крепкие мускулы, «бронепробивные» пятки и устойчивая к внешним раздражителям психика.

Мы не канючили у родителей денег на конфеты или игрушки. Корочка домашнего хлеба с подсолнечным маслом и солью или со свежими сливками, которые ты саморучно перегнал на сепараторе, или домашнего сливочного масла, отбитого на маслобойке — нет ничего вкуснее. Игрушки нам заменяло деревянное оружие мы мастерили сами, затупив отцу ножовки и рубанки.

Мы до мозга костей пропитаны патриотизмом, который передавали истинные участники той страшной войны, с эхом которой мы повсеместно сталкивались. Ветераны неохотно, порой со слезами на глазах, рас-

сказывали о том, какой вклад они внесли в ту победы, благодаря которой у нас есть это счастливое детство, в котором мы живём. Их было много, но они очень быстро, не дожив до глубокой старости, пополняли тот, журавлиный клин, который начали создавать их боевые друзья своим беспримерным подвигом и бес-смертием. Они жили скромно рядом с нами и в наших больших семьях, трудились и тихи уходили в Царствие Вечности, оставив то после себя, что мы должны пронести через всю свою жизнь и передать молодому поколению. Это наша святая обязанность, наш долг перед ними, ветеранами-победителями.

Любая попытка переубедить нас в правоте фундаментальных убеждений идеологии, ведущей нас к светлому будущему человечества, стекали с коры головного мозга, не проникая внутрь, сколько бы наши враги не пытались, а стекала, «как с гуся вода». Советская «бронь» идеология была самой прочной из всех, но до поры и до времени...

Мы не были богатыми и на свиданиях не дарили девушкам розы — в лучшем случае — сирень, ромашки или васильки. Мы не сидели в кафе и ресторанах, а встречались на лоне природы, не афишируя своих симпатий и чувств на людях. Это таинство, под названием любовь, было без вмешательства чужого внимания, мнения и советов.

Мы были духовно богаты и материальным ценностям предпочитали духовные. Мы были романтиками, «энтузиастами», как говорил Петросян в юмореске. Сейчас молодёжь едет в Москву и на стройки деньги

зарабатывать, а тогда ехали за новыми впечатлениями, «за туманом и романтикой тайги», ехали, потому что была духовная потребность, желание участвовать в чём-то важном, быть частицей нового и прогрессивного.

Нас упрекают в том, что мы развалили страну. Но страну развалили политику, а мы, сменив в передовом строю наших дедов и родителей, строили и создавали. Во время сезонных работ, мы с удовольствием ехали в колхозы на прополку овощных и пропашных культур. И умели совмещать приятное с полезным. Отработав с мотыгой, заезжали на водоёмы, где культурно могли отдохнуть и сныть с тела жар летнего солнца, пообщаться в непринуждённой обстановке, вне производственных помещений и дома. Чувство коллективизма было на высоком уровне.

Наши родители могли найти повод, чтобы просто вечером посидеть с соседями за круглым столом по маловажному поводу и всегда двери были открыты для односельчан и гостей. Они могли организовать праздники на всё село. И не обязательно «новогодним огоньком» в сельском клубе или «обжимками», по поводу окончания жатвы. Все селяне приходили, чтобы помочь в завершающей работе по строительству дома, ведь тогда стены не шпаклевались, как и потолки и «мазались» глинно-соломистым замесом. Работали весело, споро и дружно, с песнями и шутками. А по окончанию работ накрывался длинный стол. Селяне отмечали значимое событие, а гулянка могла бы и не уступить по масштабу даже свадьбе.

Всем селом провожали парней в армию и правление колхоза организовывало торжественные проводы с чествованием в клубе. Как я радовался, когда по результатам уборочной страды мне вручили почётную ленту «Гвардеец жатвы», которая до сих пор, уже почти полвека хранится в шкафу. К ней полагалась и денежная премия в конверте, но я даже не запомнил, сколько там лежало, 50, 80 или 100 рублей — не важно.

Победитель соцсоревнований — это круто, очень круто. «Ударник коммунистического труда» — это звание, которое даже не знаю, с чем можно сравнить в нынешних регалиях.

Нужно было видеть счастливые лица людей на первомайских демонстрациях и празднованиях Дней Победы или Великого Октября. Силком не тащили. И после торжественной части мы не бежали скорее по домам, а искали общения, посиделки устраивали или празднования на природе. Не зря с той поры осталось поговорка «Не выпивки ради — поговорить хочется».

И, как практически останавливались производства, в День сдачи донорской крови. Был ещё один повод массово и культурно отдохнуть на природе, даже, если перед этим был обед в ресторане.

А вы видели очереди у кассы кинотеатра накануне премьеры фильма, когда заблаговременно покупались билеты? И на всех трёх вечерних сеансах залы были полны «под завязку», с установкой дополнительно стульев вдоль прохода. Вы слышали обращение перед началом сеанса у входа в кинотеатр: «Извините! У вас нет лишнего билетика?»

Танцы на летней танцплощадке в парке — это непередаваемое ощущение кайфа от живой музыки, когда супер-новые шлягеры, хоть их тогда так и не называли, через неделю уже звучали на всех танцплощадках страны и даже в наших глубинках. Супермодные ВИА «Весёлые ребята», «Самоцветы», «Голубые гитары», «Цветы», ... «Звёздочка моя ясная» в исполнении Александра Лосева трогала даже самые чёрствы́е сердца, делая мир светлее, добрее, вселяя в души и сердца любовь. Я и сейчас не могу без волнения, «букетов» эмоций и воспоминаний слушать эту песню и слушаю её очень часто, как и многие другие, в которых вся наша молодость.

Можно было бы продолжать и продолжать в том же роде: «Мы жили... мы были... нам не забыть...». А, что сейчас? Ведь жизнь стала лучше, жить стало веселей?! Разве нет?! Мы не бедствуем, в основном-то, не голодаем, сравнительно с народами африканских стран, а кто-то и вовсе, но это единицы и, видимо, им «от общего пирога побольше досталось». Вот мне досталось три акции РТП (Ремпредприятие), хоть и не копейки не получил за более, чем 30 лет, а когда нужно было оформиться в службе занятости, мне отказали, сказав: «Вы — соучредитель, вам не положено пособие по безработице». Тоже мне, нашли во мне «олигарха» с дырявыми карманами. А земли, к сожалению, не досталось, не заслужил. Да и родители, хоть всю жизнь в колхозе проработали, а на момент «дележа» отъехали — в «пролёте», стало быть.

Магазины сейчас забиты всем и больше, чем всем, есть всё, даже то, что называли «плодами буржуйскими». Мы не толкаемся у культмагов, интересуясь дисками популярных зарубежных групп или того же Владимира Высоцкого, у зевак, а на самом деле, у перекупщиков, иначе говоря — у фарцовщиков. Сейчас всё это законно и у них свои огромные магазины, торговые центры и рынки, и за это им ничего не будет, кроме баснословных барышей. А те, что были диковинные в советское время фрукты и не только, можно свободно купить в сельском ларьке или частном магазинчике, вытеснивших сельмаги. По супермаркету мы сейчас ходим, как по музею. Но признаюсь вам по секрету, я по запаху даже упаковки и вообще по запахам в таких крупных магазинах, ощущаю перебор того, что мне уж точно вредно — консерванты, импортная упаковка, пластик неизвестной группы вредности для здоровья. Моя печень — лучший прибор, для определения в продуктах нитратов и прочей химии.

Мы сейчас не заказываем по посылторгу виниловые грампластинки Апрелевского завода и запасные части к домашнему, незаменимому помощнику в сельской местности, мотоциклу ИЖ-56, ИЖ-Юпитер — 2, «три» или «четыре» то, что купить было тогда в магазине невозможно. Да и о таких «диковинных» вещах, которые я перечислил уже мало кто помнит. На слуху слова «байк», «скутер» и среди всего нынешнего невозможно найти российского производителя.

Да, что там мотоциклы, отечественные автомобили, если там ещё что-то отечественного осталось, стоят

уже все от миллиона. Вот, что мне пенсионеру, да ещё и на группе, нужно сделать: не есть, не пить и отказаться от лекарств, чтобы лет за десять, уже в состоянии мумии, при пенсии в 15 тысяч, чтобы купить новенький авто? Я знаю ответ — мечтать! Мечтать — не вредно.

Мы не ездим на «толчок» в г. Таганрог или в г. Ростов-на-Дону, чтобы купить новую поршневую группу на «Яву» -«старушку» или резину на «Жигули». Сейчас «любой каприз» за наши деньги исполнит сеть магазинов, а если нет, то это можно сделать на «Азоне», «Уайлдбериз» и прочих сервисах услуг. Осознаём мы то, что тем самым поднимаем на новые высоты развития китайскую промышленность или нет — об этом сейчас мало кто думает, тем более что китайские товары стали более качественные.

А мы, наивные, в начале 90-х думали, что мы не будем просто покупать все заграничное и наша промышленность и другие производства поднимутся «с колен» и начнут развиваться. Но до этого ведь нужно было уничтожить или «переломить через колено» сельское хозяйство с производством зерна и продукции животноводства... Ведь «ножки Буша» — вот они, без особых затрат и проблем, бери и ешь. А то, что только в нашем районе было уничтожено птицеводство, крупнейшие «Алексеевская», «М-Курганская» и «Латоновская» птицефабрики. Наш мясокомбинат работал только на сырье наших птицефабрик и совхозов по откорму КРС и свиней. Нас кто-то спросил, хотим мы этого? Что ж, можете обвинять и нас

в том же, что мы допустили, что не отстояли, что позволили «власть имущим» сделать со страной то, что мы всё разрушив, отстали в производствах и технологиях на 20—30 лет и теперь вынуждены пожинать плоды того разгильдяйства. Что ж, вините, мы крепкие и закалённые, все выдержим. А, если нет, то значит — не судьба. Всё имеет свой срок службы и техника и человек. Видимо нас там уже заждались.

Одно хочу сказать, мы верили власти, нас приучили верить. И сейчас мы верим. Нас не переделать. Я, сажая с женой огород в апреле 1985 году, слушал радио внимательно и радовался тем переменам, о которых с высокой трибуны Михаил Сергеевич говорил на Пленуме ЦК КПСС, о реформах и преобразованиях в социально-экономическом развитии страны. И мы верили, мы ждали этих перемен. И... дождались.

Мы все очень быстро в 90-е годы стали «миллионерами». Только, что можно было за них купить? Разве булку хлеба. Ещё в 70-80-е годы, честный труженик не мог себе позволить купить легковой автомобиль, стоимостью в пять с половиной тысяч рублей. И сейчас такая же картина, только уже в другом числовом ряду, не в тысячах исчисляется стоимость, а в миллионах.

В начале двухтысячных годов мы могли сопоставлять изменение цен по сравнению со стабильными ценами 80-х годов, и могли это сделать простым умножением старых цен на 100, а в качестве мерил брали цену за «кирпичик» белого хлеба. Вот, если взять сегодняшнюю цену за тот же хлеб, то она

в 200 раз поднялась и это без учёта того, что хлеб значительно стал легче, «воздушнее», а за воздух тоже нужно платить.

А если взять стоимость бензина, то он вырос в 350—400 раз, «дизель» вырос до 500 раз. Не нужно быть кандидатом химических наук, чтобы знать то, что себестоимость получения дизельного топлива в разы ниже, чем бензина. И в «застойные времена» так и было. А когда люди поняли выгоду перехода на автомобили с дизельным двигателем, нам сказали «нет, так не пойдёт!» и сейчас что? Дизельное топливо стоит дороже бензина. Точно так и с переоборудованием автомобилей на газовое топливо, которое было очень дешевым. Опять нам говорят «нет! дураков нет!» — цена на газ взлетела. Подходит уборочный сезон, а значит, что нужно повысить цену на горючку. Даже, если власти сделают вид, что борются с необоснованным повышением цен и даже снизят цену на две копейки, после подорожания на два рубля — прибыли миллиардные, а кому, не трудно догадаться. А крестьянин выживай, если сможешь.

«Умом Россию не понять, одним аршинов не измерить». За «бугор» можем за копейки продавать — политика такая, а с граждан в три шкуры драть. Голова лопаётся в желании понять всё это и к чему так мы можем прийти.

И потому я не перестаю повторять, мы были счастливы, когда жили духовным миром, а материальное стояло на втором и третьем месте. А теперь, чтобы просто выжить, приходится работать, хоть и здоровья

нет, но... иначе совсем нехорошо будет, если не говорить плохо. Очень давно, что уже и не помню, когда была ходовой байка, которая и сейчас актуальна. В чём её суть.

Задаётся вопрос: «Как сделать так, чтобы народ был доволен властью?».

Ответ: «Нужно народ зажать так, чтобы пищал от невыносимости. А потом медленно попускать. И он будет счастлив, радуясь подачкам».

Мне так хочется вернуться в моё босоное беззаботное детство, где я был счастлив, где люди жили единой сплочённой сообщностью, с единой идеологической политикой, трудились с энтузиазмом и были уверены в завтрашнем дне.

Мы, старые люди, с годами ворчим всё больше и больше, а молодёжь, пока они сильные и могут позволить себе работать, как раньше считалось «сверхурочные» часы для того, чтобы заработать больше и радуются, что им это позволяют делать. А в наши годы и начиная в «маёвок» на заре XX-го века митинговали и организовывали забастовки, с требованием 8-ми часового рабочего дня. Нам скажут: «Вы хотели капитализм — получите!» Я лично не хотел этих рыночных отношений.

Да, я — старый ворчун. А, разве и это сейчас нельзя? Ведь одним из главных достижений, теперь уже, если посмотреть на запад, загнивающей демократии, являлась «свобода слова». Всё, закончилась?!

Не буду называть, где я тогда работал, но это была на заре коренных изменений и перехода к рыночным

отношениям, когда появились «советы трудового коллектива», наделённые правами больше на бумаге. Приходит руководитель и зная, что его распоряжение мы «встретим в штыки», говорит:

«Значит так, демократия уже закончилась! Хватит бузить. Слушайте, это ваш новый начальник. Прошу любить и жаловать...».

Так это было тогда, когда мы ещё не знали куда и зачем мы идём, а вернее нас ведут лидеры «перестройки», «приватизации», «программ 500 дней» и другим сказкам, в которые мы, привычные к тому, что «на-Шалнык Богом дан», нужно слушать и повиноваться.

Я стар и как-нибудь дотяну до естественного финиша. Тем более, что я познал, что такое счастье в жизни, когда «ты гол, как сокол», но счастлив, что свободен в выборе жизненных путей, ты уверен и не находишься под прессингом давления обстоятельств, независящих от тебя самого. А то, что ты тогда был беден, то и сейчас тебе не дадут «высоко взлететь», если жилы не порвёшь переработкой или не сможешь «влезть в шкуру» крутой должности, где пошлется приличная мзда в твой карман или на счёт. Может я и не прав, я в шкуре начальника никогда не был. Только слепой сейчас не видит, как ещё более контрастно произошло расслоение общества на сильно богатых и выживающих.

Да, конечно, было и раньше расслоение общества, но не так же заметно и нагло. Почему сейчас олигархи, которых, как манна небесная упали на голову все богатства, которые хранили недра, как государствен-

ное и народное достояние, а оказывается, что у них есть теперь законный хозяин, который вправе «стричь» многомиллионные дивиденды, а тот, кто их производит или добывает — на многие порядки меньше имеет. Можно подумать, что олигарх, в качестве «рассады» или «дрожжей» что-то под землю залил и теперь нефть или газ «расплодилась» и во многом это и есть его заслуга. А по сути, он — «вампир», сосущий из государственных богатств свою «львиную» долю прибыли и тогда, когда «насосётся, как Чубайс, его мирно отпускают туда, куда он вложит эти деньги и они снова будут работать на него и его семью, а не на государство, давшее возможность, не просто разбогатеть — озолотиться.

Нам, простым россиянам жаль нашу любимую Родину, нашу Матушку-Россию. А им её жалко? Мы собираем на нужды бойцов ВСО (военная специальная операция) те крохи, которые только можем, экономя на продуктах и лекарствах, а они жертвуют, хотя бы дневной заработок, исчисляемый миллионами рублей. Сильно сомневаюсь.

Нам жаль детей, на которых государство не может найти деньги на дорогостоящее лекарство или операцию, а мы, люди, стоящие у черты нищеты, находим и помогаем. Почему? Да потому, что мы счастливые люди. Мы из того поколения людей, для которых девиз «Нам солнца не надо — нам партия светит, нам хлеба не надо — работу давай!» — это не пустой звук и не шутка, вернее, в этой шутке есть всего доля шутки.

Будьте счастливы, друзья так же, как счастлив я и люди моего поколения! А ворчу я, стар, потому что. Это один из признаков старости. И ещё хочу пожелать вам, не старейте, как можно дольше. Вам увеличили возраст выхода на пенсию на пять лет, а стало быть, что вы ворчать станете попозже, чем это начал делать я. Храни вас, люди, Господь! Господи, дай всем мира и достойной жизни и чтоб у каждого на столе был хлеб, а в родниках нашей малой большой Родины всегда били ключи чистой воды, дающие силы физические и духовные! Да будет так!

*Ворчун со стажем,
Александр Иванченко.
20.07.24 г.*

Оглавление

От автора	3
Избач	6
Повесть	6
1	9
2	25
3	50
4	65
5	87
Послесловие	108
«Клятва на крови»	111
1. Вот если б скуку разогнать	111
2. Клятвенный ритуал	126
3. Листая жизни календарь и делая отметки	144
4. Эпилог	155
Стихи	158
Ты мне больше не брат?!	158
Раскрыться нельзя мне замкнуться	160
Зачем?	160
ВладиМиру	161
Тайна жизни	162
«Нянь»	163
Защитникам Отечества!	163
Не срослось	165
Один лишь день	165
До того так хотелось дожить	166
Примите мои поздравления	167
Диалог с читателем	168

Проклинаю вас, террористы!	169
Мир без поэзии?!	169
Стёжки-дорожки	171
Счастье рядом	172
«Морской узел»	172
Весенний рассвет	173
Жизнь	173
Пришло время... ..	174
Заключение контракта	175
Теплом души поделимся с весной	175
Разберёмся в жизни, брат!	176
Симптомы «хворобы»	177
Финал	178
Нет проблем!	179
Перезвон	180
Не верю я... ..	181
Радуйся!	182
Звёзды сердце не согреют	182
Выяснение отношений	184
Всё в наших силах и в Божьей власти	185
Тепло улыбки	186
Что со мной... ..	186
Жизненный маршрут	187
«Жди меня» в Матвеевом Кургане	188
Эссе	199
Микро-экосистема	199
А, собаки, они нас умнее?!	204
Как прекрасен этот мир! Посмотри... ..	210
О «гениях» и «изгоях»	227

Моя хата с краю... или улица родная,	
Первомайская, моя	236
Просто равнодушный	248
Общества устои и люди-изгои	254
А судьбы кто или горе от ума	270
Размышления ворчуна	281
Интервью газете «Деловой Миус»	281
Размышления ворчуна	296

Александр Иванченко

Избач
ПОВЕСТЬ, СТИХИ, ЭССЕ

Редактор Александр Иванович Иванченко

Фотограф Александр Иванович Иванченко